

Всё на смерть похоже

Contents

Глава I. Монастырь	1
Глава II. Чёрная лилия	14
Глава III. Могила изгоев	41
Глава IV. Пленение тупулы	76
Глава V. Вампиры	97
Глава VI. Сатурата	113

Глава I. Монастырь

Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Господом

1 Кор. 3: 19

За поворотом начиналась развилка. Лес расступался, и темные кроны дубов расходились в стороны, образуя щель, в которую небо было видно не просто отдельными сгустками синевы сквозь ветви, а гораздо шире – бесконечной полосой. Можно было ожидать, что какая-то из ели различных дорог, идущих одна налево, другая направо, должны вывести к человеческому жилью. И всматриваясь до боли в глазах в пустые промежутки между деревьями, хотелось надеяться, что это именно так.

Мы присели на перекрестке, рядом с большим валуном, лежащим почти в центре развилки. Камень был густо покрыт зеленым мхом, и только местами проглядывала его серая поверхность. Десять дней назад мы покинули город Мефодиев и отправились вглубь дремучих лесов с целью найти монастырь святого Пафнутия, один из древнейших в мефодиевских пределах, сведения о котором относились еще к XI веку. Мы знали, что обитель находится в самой глубине Кабаньей пуши на берегу речки Коровец. Нам, конечно, рассказывали, что пуща практически непроходима и абсолютно неподвержена человеческому воздействию, однако мы не верили таким рассказам, полагая, что в начале XXI

века, да еще в центре России уже не осталось необжитых и непроходимых мест. Наверняка и в Кабаньей есть дороги, тропы и лесные поселки. Но еще позавчера мы покинули деревушку Осиновичи, расположенную у самой пуши, и с тех пор никакого человеческого жилья не видели. Жители Осиновичей уверяли нас, что уже давно не ходят вглубь пуши, ограничиваясь посещением подлеска, где собирают грибы и ягоды, но все же указали нам заросшую дорогу, которая вела к старому лесничеству. Когда мы уходили из деревни, немногочисленные обитатели ее, провожавшие нас, с ужасом глядели нам вслед, как будто провожали покойников в последний путь.

Нас было трое в этой экспедиции: я, Буревой Садомиров (собственно по моей инициативе и был затеян этот поход, поэтому меня держали если и не за командира, то за штурмана, прокладывающего путь) и два моих приятеля монаха из братства гештальтгерольдов - преподобные отцы Климент и Андрогин. Андрогин еще совсем молодой, без внешних признаков растительности на лице, что придавало его физиономии, круглой и розовой, юную свежесть. Рядом с коренастым, заросшим от бровей до подбородка безобразной рыжей бородой отцом Климентом юный Андрогин выглядел как школьник рядом со своим отцом. Мне вообще всегда казалось, что монах Климент больше похож на пастушью собаку, чем на человека. Помимо того, что все лицо его заросло волосами (ну или почти все), из-под густых бровей буравили тебя черные злые глаза, полные недоверия к собеседнику, так еще и волосы на голове, будто сваленные, торчали непокорно в разные стороны, придавая Клименту выражение некой свирепости. Мне было любопытно: может эти волосы и дальше простираются по всему телу и у монаха Климента мохнатые лапы и ноги, да не видно их под густыми складками розового подрясника. Да, да - традиционно у гештальтгерольдов цвет подрясников розовый - вековая традиция, и они за нее держатся, несмотря на насмешки, а иногда и прямые обвинения в ереси со стороны других братств. Но гештальтгерольды всегда ссылаются на то, что основатель братства, преподобный Ону, носил именно такой подрясник и завещал носить его своим последователям, вкладывая в это какой-то глубокий мистический смысл. Говорят, что тайну розового подрясника открывали только монахам высшей степени посвящения: проктаторам и сингуляторам. И, кстати сказать, отец Климент был сингулятором и наверняка знал эту тайну.

Зачем мы шли в обитель св. Пафнутия? Паломнические пути там никогда не пролегали: богомольцы не ходили в этот монастырь, хотя мощи св. Пафнутия издревле почитались в народе. Но

тропы и дороги к монастырю заросли, и те, кто знал, как туда пройти, давно умерли. У нас было поручение от епископа к настоятелю монастыря, которое он передал лично мне в запечатанном конверте. Конечно, ни я, ни мои товарищи не знали тайны, содержащейся в письме, но дали слово владыке исполнить его, чего бы нам это ни стоило. Он рассчитывал на нас, опытных походников, и его вера в нас поддерживала в этом начинании.

Мы шли по заросшей дороге. Колеи были четко видны, хотя и утопали в разнообразной зелени, давно не мятой не только колесами тяжелого грузовика, ибо здесь мог проехать только он, но и сапогами разумного человека. Наши ноги осторожно касались этой одичавшей земли, и с каждым шагом в нас росла уверенность, что конечный пункт нашего путешествия уже близок. К исходу дня на опушке леса, к которой вывела нас запущенная дорога, мы увидели монастырь. Он был окружен высоким забором из толстых бревен, вертикально вкопанных в землю и плотно подогнанных друг к другу. С восточной и западной стороны возвышались две башни, мы также разглядели деревянные луковки церкви, расположенной внутри ограды и гонтовую крышу колокольни, почему-то не увенчанную крестом. Остального, т. е. построек, из-за высокого забора не было видно. Перед монастырем протекала небольшая речушка, через которую был перекинут навесной мост, и тропа от него вела к запертым воротам. Мы подошли к ним. Уже темнело. На башнях зажглись огни, а по стенам выставили пылающие факелы. Отец Климент постучал тяжелым посохом в запертые ворота, настойчиво и громко. Звук эхом разнесся по лесу, так как стояла такая глухая тишина, что казалось, будто в лесу нет ни одного живого существа, а ветры никогда не достигают этих мест. Прошло некоторое время, и чей-то грубый осипший голос с той стороны спросил: «Кто?» Мы ответили, что от владыки Тиберия к настоятелю, со срочным поручением. Несколько минут с той стороны молчали, а между тем тьма ночи сгущалась, и факелы все ярче освещали пространство около стен. Мы оглянулись на дорогу, по которой пришли, и которая теперь погрузилась в тьму. Нам показалось, что там движутся какие-то смутные фигуры - стало не по себе, и мурашки пробежали по коже. Наконец из-за ворот снова послышался тот же грубый голос: «Читайте Иисусову молитву». Мы прочитали - заскрипел замок, ворота отошли в сторону, предоставив нам узкую щель, ровно такую, чтобы через нее пробраться внутрь по одному.

Наконец вошли. Перед нами стоял огромный, мощный монах в подряснике, и плечи его едва вмещались в него, он был

препоясан широким кожаным ремнем, а голову прикрывал остроконечный клобук. В руках монах держал горящий факел, и неровные огненные блики мерцали на его крупном, диковатом лице, покрытом длинной черной бородой. Глаза монаха яростно горели, как будто он пытался прочесть все наши мысли одновременно и вынести по поводу них свое собственное суждение раз и навсегда. Он велел идти за ним, так как настоятель ждал нас.

Мы пошли следом, мимо мрачной деревянной церкви, ветхих избушек и каких-то длинных сараев к деревянному дому в два этажа. Это игуменский корпус, с единственным окном в котором горел свет. Мы поднялись по крутой лестнице. Путь нам освещал свет от факела в руках монаха. Половицы немилосердно скрипели под тяжестью наших шагов, а тени неистово плясали на потолке и стенах. Отец Палладий, так звали игумена, ждал нас в своей келии.

В просторной комнате, игуменских покоев в темном углу стояла неширокая кровать и простой деревянный стол на толстых ножках, за которым сидел пожилой монах, погруженный в чтение какой-то толстой потрепанной книги. Тьму в комнате разгоняла свеча, вставленная в светильник и стоявшая почти рядом с книгой, факел монаха добавил еще больше света, пламя его касалось потолка, оставляя на нем черный след копоти.

На игумене были схимнические одежды, куколь лежал на плечах, густые седые волосы торчали в разные стороны, длинная окладистая борода лежала лопатой на груди, косматые брови походили на маленькие крылья. Черты лица его были резки и выдавали в нем человека несдержанного, легко впадающего в гнев. Он молча уставился на нас, ожидая, что мы ему скажем. Мы подошли под благословение, которое он нехотя дал нам. Я протянул письмо епископа, игумен тщательно изучил печать, как-то подобрел лицом, во всяком случае, мне так показалось, не вскрывая, отложил конверт в сторону, а затем обратился к монаху:

- Отец Спиридон выдайте этим людям все, что нужно для предстоящей ночи

А затем обратился к нам:

- Рад видеть вас в монастыре святого Пафнутия. Монах Спиридон покажет вам, что нужно делать.

Разговор был окончен, и мы отправились вслед за отцом Спиридоном по той же лестнице, и снова его широкая спина закрывала от нас свет факела. Очутившись на первом этаже,

мы вошли в какую-то боковую дверь и здесь остановились в большом зале. Монах поднял факел - тьма частями рассеялась, обнажив огромную кучу разного, по преимуществу холодного оружия: здесь были ножи, мечи, сабли и шашки, пики и алебарды, дротики, палаши и боевые топоры, булавы и кистеня, по стенам висели щиты, луки, колчаны полные стрел, повсюду валялись мисюрьки, шлемы, железные панцири как чешуя диковинных рыб, лежали груды кольчуг. Отец Спиридон велел нам вооружаться, мы повиновались. Я надел кольчугу, которая спускалась мне почти до колен, препоясался мечом и водрузил на голову шлем, отец Климент облачился в панцирь и выбрал огромный топор, а отец Андрогин взял крепкий палаш и поверх подрясника надел также кольчугу. Вооруженные и готовые к любым неожиданностям, мы вышли из игуменского корпуса. Монах Спиридон одобрительно на нас посмотрел, и лицо его приняло благообразное выражение. Сам он прихватил с собой кривой татарский лук и несколько колчанов, туго набитых стрелами. Мы отправились к стене, где уже ярко пылали факелы и на галереях стояли монахи, пристально вглядывающиеся во тьму, как будто ожидая нападения неведомого врага.

Мы поднялись вместе с монахом Спиридоном на галерею, он указал нам наши места и мы заняли их. Единственное наставление, которое нам дал отец Спиридон звучало так: «Не проливайте своей крови». Пришлось повиноваться и ни о чем не спрашивать, все принять как данность, ведь с детских лет нас приучили, что послушание выше поста и молитвы.

Вместе со всеми я всматривался во тьму наступившей ночи. Ночь была безлунной. Лишь слабое темно-синее сияние устилало на западе горизонт и в той стороне появилось множество растянувшихся сплошной линией желтых огоньков. Они быстро приближались к нам, и, когда достигли узкой полосы света вдоль монастырской стены, образовавшейся от ярко горевших на стенах факелов, перед нами предстало множество бледных теней, как бы имевших плоть и образ людей, но какая-то мертвенная, не жизненная сила циркулировала внутри них, придавая им вид цельности. Но в ней, в этой цельности, лишь контуры обозначали прежних людей. То, что я принял за огоньки, на самом деле было их глазами, горевшими во тьме лютой, нечеловеческой злобой, такой, что бывает от долгих, бесконечных мучений, бесцельных в своей бесплодности. Впереди всех стояла девушка, белое платье и черные длинные волосы ее развевались на ветру. Она как будто кого-то высматривала среди стоящих на стене защитников монастыря и, когда нашла, подняла правую руку вверх, издала какой-то дикий, утробный звук, и вся толпа ринулась вперед.

Они подставляли друг другу спины и стали быстро подниматься на стену - навстречу им полетели тучи стрел, камней и дротиков. Попадая в них, они разрушали их призрачную плоть в пыль, но это не останавливало натиска. Уже на вершине самой стены завязалась отчаянная схватка между монахами и призраками, которые ловко орудовали своими руками с длинными и острыми, как лезвия, когтями. Однако, как не стремительны были их движения, монахи оказывались ловчее и пока сдерживали натиск нападающих. Мне также пришлось вступить в схватку: я отрубил пару голов, несколько рук, рядом со мной усердно трудился отец Климент - его топор опускался направо и налево, а отец Андрогин, как заправский дровосек, орудовал палашом.

Моя рука, с занесенным для удара мечом, остановилась тогда, когда на стену взобралась девушка-предводитель. На одно мгновение я потерял уверенность в себе, наши глаза встретились, и я увидел в ее очах бездонную жуть отчаяния, перетекавшую в меня и сковывающую все мое существо. Мощный удар в правое плечо сокрушил меня, я упал, но меча из рук не выпустил. Девушка-призрак наклонилась надо мной, открылась ее огромная пасть, усеянная мощными клыками, которая готова была сомкнуться на моей шее, но я вонзил ей меч в бок, и она рассыпалась, покрыв меня густой пылью. Тотчас бой прекратился, призраки стали отступать, скрывшись во тьме, породившей их.

Монахи расходились по своим кельям, угрюмо посматривая на меня, никто не сказал ни слова, а брат Спиридон снова велел нам идти за ним, в место, назначенное нам для ночлега. Следующий день начался так, будто в предыдущую ночь ничего не было. Монахи чинно стояли на службе в маленькой деревянной церквушке, насквозь пропахшей сосновой смолой и ладаном. Служба была долгой, тягучей, со множеством земных поклонов и заунывными, растягивающимися на десятки минут песнопениями. Закончилась она к полудню. Вышел из церкви я изрядно уставший, да еще вчерашний бой давал о себе знать - болели все мышцы, разламывалась спина.

Все пошли в трапезную. Она располагалась в длинном бревенчатом доме со множеством маленьких окон, расположенных в два ряда друг над другом. Свет, проникающий сквозь такое количество окон, делал все внутреннее пространство трапезной светлой и веселой. За длинными деревянными столами после продолжительной молитвы расселись монахи. Они ели из деревянных мисок деревянными ложками. Стол просто ломился от разнообразной постной снеди: тут были глиняные блюда, наполненные доверху оливками и финиками,

тарелки с дымящейся жареной картошкой, приправленной зеленым луком, петрушкой, горы румяных пирожков, расстегаи, овощные голубцы, разнообразные фрукты: яблоки, груши, гроздья винограда. Посреди этого богатства возвышались высокогорлые кувшины с разными напитками. Я отведал из каждого: в одном был квас, крепкий и ядреный, в другом отличное домашнее пиво, в четвертом прекрасное домашнее вино, в пятом мед. Я ел понемногу и пил все, что стояло на столе. Настроение мое после долгой службы и изнурительной битвы повысилось, мир казался розовым, всех хотелось обнять и любить. И все были веселы за этим столом, я не видел того, что принято обычно за монастырской трапезой, сдавленной тишины, чавканья, сурового постукивания ложек о дно тарелок и чтения, чьим-то слабым, «чахоточным» голосом чего-нибудь из святых отцов или жития святого этого дня. За столом стоял шум и гам, монахи вели оживленные беседы, правда, исключительно на благочестивые темы. Кто-то вспоминал эпизоды из жизни святого Пафнутия, кто-то размышлял о глубинах богословия святителя Василия Великого и об Иисусовой молитве, а кто-то затеял спор по поводу того, что экуменизм является всеересью и необходимо собрать Всеправославный Вселенский собор и предать анафеме всех экуменистов, этому брату возражало сразу несколько монахов, и спор становился все жарче.

Игумен сидел во главе стола и молча поглядывал на братию. За все время трапезы он не проронил ни слова, лишь попивал из высокого стеклянного бокала густое вино наподобие мальвазии, которое ему постоянно подливал из пузатой бутылки услужливый послушник. Я еще в городе слышал от владыки, что здешний игумен великий постник и действительно теперь в этом убедился: он не притронулся ни к одному блюду, перед ним стояла небольшая тарелка с ломтиками сыра, и за все время он съел лишь несколько кусочков. Итак, вся его еда – вино и сыр. «Лн не великий постник, он великий пьяница» - невольно подумал я.

Молча ели и мои друзья, монахи-гештальтгерольды: для них обстановка была диковата, они не привыкли к таким нарушениям традиций монашеской трапезы, наверняка осуждали все, что здесь творится, но про себя, никогда бы они не нарушили монашеского этикета и не высказали вслух слов осуждения. Не притронулись они ни к меду, ни к квасу, ни к пиву, ни к вину, а попросили послушника принести им воды. Наконец игумен позвонил в колокольчик - это значило, что трапеза закончилась. Все мгновенно стихли и встали, хором пропели благодарственную молитву, которая была также длинна, как и перед трапезой, из-за странного тягучего напева,

который использовали в здешнем монастыре, такого прежде я нигде не слышал.

После трапезы настал черед послушаний. Мне настоятель благословил наполнять цистерну водой, которую надо было носить из источника, расположенного на берегу речушки Коровец. Все было просто: в землю вставлена изогнутая стальная труба, из которой непрерывным потоком лила широкой струей студеной вода. Подставляешь ведро, которое наполнялось в считанные минуты, и несешь наверх, к большой цистерне, вливаешь в нее и бежишь обратно за водой. Из цистерны брали воду все монахи для своих нужд, так что послушание мое было важным. К полудню, непрерывно бегая туда и сюда с ведром воды, я изрядно вспотел и устал, так что сел около непрестанно льющегося потока на склизкий камень, чтобы отдохнуть, да так и уснул под шум этих струящихся вод. Проснулся от странного ощущения, будто кто присутствовал где-то рядом со мной. Я огляделся и увидел тень под сенью плакучих ив. В туманной человеческой неясности я сразу узнал свою ночную соперницу, которая едва не прокусила мне шею своими стальными клыками в ночной битве. Я приблизился к ней и увидел, что как бы она вполне реальна и не так призрачна, как казалось ночью. Она была красива: правильные черты лица сочетались в ней с изящными контурами стройного тела, облаченного в белое платье. Черные волосы свободно ниспадали на плечи. Строгие глаза из-под длинных ресниц смотрели прямо и требовательно, как будто что-то ждали, но, во всяком случае в них не было прежнего, ночного, озлобленного отчаяния. Я невольно, даже нехотя, прикоснулся к ней, ощутив плотное и упругое тело ее, которое как будто откликнулось на мое прикосновение ожидая долгой вечности его, и подалась всем телом ко мне. Я отступил, чувствуя необычность происходящего, но понимая, что призрак ночи вполне реален сейчас, во свете дня.

- Пить, - попросила она. - Дай мне пить.

Я поспешно зачерпнул ковшиком из ведра, протянул ей студеной воды, но она протестующе замотала головой

- Эта вода мне не поможет, мне нужна та, что течет в твоих жилах. Всего лишь каплю, не больше, чего тебе стоит?

Я невольно отскочил от нее, расплескав содержимое ковшика. Она исчезла. Весь оставшийся день я провел как в лихорадке: носил воду до изнеможения, пытаясь избавиться от того видения, что было утром. Всенощная под апостолов Петра и Павла прошла торжественно и чинно - я истово молился, клал земные

поклоны так, что ломило спину. Служба закончилась около девяти вечера и, поужинав, мы пошли спать. Заснул я сразу, как будто провалился в черную яму, но едва ли проспал и два часа, как разбудил меня взволнованный отец Андрогин: он уж был в полном вооружении и сообщил, что враг снова готовится к нападению и нужно идти на стены. Я поплелся за ним. Битва была жаркой и длилась всю ночь. Моя дневная посетительница теперь уже целенаправленно выбирала именно меня, я отразил ее натиск несколько раз и, уже изнемогая, под утро смог снова паразитить призрака. На этом сражение закончилось.

Потекли томительные дни: службы и битвы, не было ночи, когда бы мы не становились на стены и не отбивали натиск призраков. Усталость и недосып сделали меня похожим на зомби: я уже с трудом разбирал, где явь, а где сон. Мои друзья-монахи выглядели не лучше, мы редко разговаривали и уже не успевали делиться мнениями.

Призрак девушки днем, с того памятного дня, я больше не видел, но однажды, когда я, по благословению игумена, отправился собирать хворост в ближайшую березовую рощу и, утомившись, присел под березкой на травку, в истоме почувствовал чье-то присутствие рядом. Открыв глаза, увидел девушку-предводительницу призраков, которая стояла в шаге от меня и пристально меня рассматривала. Я в отчаянии спросил ее:

- Что тебе надо!?

Она невозмутимо ответила:

- Уже говорила тебе – хоть каплю крови.

Ощущая ее ясный и такой отчетливый облик, наконец, спросил ее:

- Согласись, ты каждую ночь неистово нападаешь на меня, пытаешься эту кровь добыть силой, и теперь ты приходишь днем и смиренно просишь ее, как это понять?

Она присела рядом со мной, я не отстранился, понимая, что днем она не может причинить вреда.

- Все просто, я не могу тебя одолеть в битве, поэтому прошу днем уступить мне.

- Почему я должен уступить? Все уверены, что, если прольется хоть капля крови, наступит катастрофа

Она посмотрела вдаль, взгляд ее стал задумчив, и она ответила мне:

- Суди сам – все, кого ты видишь, – это самоубийцы, ведьмы, чернокнижники, еретики, атеисты и прочие противники Бога. Участь наша ужасна, мучения нестерпимы. Но один раз в столетие нам дается шанс начать жизнь сначала. Открывается что-то вроде щели, и мы можем выйти. Но на нашем пути стоит этот монастырь. Чтобы одолеть монахов нам нужно обрести плоть и хотя бы одна капля крови оживит наши тела.

- А какова твоя роль? Почему ты во главе всего этого?

- Не знаю. Но в том месте, где мы есть, кто-то первый видит открывшуюся щель, он становится поводырем для остальных. На этот раз таким поводырем стала я.

Мне надо было обдумать все сказанное. Я покинул ее, больше ничего не сказав. Она не пошла за мной, сделав несколько шагов, я оглянулся и увидел, что девушки уже нет. Весь оставшийся день я обдумывал сказанное мне, но ни к каким выводам так и не пришел. Ночью снова была битва, и ночной призрак нападал как никогда яростно, у меня даже мелькнула мысль, что она одолеет, но и на этот раз я вышел победителем. Я проспал утреннюю службу, хотя монахи будили меня очень настойчиво, но слишком навалилась усталость. Проснувшись около полудня, я вдруг четко для себя решил – надо бежать отсюда, пока не поздно. Решение было мгновенным и спонтанным, но оно так мной овладело, что никакие силы не способны были убедить в обратном. Я вдруг подумал, что это единственный выход. Если призрак девушки-поводыря ищет именно меня, может, мой уход станет залогом спокойствия для монастыря и в нем живущих? Собрав свои нехитрые пожитки, заскочил в трапезную и взял на кухне краюху хлеба и кусок сыра. Меня никто не заметил: в этот полуденный час монахи дремали в своих кельях. Когда я выходил через ворота, то встретил лишь одного послушника, уныло грядущего куда-то. Он ничего мне не сказал, решив, видимо, что мне дано какое-то послушание от настоятеля, и я спешу его выполнить. За воротами простиралась дорога, та самая, которая привела нас в это место. Нигде я не видел каких-то троп, отходящих от нее и ведущих в лес, нигде ее не пересекала другая дорога и нигде она не сворачивала. Я шел часа три, наслаждаясь прекрасным солнечным днем, природой и пением птиц. Наконец показались какие-то деревянные постройки, я обрадовался и, думая, что это Осинович, ускорил шаг. Но чем ближе я подходил, тем все большие сомнения овладевали мной. Они окончательно рассеялись, когда я увидел, что передо мной все тот же монастырь святого Пафнутия. Это было невероятно! Я шел по дороге от монастыря, которая в конечном итоге привела меня

обратно. Решив предпринять еще одну попытку выбраться, я снова отправился в путь, стараясь быть более внимательным, думая, что, может быть, я все же где-то свернул. Но нет – ни одного поворота или перекрестка, только одна единственная, прямая дорога, которая снова привела меня туда, откуда я вышел. Измученный и уставший, я вернулся в монастырь. Солнце уже клонилось к закату, и мне нужно было набраться мужества, чтобы снова преодолеть ночь битвы.

Ночь наступила. Снова, как прежде, всех позвали на стену, и мы ждали приближающихся призраков. Я вглядывался в тьму, сжимая меч в руках, ноги мои дрожали, по спине текла холодная струя пота. В эту ночь я чувствовал себя как-то неуверенно и слабо, в мою душу впервые прокрался страх. Как будто чувствуя мою слабость, мои собратья-монахи отец Андрогин и отец Климент подошли почти близко ко мне, прикрывая с двух сторон. И призраки ринулись на нас с силой, которой не было у них раньше, они вновь и вновь взбирались на стены, нескончаемым потоком, а девушка-предводитель нападала на меня столь яростно, что если бы не отцы-монахи, я бы пал под ее ударами. Теперь мы отбивались от нее втроем. В один момент, когда она, казалось, хотела нанести сокрушительный удар, отец Андрогин выставил вперед свой палаш, но она мгновенно отступила назад, и монах, потеряв равновесие, полетел вниз со стены. Лишь на одно мгновение я оказался лицом к лицу с ней, но хотя успел подставить меч, чтобы отбить ее удар, но острый коготь все же коснулся моей щеки и из раны брызнула кровь, попавшая на призрака. Все мгновенно преобразилось: девушка обрела плоть, силы ее увеличились, она, как щепку, оттолкнула меня в сторону и устремилась к игумену, который сражался на дальнем конце стены. В этот момент под натиском очеловечившихся призраков рухнули ворота. Настоятель, видя, что дела плохи, дал приказ отступать. Монахи, отбиваясь от наседавшего врага, медленно отходили к игуменскому корпусу. Там мы все укрылись, заперев двери на железный засов. Монастырь оказался во власти призраков, обретших плоть.

Мы все собрались на втором этаже. Тем, кому повезло, наблюдали происходящее с балкона. Там, внизу, у самого подножия, скопилось несколько сот призраков, ставших людьми. Казалось, они не знали, что с вновь обретенной плотью делать, настолько это было неожиданно и странно для них. Они беспрестанно металась по площади монастыря, и, кажется, готовились к штурму последнего оплота благочестия и верности идеалам. Я это ясно осознавал, но мне сложно было представить, что будет, если они победят. Мной овладела

какая-то апатия: ну победят, и что? Не скатится же мир в тартарары. Хотя мысль эта была зловредной и, видимо, владела только моим умом. Все были как будто в ступоре. Молчали. Сам игумен ничего не говорил, просто смотрел вниз туда, где суетились бывшие призраки. А те не теряли времени даром: слышно было, как они взяли бревно и начали колотить в дверь. Но я наверняка знал, что такие двери не так легко выбить, и, по крайней мере, у нас есть минут 30. Мерные удары нарушали тишину, установившуюся в этой большой комнате. Настоятель приказал почему-то именно мне принести письмо епископа. Я знал, что оно было в кабинете игумена на первом этаже. Осторожно стремясь быть не заметным и не услышанным, я спустился вниз. Повсюду был мрак. Очертания предметов едва различались в густой тьме коридора. Мощные удары тарана в дверь, сотрясали весь корпус, но они пока держались, ибо были сработаны на совесть. Пробравшись в кабинет, я в нерешительности остановился. На огромном столе, заваленном книгами и бумагами, горела одинокая свеча: ее свет обозначал лишь узкое круглое пространство вокруг стола, остальное было во мраке тьмы. Но даже при таком тусклом свете я легко узнал конверт, который мы принесли в монастырь. Он лежал поверх кипы бумаг нераспечатанный. Я протянул к нему руку, но вдруг ощутил прикосновение к своему плечу, обернулся и увидел ее. Лик девушки был прекрасен и мирен, моя рука потянулась к мечу, но она решительно приблизилась ко мне и ее нежные губы припали к моим. Язык ее проник в мой рот, долгий, мучительный поцелуй разлился по нашим телам. Холодные руки сомкнулись на моей шеи, а когда она отняла свои уста от моих, то страстно заговорили:

- Я была юной и совсем чистой девушкой. Мне было 18 лет, когда однажды в темном подъезде моего дома, вечером, два грубых мужика зажали меня, задрали юбку и надругались надо мной. Мне было больно и страшно. Потом я не знала, что мне делать, постоянно вспоминала об этом, это сводило меня с ума, и я не захотела больше жить. В чем я виновата? Я ничего не знала: ни любви, ни семейной жизни, ни радости рождения ребенка, только этот ужас. В чем я виновата, обреченная на эти мучения и в жизни и в смерти?

Ее уста вновь припали к моим. Я с силой оттолкнул ее и выхватил меч. Она удивленно уставилась на меня:

- Что ты!? Ты дал мне новую жизнь, так продолжи ее - стань моим супругом!

Это было уж слишком: сначала дай мне кровь, теперь будь моим супругом. Я схватил конверт и устремился наверх. Мне даже в

голову не пришло задаться вопросом, а как она здесь оказалась, когда все ее собратья там, за стенами, и пытаются штурмом взять нашу последнюю крепость? Она осталась призраком? Впрочем, думать об этом всерьез было некогда. Сжимая письмо в лихорадочно трясущихся руках, я торопливо, спотыкаясь о выеденные червем деревянные ступени, несся наверх, туда, где меня ждали, жаждущие спасения монахи. Я пришел вовремя, потому что их нетерпение, а точнее безысходный ужас достигло наивысшего предела. Пожалуй, лишь игумен, оставался совершенно спокоен. Он взял из моих рук письмо, неторопливо вскрыл конверт, скрепленной красной сургучовой печатью с вензелем владыки и, развернув сложенный вдвое лист бумаги, начал читать, повернувшись лицом к востоку. Это была всем известная молитва «Да воскреснет Бог и расточатся врази его». Мы наблюдали, что будет дальше. При первых же произнесенных словах молитвы вдруг все стихло внизу. Не было слышно ни криков штурмующих нас призраков, ни ударов тарана в дверь. И когда молитва была прочитана полностью, мы осторожно спустились вниз. Впереди шел игумен. Он решительно открыл дверь в твердой уверенности, что опасность миновала. Так и было: кругом ни души, тишина да догорающие на стенах монастыря факелы. Близился рассвет, и багровые отблески восходящего солнца были видны над горизонтом.

На следующий день мы покинули монастырь и вернулись домой. Прошло время, история эта в суете дней почти забылась. Но однажды летним вечером, когда я стоял на остановке и ожидал своего автобуса, я увидел ее - девушку-призрака. Она стояла чуть в стороне от меня, вполборота ко мне, так, что я мог видеть лишь часть ее лица. Почувствовав мой взгляд, она обернулась, улыбнулась мне, как старому знакомому. В этот момент подошел автобус, и она села в него. Я лишь, как зачарованный смотрел вслед удаляющемуся автобусу. На следующий день после этого случая меня и моих старых друзей монахов-гештальтгерольдов вызвал к себе владыка Тиберий: он вручил мне пакет и велел отправиться в скит, чтобы отдать этот пакет лично в руки настоятелю.

Скит располагался за Старым кладбищем на окраине города. Туда ходил 13 автобус, именно тот, на котором уехала вчера моя старая знакомая. А еще ходили слухи, что в районе, близком к Старому кладбищу, видели какое-то странное существо похуже на огромного червя с клыкастой пастью. Оно наводило ужас на жителей той части города к которой примыкало Старое кладбище. Люди боялись и просили помощи. Епископ поручил нам разобраться и навести порядок.

Глава II. Чёрная лилия

Одного лишь надо мне бы:

Повстречаться с пареньками,

Чтоб, обняв меня руками,

Притянули бы к земле.

Поиграть бы с ними мне!

Адам Мицкевич «Дзяды»

За два дня до того, как отправиться с моими друзьями монахами-гештальтгерольдами в дорогу, чтобы снова выполнить поручение владыки, я узнал от моей тети Эльвиры, что ее сын, а мой двоюродный брат, Конрад, попал в больницу. Она позвонила мне по телефону вечером, когда я ужинал и захлебываясь слезами, запричитала в трубку:

- Ох, Буревойчик, что творится: мой Конрад в больнице!

Я начал успокаивать ее как мог, но это было бесполезно. Единственное, что удалось мне добиться – узнать в какой больнице и палате лежит Конрад. Но в целом тетя Эльвира осталась безутешной, несмотря на мои уверения, что все разрешится самым лучшим образом. Хотя я в этом и не был внутренне уверен. Когда я положил трубку, мама стояла на пороге столовой и держала в руках кухонное полотенце, она смотрела на меня вопросительно.

- Конрад в больницу попал.

Пояснил я, не вдаваясь в подробности, которых я не знал. Но мама уже попыталась успокоить меня, видимо заметив на моем мужественном лице следы смятения.

- Ты же знаешь тетю Эльвиру, она в любой ситуации паникует. – Успокоила она меня.

- Мда, возможно.

Ответил я в задумчивости и продолжил, есть куриную лапшу, столь любовно приготовленную моей мамой. Внутренне я уже решил, что завтра прямо с утра, схожу в больницу проведаю брата.

Утром я тщательно побрил щетину на моем красивом лице и отправился в городскую больницу. Она располагалась совсем недалеко от моего дома, поэтому я за три минуты дошел пешком. Комплекс больницы номер два, состоящей из поликлиники и нескольких пятиэтажных корпусов был построен в 1970-х годах

на южной окраине города, в которой когда-то располагалась Инвалидная слобода.

Брат лежал во втором корпусе в хирургическом отделении. Когда я пришел в приемный покой и назвал номер палаты, сестра, которая молча меня выслушала и не поднимая головы что-то писала на бланке перебила меня и сказала, что Конрада ночью перевели в реанимационное отделение и сейчас к нему нельзя, он в тяжелом состоянии, проводится курс интенсивной терапии.

Я в растерянности отошел от окошка регистратуры и наткнулся в коридоре на тетю Эльвиру. Ее и так пухлое лицо еще больше распухло от слез. Она с трудом могла вымолвить хоть слово, рыдания не давали ей это сделать. Уткнулась ко мне в грудь, я стал ее утешать, гладить по голове. Когда почувствовал, что тетя немного успокоилась, спросил ее:

- Что? Как?

- Вчера все было нормально. Ну, в том смысле, что чувствовал неплохо себя Конрадик – ни температуры, ни болей, но врач посоветовал лечь в больницу, обследоваться, подозрение на язву. И вот я сегодня пришла к нему, и еще утром говорила с ним по телефону и мне сказали...

Тетя Эльвира не договорила, снова зашлась слезами. Я решил не допрашивать ее больше, а попытаться все же проникнуть в реанимацию и двинулся по коридору, зная, что отделение реанимации находится где-то в конце него, можно сказать в тупике. Во второй больнице реанимация не очень большая человека на 3-4, не то, что в областной, там целых три этажа. Но дойти до отделения мне не удалось: оттуда вышел молодой врач в синем врачебном костюме реаниматолога и в такой же шапочке. Он на ходу протирал очки тряпочкой, а позади него маячило две медсестры, все они были чем-то озабочены. Мы буквально столкнулись в коридоре, врач удивленно на меня посмотрел и спросил:

- Вы кто? К пациенту?

Я только кивнул головой и хотел спросить о состоянии Конрада, но врач резко оборвал меня:

- Он умер.

Тетя Эльвира, которая увязалась за мной, вскрикнула и упада в обморок на пол. Пока я ее поднимал и усаживал на скамейку, врач с медсестрами уже ушли. Я оставил тетю на скамейке, она уже пришла в себя и остекленевшим взглядом смотрела в

потолок. В отделении реанимации, дверь была приоткрыта, и я увидел на первой кровати, опутанным проводами и датчиками, Конрада. Лицо его было белое, как мел, а глаза открыты. Брат был мертв, мертвее некуда. Что я испытал? По правде сказать, ничего. С Конрадом мы последний раз общались, когда ему было 8 лет, а мне 12. Но смерть всегда ставит перед нами вопросы. Вот и сейчас я захотел узнать, что такое случилось, что молодого парня еще вчера вполне здорового, только с подозрением на что-то привезли в больницу, а сегодня уже увозят в морг. Убедившись, что тетя Эльвира также спокойно сидит на скамейки, я подошел к окошку регистратуры и спросил, где можно найти доктора. На этот раз медсестра подняла голову от своих бланков и посмотрела на меня. У нее были усталые глаза, и она кивнула головой на дверь, которая располагалась за моей спиной. Я подошел к этому кабинету, на двери было написано «Смотровой кабинет». Оказавшись в кабинете, я был встречен неприязненным взглядом доктора.

- Что вам нужно? Сюда нельзя посторонним.

- Я хотел узнать о Конраде Соколове.

- Вы родственник?

- Да, я брат.

- У него был сепсис вследствие заражения. Воспаление прогрессировало очень быстро, мы ничего не смогли сделать.

- Сепсис? – В голосе моем прозвучало недоумение. Доктор это заметил.

- Вы знали, что ваш брат был наркоман?

Я отрицательно замотал головой, эта информация стала для меня откровением. Выйдя из «Смотрового кабинета» увидел тетю Эльвиру, которая уже совершенно овладела собой и стояла около двери кабинета в ожидании.

- Буриной, они не отдадут мне Конрадника. – Пожаловалась она.

Я обещал тете разобраться, но в тот день мне так и не удалось больше повидать врача и тело Конрада нам выдали только на третий день. Я никак не мог поверить в его наркоманство поэтому решил использовать ночь, когда читал псалтирь по усопшему, рядом с гробом брата, чтобы осмотреть его руки.

Гроб стоял посреди самой большой комнаты в квартире Конрада Соколова. Мерцала только одна свеча на аналое, где я читал псалтирь. Она освещала небольшое пространство вокруг меня и отсветы ее падали на лицо Конрада. Он был облачен

в свой любимый черный костюм, который надевал в самые торжественные случаи. Теперь, пожалуй, и наступил в его жизни самый торжественный случай.

Я дочитал кафизму и умолк. Прислушался. В доме было абсолютно тихо. На лице брата плясали тени от свечи, я подошел к нему, расстегнул рукав рубашки, но удалось обнажить только часть запястья, рукав пиджака собрался в гармошку и не поднимался выше. Я вынул из кармана перочинный нож, который всегда носил с собой и разрезал рукав до локтя. При свете свечи в тех местах, где проходила вена, обнаружил ряд маленьких точек, будто от шприца. Заправив тщательно рукав на место, так чтобы не видно было разреза случайно задел внутреннюю обивку гроба, часть ее оторвалась. На обнажившейся доске я заметил странный орнамент, он состоял из повторяющегося узора в виде латинской буквы W, центральная часть которого была опущена, и из нее как бы торчала стрела, также заострены были и боковые стороны буквы. Я постарался заправить тщательно обшивку, но все это было чрезвычайно странно и подозрительно. Зачем было наносить такую странную маркировку на гробовые доски непонятно. Но, конечно, больше меня смутили эти странные точки на руке Конрада. Я был в замешательстве.

На другой день состоялись похороны брата. На кладбище я наблюдал, как опускают гроб в могилу и снова думал о том, как мало общались мы с братом уже в пору, когда он был взрослый. Но все же мне сложно было поверить, что брат был наркоманом. На поминках, я решил спросить тетю Эльвиру:

- Тетя, ты ничего необычного за Конрадом последнее время, перед тем как он попал в больницу, не замечала? – Попытался я аккуратно сформулировать свой вопрос.

Она рассеяно и грустно посмотрела на меня, было видно, что она не сразу поняла, о чем я ее спрашиваю, но потом до нее дошло, что я спросил и она ответила:

- Нет. Все нормально было. Он не на что не жаловался.

Я вынужден был спросить напрямую.

- Он не употреблял наркотики?

Тетя Эльвира посмотрела на меня с возмущением и упреком.

- Нет, что ты!

Она на какое-то время задумалась, потом, будто что-то вспомнив, сказала:

- А ты знаешь последнее время к нему на дом приходила какая-то медсестра.

- Зачем?

- Он же футбол любил, если помнишь. Играл в любительской команде и как-то в одной из игр сильно потянул связки. У него болела нога, ночью он не мог уснуть, и врач прописал ему обезболивающее средство. Вот он с какой-то медсестрой договорился, и она к нему по вечерам в течение недели приходила, делала укол.

Тетя Эльвира опять заплакала, и я решил больше у нее ничего не спрашивать. Поминки прошли, я остался переночевать у тети. Ночью долго не мог заснуть, все ворочался с боку на бок и думал об обстоятельствах смерти брата: кто эта медсестра? Как ее найти? Что это за странные знаки на гробовых досках? Зачем они? На все эти вопросы я ответить не мог. И даже не знал, за что зацепиться. Засыпая решил завтра сходить в похоронное бюро, узнать хотя бы о маркировке.

Утром я расспросил тетю о том, кто занимался организацией похорон. Тетя немного пришла в себя, как казалось, во всяком случае, она не плакала, но по-прежнему, что называется, притормаживала. Вот и теперь не сразу поняла мой вопрос, а когда до нее дошел смысл моего вопроса ответила:

- А, это Таня всем распоряжалась. Она договаривалась с «Чёрной лилией», это похоронное бюро. Они все и делали

- Какая Таня? - Не понял я.

- Ну, медсестра. Я же тебе говорила, которая Конраду уколы делала.

Я был немало удивлен такой заботливости этой неизвестной мне девушки и попытался узнать у тети как ее можно найти. Она растерялась и сообщила мне, что не знает этого. Таня приходила в определенное время, делал укол, немного сидела, иногда соглашалась попить чай.

- А в какой она больнице работала, ты хоть знаешь?

- Да, я ее спрашивала об этом. Она говорила, что работает в какой-то частной клинике. Позабыла вот название ее.

Больше от тети Эльвиры мне добиться ничего не удалось. Но город у нас не такой большой, и в нем всего две частные медицинские клиники «Автомобилист» и «Надежда», а похоронное бюро и вообще одно. Я уточнил в городском справочнике бюро под названием «Чёрная лилия» располагалось на окраине

города и почему то совершенно в другой стороне от городского кладбища, довольно далеко. Хотя такое бывает, наверное, не обязательно же все устраивать на кладбище или рядом с ним. Но когда я приехал в «Черную лилию» на следующий день ранним утром (привык вставать рано) я понял что ошибался и осознал, как плохо знаю историю собственного города. Похоронное бюро располагалось именно рядом с кладбищем. Это стало ясно, когда автобус 11 маршрута, курсирующий от остановки, расположенной около моего дома на Белый Бак (так назывался район, где находилось похоронное бюро) остановился на своей конечной остановке, которая так и называлась – Петропавловское кладбище.

Выйдя из автобуса, я огляделся: прямо передо мной находилась старая автобусная остановка, еще советских времен, выкрашенная в несколько слоев синей краской, по этим слоям можно было считать возраст остановки, как по кольцам на пне возраст дерева. За постройкой виднелась невысокая каменная кладбищенская ограда и густой сосновый лес, он высился над всей территорией погоста, покрывая его во всякое время года густой тенью. За оградой мне были не видны могильные памятники и кресты.

Глянув на юг, вдаль увидел три девятиэтажки. Их от кладбища отделяло поле, заросшее сорной травой. Таким образом, погост вместе с бюро существовали в некотором удалении от основной части города, хотя мимо и проходила трасса, соединяющая наш город с Москвой. Я увидел, что вход на кладбище был открыт. Он располагался метрах в пятидесяти от похоронного бюро, и я как человек церковный, решил сначала посетить могилки тех, кто давно окончил свою жизнь.

Ворота на кладбище выглядели довольно основательно, они имели каменную арку, покоящуюся на двух мощных столбах, сложенных из природного камня. Сразу за воротами начиналась широкая аллея, с правой стороны от нее находился домик строителя, сарайчик с инвентарем и куча песка, видно для того, чтобы подсыпать на могильные холмики. Я пошел по аллее, отмечая про себя, как все ухожено и аккуратно: мусора нигде нет, оградки все покрашены, трава везде скошена. Но сразу же бросилось в глаза, что нигде над могилами не было крестов. Вместо них небольшие плоские бетонные плиты, которые были вкопаны вертикально в землю. Подойдя к одной такой могиле я прочитал на плите имя захороненного под ней: «Суховеркова Августина Романовна: 1837 – 1907 гг.». Мне показалось, что фамилия какая-то знакомая. Углубившись по тропинке, я обнаружил еще несколько могил с захоронениями людей по

фамилии Суховерковы. Расположены они были в одной части кладбища, и было очевидно, что все эти люди родственники. И тут я вспомнил, почему эта фамилия мне известна: Суховерковы род колдунов и ведьм, в котором профессиональные навыки передавались из поколения в поколение. И вот, похоже, многие из них лежат на этом заброшенном кладбище.

Я покинул участок Суховерковых и снова вышел на центральную аллею. Вскоре моему взору предстала роскошная гробница из серого мрамора, расположена с левой стороны от аллеи. Я подошел ближе и прочитал надпись на камне: «Протоиерей Лука Ковров: 1873 - 1927 гг.». Этого я знал из истории нашей епархии, он был главой раскольников в 1920-х годах. Труп его нашли в 1927 г. в кафедральном соборе, завернутый в ковер. До сих пор это убийство не раскрыто. У него также на могиле не было креста, только памятник. Но могила хорошо ухожена: горела лампада и в вазе стояли свежие цветы. Ходили слухи при его жизни, что он был секретным осведомителем ГПУ и регулярно докладывал о своих собратьях, многие из которых были арестованы по его доносам и расстреляны. То, что его могила так хорошо ухожена, меня не удивило, так как я знал, что еще жива его внучка. После его смерти жену и дочку гпушники переправили в Ленинград, где они получили хорошую квартиру и содержание.

Я прошел дальше по аллее до самого конца кладбища и обнаружил там с правой стороны участок со стандартными могильными плитами, на которых была выбита звезда Давида, но по надписям было понятно, что под плитами лежат не евреи, а вполне русские люди: Ивановы, Петровы и прочее. «Да это же субботники!» - догадался я, вспомнив, что была когда-то в наших местах такая экзотическая секта. Получалось так, что на этом кладбище хоронили каких-то изгоев общества, тех, кого нельзя было предать освященной земле. Я вернулся на центральную аллею и направился к зданию похоронного бюро.

Здание бюро располагалось практически вплотную к ограде кладбища. Точнее основной корпус его, вытянутое каменное сооружение было частью ограды. Во дворе бюро лежали каменные плиты-заготовки разного размера, а также готовые памятники, но еще без надписей. Вход в здание был оформлен как в супермаркете: застекленные двери, которые открывались автоматически. Довольно забавное ноу хау. Над входом красовалась облупившаяся надпись «Чёрная лилия». Во дворе возился работник бюро долговязый, мрачный мужик в серой робе. Он насыпал песок в тележку, я спросил его:

- Любезный, как директора найти?

Рабочий прекратил насыпать песок, услышав мой вопрос. Какое-то время, опираясь на лопату, рассматривал меня, потом кивнул головой на вход в бюро и сказал:

- Там, наверное.

Я поблагодарил и направился к входу, но дверь почему-то автоматически не открылась.

- Кнопку нажми с правой стороны. - Крикнул мне рабочий. Действительно - квадратная красная кнопка была именно в этом месте, я нажал ее, и дверь открылась, на меня повеяло прохладой, и я сразу оказался в большом, хорошо освещенном зале, заставленном гробами разного вида и размера, а также крестами и памятниками. Здесь лежали аккуратные кучи венков, охапки искусственных цветов, на столах стопки венчиков и разрешительных молитв. Все эти ритуальные принадлежности буквально заполнили все здание, оставляя только неширокий проход и площадку прямо перед входом. В помещении было тихо, и я не видел никого, к кому можно было бы обратиться. Перемещаясь по проходу и осматривая гробы, обратил внимание, что в некоторые из них, внутри, на еще не задрапированных обивкой досках имелись такие же знаки, как в гробу моего брата. Я наклонился над одним из гробов и ногтем потер черный знак, он легко стирался. Потер еще несколько знаков, размазав сине-фиолетовую краску по доске гроба.

- Плесень. - Вдруг услышал я скрипучий голос позади и, повернувшись, увидел высокого, худого человека лет сорока. Он был как-то странновато одет: узкие черные брюки, белая рубашка, какой-то долгополый черный сюртук и ботинки с квадратными носами.

- Не знаем, как уж бороться с ней.

- Плесень такую странную форму принимает? - Недоумевал я.

- Кристаллическая структура, наверное. - Настаивал на своем хмурый незнакомец. - Вас что интересует: гроб, памятник, венки, оградка. Мы все ритуальные услуги оказываем, в том числе косметика, бальзамирование. Единственная услуга, которую мы не оказываем - кремирование.

- Почему?

- Печей у нас нет, но если что можем со смежниками договориться.

- Какими смежниками?

- Мефодиевские коммунальные системы - у них есть кочегарки.

Мне показалось, что разговор стал заходить в какую не ту сторону, и я спросил, наконец:

- С кем имею честь общаться?

- Я руководитель этого предприятия, Эрик Котов.

Он не стал спрашивать, кто я, однако, наверное, для хозяина такого заведения это было и не важно. Я невольно посмотрел на потолок и там тоже увидел такие же знаки, как на гробовых досках. Котов проследил за моим взглядом и печально кивнул головой, как бы подтверждая, что плесень даже на потолке появилась.

- Эрик, вчера ваша контора участвовала в организации похорон Конрада Соколова. Я его двоюродный брат, хотел узнать, кто вам заказывал организацию похорон?

Котов еще больше нахмурился, на его широком лбу появились морщинки, как и в уголках глаз. Он жестом предложил мне пройти по дорожке к столу, который был установлен в другом конце зала. Открыл ящик стола и вынул довольно толстую тетрадь, раскрыв ее на середине, быстро провел пальцем по странице и сказал:

- Да, вот, Татьяна Тобольцева заказывала, все оплатила наличными и даже заказала уход за могилой в течение года, мы и такую услугу оказываем по желанию клиента.

- Адрес указан?

- Нет. У нее не было регистрации в паспорте.

Это конечно непорядок, но не о чем не говорит: мало ли почему не регистрировалась, может она вообще не местная, но тогда все-равнодолжна быть регистрация.

Котов молча выжидал, что я скажу. Мы вышли из здания бюро. Во дворе по-прежнему возился рабочий, методично насыпая песок в тележку и отвозя ее куда-то вглубь кладбища. Мы остановились на пороге, и нам открылся великолепный вид на кладбище.

- Прекрасный вид. - Заметил Эрик

- Думаете? А почему нет ни одного креста на могилках?

- Как? Вы не знаете? Здесь же изгои захоронены: колдуны, ведьмы, самоубийцы, опившиеся пьяницы ну и прочие, кого ваша церковь не разрешает хоронить на освященной земле.

Я примерно так и догадывался, слух невольно резануло вот это котовское «вашей церкви», но я не стал ничего уточнять.

Спросил только:

- А описать Тобольцеву можете?

Котов задумался на мгновение.

- Невысокого роста, стройная, пышные черные волосы, красивая вообще, такая жгучая брюнетка.

Эрик мечтательно закатил глаза. Я усмехнулся, реакция Котова была забавна. Поинтересовался, хоронят ли здесь теперь, но Котов меня заверил, что уже больше десяти лет новых захоронений нет. Иногда приходят родственники, если у кого они еще остались, а за погостом полностью присматривает «Чёрная лилия». Я попрощался с директором бюро и направился к выходу, но когда поравнялся с воротами, спрятался за колонной, на которой держалась арка, мне стало интересно, куда рабочий в таком количестве возит песок. Ждать пришлось недолго: рабочий в серой робе вскоре появился на центральной аллее. Прячась в тени деревьев я, в некотором отдалении, последовал за ним, рабочий свернул в конце погоста налево и там по узкой тропинке, вдоль ограды достиг угла кладбища, где была довольно внушительная воронкообразная яма. Я дождался, когда рабочий высыпал песок и ушел, затем осторожно подошел к яме и заглянул внутрь. Яма была похожа на провал в земле, образовавшийся на месте обрушения склепа. Были видны остатки каменно кладки, сводов и истлевшего гроба, который уже на половину был засыпан песком. Почему обвалился склеп, сказать сложно, но я заметил какие-то странные подтеки по краям ямы, но изучить причину таких подтеков мне не удалось, я услышал далекий звук тархтения тележки с песком и решил уйти вдоль ограды к выходу с кладбища, чтобы не попадаться на глаза работнику бюро.

Я благополучно добрался до автобусной остановки и застал здесь единственного человека, как и я ожидающего автобуса. Усевшись на скамейку под навес, не сразу обратил внимание на этого человека, но потом мое внимание привлек запах табака от сигареты, которую он закурил. Такое ощущение, что к обычному табаку была примешена какая-то трава, что-то вроде пижмы, запах мне ее был знаком по детству, когда мы с товарищами сжигали целые охапки этого растения, которое считалось в нашей церкви травой стопоканов, существ, которые образуются в околмогильной слизи. Я присмотрелся к человеку: лет пятидесяти, лицо сильно заросло бородой, даже глаз не видно - волосы густо покрывали щеки, спускались на шею и даже торчали из ушей, при этом он был плешивый, а лысина в обрамлении пепельно-серых волос, которые свисали с черепа

какими-то ключьями. Он был одет в коричневый, поношенный костюм, какого-то допотопного кроя. Такие носили годах в 1950-х. Мужик действительно курил какую-то вонючую самокрутку, заметив мое внимание к нему сказал:

- Хороший табак.

И продолжил курить. Тут подошел автобус, мы зашли внутрь и поехали в город. Я не обратил внимания, на какой остановке вышел странный человек, так как спешил на работу в епархиальное управление. Но образ этого мужичка запомнил.

Здание епархиального управления располагалось в самом центре города Мефодиев. На берегу небольшой речушки Пурсовка. По традиции нашей церкви современное трехэтажное здание управления было обнесено высокой крепостной стеной с башенками и галерейными переходами. На проходной высилось два флагштока с флагами: архиепископское голубое полотнище с лежащим на левом боку латинским крестом и флагом города два золотых чибиса на зеленом полотнище. Над входом в епархиальное управление золотыми буквами на латыни надпись: «Ecclesia orthodoxa Angusto Modo» или в переводе «Православная церковь узкого пути» или просто как нас в народе называли «модо», Церковь модо. Официальный богослужебный язык наш латынь.

Да, пора о нас уже сказать немного подробнее. Модо вера наших предков, которые поселились на берегах Пурсовки и основали город Мефодиев. Нас считают еретиками, но это, конечно не так. Просто мы строго придерживаемся апофатического богословия и поэтому мы верим в то, что Бога нет, мы признаем Иисуса Христа нерожденным Несыном. Что Богородица неродила Несына, что Она Мать нерожденного Несына. Мы верим в духов плоти и что плоть подвластна синтагме. Мы признаем все виды скорби, так как они ведут к спасению.

На вахте дежурил сегодня Степаныч. Из-за бронированного стекла его суровое лицо с длинными как у казака усами, выглядело излишне унылым, применительно к этому прекрасному солнечному утру. Странно, но после посещения кладбища изгоев и бюро «Чёрная лилия» настроение у меня было приподнятое.

Охранник вышел из своей стеклянной перегородки, увидев меня, как будто еще раз хотел продемонстрировать свою новую фиолетовую форму с красивыми голубыми шевронами с упавшими черными крестами на обоих рукавах и надписью на спине «ЕОАМ». Но это, конечно, было не так, он всего лишь проверил металлодетектором мою одежду. Я не сопротивлялся,

расставив руки и как всегда виновато улыбнулся, когда детектор отчаянно запищал.

- Степаныч, ну что ты как маленький, чего-то иного ждал?

Выходя из дома, под куртку я всегда надевал плотную кольчугу, а в чехле под мышкой был подвешен массивный нож-косарь. Степаныч еще больше помрачнел и махнул рукой, мол, иди своей дорогой. Обширный двор управления всегда был наполнен людьми. С правой стороны от входа между голубыми елями по травке прохаживали важные куры, которым комендантша насыпала зерна, и они его выклевывали. Слева около крепостной стены отроки из владычного полка в широких шароварах и с обнаженными торсами упражнялись в метании короткого копья. Прямо у входа сидели на лавочках посетители, ожидающие приема у архиепископа. Я мельком поглядел на них, отметив красивую девушку со скорбным лицом и в черном ажурном платке.

Холл управления был обширный, пол и стены обложены плиткой из натурального камня, повсюду стояли горшки с фикусами разного вида. Из холла лестница вела на второй этаж, где располагались приемная архиепископа, актовый зал, кабинеты референтов, делопроизводителя и личного секретаря владыки, а также каминная для приема гостей. Кабинеты сотрудников управления располагались в правом крыле здания. Глубокая и обширная подвальная часть здания занята под склад, помещения технических служб, оружейную и молитвенную комнату. Я знал, что владыка меня уже ждет, но прямо около лестницы на второй этаж меня перехватил отец Климент и попросил ему помочь совершить молитву плоти. В этом случае нельзя было отказывать. Мы спустились в молитвенную комнату, где посреди квадратной комнаты были устроены стасидии, специальные кресла без сидушек только с подлокотниками. Климент расстегнул верхнюю часть своего розового подрясника, обнажив спину, и устроился на коленях в стасидии, опираясь локтями на подлокотники. Я посмотрел на худые плечи отца Климента, на шрамы, оставшиеся от прежних молитв плоти. Спросил:

- На мое усмотрение?

Отец Климент молча кивнул головой и закрыл глаза. Я подошел к столу, стоявшем у стены. На нем были разложены несколько видов плетей, палки, прутья, в кадке были замочены березовые розги, немного подумав, взял розги. От первых ударов по спине появились красные разводы. Монах с каждым ударом сжав зубы только слегка постанывал. Когда появилась кровь,

я закончил молитву, промазал раны гексохлором и заклеил пластырем. Отец Климент поблагодарил меня за помощь, объяснил, что сегодня испытывал какое-то особое духовное смятение и решил прибегнуть к молитве плоти. Мне показалось, что он оправдывается, это было немного странно, но я ничего не спросил у монаха по этому поводу. Каждый разошелся по своим делам. Я поднялся на второй этаж и оказался в темном коридоре. Кабинет владыки прикрывали большие темно-коричневые дубовые двери. Постучавшись и, не дожидаясь ответа, вошел в приемную. Из двух окон, расположенных прямо напротив входных дверей лился яркий дневной свет, посреди приемный стоял огромный дубовый стол обитый зеленым сукном, в кресле за моноблоком сидела секретарша владыки Ляля. Она плакала, всхлипывая и утирая глаза платком, размазывая туш по лицу. Я поприветствовал Лялю и спросил у себя ли владыка, она ответила:

- Да, он ждет тебя.

Я показал пальцем на растекшуюся по лицу секретаря тушь, она замотала головой и опять заплакала. Мне стало понятна причина слез Ляли – епископ не любил когда женский персонал использовал косметику. Видимо на этот раз он Лялю жестко отчитал, а она очень ранимая, может заплакать просто на пустом месте, тем более, что перед владыкой трепещет.

Епископ Мефодиевский Тиберий имел статус викария Лакинской епархии, хотя на самом деле был совершенно самостоятелен, и вся его духовная связь с Патриархом и Лакинским митрополитом заключалась только в том, что он поминал их за богослужением. Я вошел в кабинет. Это была просторная комната в которой с левой стороны располагался ряд больших окон и небольшой балкончик, с которого владыка обращался к пастве, когда читал послания, с правой стороны во всю стену стоял застекленный книжный шкаф, в самом конце комнаты большой стол такого же типа, как и в помещении секретарши под зеленым сукном и моноблоком.

Епископ Тиберий стоял у окна и смотрел, сложив руки за спиной, на красивый вид, открывающийся из окна второго этажа: долина извиляющейся речушки Пурсовки, поросшей кустарником уходящей далеко за горизонт, заливные луга, поросшие душистой травой. Услышав звук открывающейся двери, епископ обернулся. Радостно улыбнулся, благословил и предложил присесть за стол заседаний, сам занял свое место в кресле. Епископ был одет сегодня в зеленый подрясник. Его красивые рыжеватые волосы были тщательно зачесаны назад и заплетены в косичку. Острая бородка торчала клинышком,

карие глаза из-под густых бровей внимательно смотрели на меня.

- Мне сказали, что ты выпустил синтагму?

Это неприятно было услышать, я спросил:

- Отец Климент уже доложил?

Владыка тяжело вздохнул, достал из стола тонкую сигаретку, закурил – приятно пахло мятой. Он затянулся, выпустил тонкую струйку дыма, явно наслаждаясь сигаретой после долгого воздержания.

- Видишь ли, Буревой, не так важно, кто мне об этом рассказал, важно то, понимаешь ли ты всю ответственность сделанного тобой.

Я еще раз прокрутил в голове все события прошлой экспедиции в монастырь Св. Пафнутия, обстоятельства встречи с девушкой и проанализировал свои мотивы, почему я ее отпустил, уж точно не из страха, но почему? Как будто слыша мои мысли, епископ рассуждал вслух.

- Твои мотивы, наверное, можно понять, но в любом случае синтагма на свободе и с этим надо что-то делать. С материей, как тебе известно, шутки плохи. Я вот частенько спрашиваю себя: почему именно мы оказались в этих местах, почему на нас возложена эта миссия. Ведь без благодати так сложно жить. Почему Бог закрылся именно от нашего кусочка земли, а?

Я пожал плечами, промолчал на это, в вопросы богословия я старался не вникать. Владыка между тем, не докурив сигаретку, затушил ее в пепельнице и достал из стола деревянную трубку и кiset. Видимо решил закурить что-то покрепче – это всегда свидетельствовало о том, что епископ нервничает. Закурив трубку, епископ Тиберий посмотрел на меня строго и жестко потребовал.

- Найди ее, Буревой, в короткий срок. Иначе этим займется Захар, а ты знаешь, чем это чревато.

Я понял, что разговор окончен и вышел из кабинета. Ляля уже не плакала, а что-то деловито набирала на компьютере. Выйдя из приемной, спустился на первый этаж, и некоторое время стоял в холе, раздумывая над словами владыки и о синтагме и о Захаре. Упоминание последнего говорило о том, что в митрополии уже знают о происшествии в Пафнутьевском монастыре. Захар Зацепин занимал в митрополии должность ведущего миссионера, и в его ведении находилась и работа с нами «еретиками». Он периодически навещал нашу епархию, читал

лекции, беседовал с прихожанами и отдельными священниками. Препятствовать мы ему не могли, а человек он был довольно неприятный и в общении и в целом. У меня в разное время было с ним несколько столкновений. И я знал, что он поставил перед собой цель уничтожить Церковь модо. Для него это стало, что называется навязчивой идеей – столько столетий модо не удавалось уничтожить, даже великий святой Пафнутий принял, в конце концов, ее существование, как данность, а он Захар Зацепин сможет победить, как ему казалось. Это очень тешило его самолюбие.

Все эти мысли о Захаре пролетели в моей голове мгновенно и тут же отошли на второй план. Важнее было разобраться с синтагмой. Я не очень верил, что та девушка, которую я выпустил, стала чудовищем, но доказать ничего не мог. И версий на этот счет у меня никаких не было. Но по-прежнему был убежден, что надо выяснить, что же это за девушка Таня, которая помогала моему брату в последние недели его жизни. Может, она как-то связана с синтагмой?

Прежде чем идти проверять клиники, в которых могла работать Таня, я зашел к нам в кабинет. Нужно было попить чай с какими-нибудь печеньюшками, все же из дома я вышел давно, успел перехватить только пару глотков кофе. Рабочий кабинет я делил вместе с отцом Климентом, собственно мы с ним и были миссионерским отделом Мефодиевской епархии. Когда я зашел, монах сидел за своим столом, углубившись в чтение катенов. Даже мое появление не заставило его выйти из молитвенного ступора. Не стал его отвлекать, а налил из бутылки в электрический чайник очищенную воду и нажал кнопку на крышке. Отец Климент вышел из молитвенного состояния и обратил внимание на меня в тот момент, когда я наливал кипяток себе в кружку. Заварив чай, я сел на свое место, за стол, который был расположен напротив стола монаха, и погрузился в церемонию вкушения чая с шоколадным печеньем, с вызовом поглядывая на монаха. Тот сидел, устремив свой взгляд в монитор, делая вид, что ничего особенного не происходит.

- Заложил меня? – Наконец не выдержал я.

Отец Климент поднял на меня свои голубые невинные глаза.

- Я только выполнил свой долг. Ты сам должен был все доложить владыке.

- Но ведь это только все твои предположения! – Взвился я.

- Возможно. Но порядок есть порядок.

Отец Климент опять углубился в чтение какого-то текста на мониторе компьютера.

- На старом кладбище сегодня был. Я и не знал, что там изгоев хоронили. – Вдруг сообщил я.

- И что тебя туда понесло?

Кратко описал отцу Клименту мое утреннее путешествие, упомянул и о «Чёрной лилии» и о яме со странными разводами, которую засыпал песком работник. Последняя информация крайне заинтересовала монаха. Он даже отвлекся от чтения и в беспокойстве встал со своего места, стал ходить взад вперед по кабинету.

- Это может быть всё признаками стопоканов и косвенно свидетельствовать о деятельности синтагмы. – Заявил он.

- Да ну. Никогда синтагма не имела никакого отношения к стопоканам.

Климент остановился около окна, тяжело вздохнул.

- Эх, нет сейчас святых. Не рождает наша церковь их.

К чему это сказал отец Климент, я не понял, но его вечные сетования на то, что сейчас не как раньше иногда меня выводили из себя. Я допил чай и, сказав монаху, что мне надо проверить пару медицинских клиник вышел из епархии. Покидая двор, обратил внимание на то, что кошки, которые бродили по двору, находились в чрезвычайно возбужденном состоянии: они истошно мяукали и бегали друг за другом. Несколько растерявшись, я остановился посреди двора. И было неожиданным, когда кто-то подошел ко мне сзади и легко коснулся плеча, а потом зазвучал нежный ласковый голос:

- Что-то их беспокоит, связанное с пробуждением.

Я обернулся и увидел, что это была та самая красивая девушка, которую я видел, когда входил в управление. Скорбный черный наряд никак не вязался с каким-то радостным выражением ее продолговатого румяного лица.

- Пробуждение? – Не понял я.

- Они чувствуют нямий. Их для этого тут и держат в таком количестве.

Я усмехнулся, потому что не особо верил в эти бабские сказки про нямий. Якобы после смерти кошек остаются их призраки, они могут напасть на человека, покарять своими материализовавшимися коготками. Живые кошки

чувствовали своих сородичей и реагировали на них необычным возбуждением, будто валерьянки напильсь. Я продолжил свой путь к выходу, а девушка пошла за мной, на мое недоумение по поводу того, чего она за мной идет, пояснила:

- Я закончила свои дела в епархии.

- Что-то срочное?

- Брат у меня умер, написала прошение на заочное отпевание.

Мы уже вышли за ворота епархии и шли по пыльной улице Мефодиева.

- Он самоубийца? - Уточнил я, но она не сразу ответила, будто обдумывала или вспоминала.

- Нет, я так не считаю, поэтому и пришла в епархию. Брат находился в глубочайшей депрессии, жил в монастыре в Рязанской епархии. Приехал домой на побывку и случилось с ним такое несчастье, я думаю, это приступ был помешательства и его нельзя назвать самоубийцей.

Мы остановились у здания клиники «Надежда», мне надо было туда зайти, а я никак не мог избавиться от этой девушки, которая почему-то шла за мной от самой епархии и тут, я понял, что она от меня хотела - чтобы я походатайствовал перед владыкой о ее брате.

- Вас как зовут?

- Герта.

- Вот что, Герта, я поговорю о вашем брате с владыкой, а сейчас мне надо идти.

Она была счастлива и от всего сердца улыбалась, пожимая мне руку. Я обратил внимание на то, как холодны ее руки. Но это было мимолетное ощущение, как и само прикосновение, мало ли почему у людей руки холодные.

Клиника «Надежда» располагалась на цокольном этаже недавно построенной многоэтажки. Я вошел в коридор, здесь строгая гардеробщица дала мне бахилы, и велела одеть их, после этого пропустила внутрь. В регистратуре толпился народ. Медсестры-регистраторши внимательно выслушивали посетителей, что-то смотрели в мониторе компьютеров. Я был в некотором раздумии: с чего начать и кого спросить, если я просто знал только имя. Присев на мягкий диван, стоявший у стены, я стал думать над дальнейшими своими действиями. К стойке регистратуры подошел молодой человек лет тридцати. Одет он был в бежевого цвета ветровку и в тон ей брюки. Его

черные короткие волосы были тщательно зачесаны назад и, кажется, покрыты каким-то веществом наподобие бриолина. Он обратился к медсестре, показал ей красное удостоверение и я даже слышал обрывки фразы, что-то типа «лейтенант полиции», он показывал медсестре фото, и прозвучало имя Таня. Меня это крайне заинтересовало. Когда он закончил разговор с медсестрой я вышел из клиники следом за ним и какое-то время шел следом, пока он меня не заметил. Он подождал пока я подойду к нему.

- Вы что-то хотели спросить? - Его лицо выражало само внимание.

- Я слышал, вы девушку ищите по имени Таня?

- И что? Почему вас это так интересует?

- Она делала уколы моему двоюродному брату, незадолго перед его смертью. Хотел расспросить ее о последних днях жизни моего брата.

Рядом был сквер, незнакомец предложил мне пройти туда и поговорить. Мы присели в тени вяза на лавочке. Я представился, незнакомец тоже назвал себя - старший лейтенант полиции Позвизд Покатов. Выяснилось, что он расследует дело о смерти нескольких молодых людей, которые за последние две недели внезапно заболели, потом у них начинался сепсис и все заканчивалось смертью. И вот незадолго до кончины всем им, так или иначе, помогала медсестра по имени Таня.

- Я видел, что вы показывали медсестре в клинике фото.

- Да ладно, Буриной, давай уж на ты, я, кстати, наслышан о тебе.

Я был удивлен таким заявлением, так как совершенно не ожидал, что в городе обо мне какая-то широкая слава.

- Да?

- Ну как же, миссионерский отдел сродни Следственному комитету. Ваши с монахами «рейды» по старым монастырям и тамошние подвиги известны, что называется широкой общественности.

- Не знал. Так что фото?

- А, фото. Она сфотографировалась с одним из парней, которому помогала перед его кончиной.

Он вынул из кармана куртки фото и показал мне. Я сразу узнал девушку, запечатленную на нем.

- Я ее знаю. Она сегодня приходила в епархиальное управление, ее имя Герта. Просила разрешить заочное отпевание ее брата.

- Что с ним не так?

- Самоубийца.

Позвизд покачал головой, как бы сочувствуя Герте.

- Дело доказанное?

- Разбираться надо.

Покатов задумался на мгновение, что-то прикидывая в уме или просто думая о чем-то своем.

- А где она живет?

- Могу узнать в канцелярии.

- Сделай одолжение. Конечно, все это ни о чем нам не говорит: ухаживала она за юношами, однако это же еще не доказательство ее вины. И не преступление. Кстати, а помимо того что ты хочешь поговорить с этой Таней о последних днях жизни твоего брата, может есть и еще что-то?

Вопрос меня немного смутил, и мне кажется, это как-то отразилось на выражении моего лица, проницательный Покатов это заметил, ели заметно усмехнулся.

- Мне доктор из реанимации сказал, что брат был наркоманом и причиной сепсиса скорее всего стала грязная игла, которую он ввел себе в вену. И потом, я осматривал его руки, действительно есть пятнышки от уколов. Но этого не может быть, брат не был наркоманом. – Сказал я.

- Ты, наверное, мало с ним общался, мог и не знать.

- Это так, но я все же уверен в том, что брат не был наркоманом.

Снова последовала пауза, Позвизд обдумывал полученную от меня информацию или решал, стоит ли меня во что-то посвящать.

- Представь себе, те юноши, по которым я веду проверку тоже, по утверждению врачей были наркоманами. – Наконец сказал он.

Про чёрную лилию я ему не стал рассказывать, так как пока ничего толком сказать и не мог, а просто мои домыслы и догадки вываливать не хотел. На этом мы расстались, я пообещал в епархии узнать адрес Герты и завтра мы вместе к ней наведаемся.

По дороге в управление размышлял о том, что услышал от Позвизда насчёт нашего миссионерского отдела. Да, он прав: владыка порой нам поручал разные экзотические задания, типа того, которое мы выполняли в монастыре св. Пафнутия. Иногда мы проводили расследования по деятельности какого-нибудь батюшки, если на него поступали жалобы, но чтобы об этом так широко знали в городе, я не ожидал.

Вернувшись в епархиальное управление часа к трем, я застал там какой-то чрезвычайный переполох в среде обслуживающего персонала, все как-то озабочено ходило туда сюда и полусшепотом переговаривались. Поймав за руку пробежавшую мимо уборщицу я спросил у нее, что случилось и она, испуганно посмотрев на меня сообщила: «Отца Климента нямия подрала». В нашем кабинете я застал отца Климента, который сидел на своем кресле, задрал голову и приложив платок к щеке. Он опустил его, увидев меня. На щеке, чуть выше того места откуда начинала расти его борода, от правого глаза, атели три царапины, похожие на такие, которые остаются от кошачьих когтей.

- Кто тебя так, отец?

- А, ерунда. Пошел в подсобку, на втором этаже, за новым картриджем. А ты же знаешь, там света нет и полная темнота, вот и напоролся на какие-то провода.

- А уборщицы твердят это нямия тебя поцарапала.

Отец Климент сердито посмотрел на меня и порывисто встал.

- Не говори глупости!

В этот момент я услышал ясно, как мяукнула кошка, где-то у нас под столом. Монах вздрогнул от неожиданности и глянул под стол, ничего там не обнаружил, уставился на меня, ожидая, что я скажу. Ситуация была глупейшая.

- Схожу к отцу Игорю. - Сказал я и вышел из кабинета.

Протоиерей Игорь Гудин занимал должность заведующего отделом по связям с приходами и всегда был в курсе всего, что творилось в епархии. Он, что называется, убежденный модист, верил искренне в отсутствие Бога и к нашему отделу относился довольно настороженно, как к модернистам, которые допуская некоторые знания о Нем. Когда я зашел к нему в кабинет, он сидел за столом и что-то писал. Его лысина блестела в лучах солнца, проникавшего из окна, расположенного позади него. Отец Игорь приверженец нестандартных священнических одежд, вот и в этот раз на нем был подрясник лилового цвета

с какими-то муаровыми разводами. Он поднял голову, на груди его красовался наградной наперсный крест за Отечественную войну 1812 г. «Откуда он берет этот атиквариат» - подумал я, а вслух сказал:

- Батюшка, уповаю на вашу помощь.

Отец Игорь не сразу отложил сою писанину, делая вид, что я у него не в приоритете, есть дела поважнее. Наконец, он положил авторучку на стол и поднял на меня свои чудные, невинные глаза, полные запредельной скорби и сочувствия ко мне.

- Я весь во внимании, Буревой и готов помочь, если, - он развел руки в стороны - это в моих силах.

- Недавно приходила к вам девушка, ходатайствовать о своем самосгубившемся брате, ее зовут Герта.

- Да, да, что-то припоминаю. - Согласился он.

- Не могли бы вы подсказать мне ее адрес? Я обещал помочь девушке.

Отец Игорь откинулся на спинку кресла, наверняка собирался сказать какую-нибудь умную благоглупость, но неожиданно согласился тотчас помочь и начал рыться в бумагах, сложенных у него стопкой в лотке для бумаг.

- Если Христос не сын, как же осуществляется наше спасение?

- Между делом спросил он, это его была извечная привычка экзаменовывать меня в догматике.

- Телом. Им Он пребывает в вечности Небытия, и посредством потребления Его истинного тела мы можем приобщиться к несуществующему Богу.

Гудин самодовольно улыбнулся, полагая, что такие четкие ответы сотрудников епархии его заслуга. Он протянул мне лист бумаги.

- Отсюда мы делаем вывод, что наши протестантские собратья всех деноминаций разрушают веру Христову, изымая из нее самую суть. Не верой, не делами спасается человек, а приобщением к Телу и Крови Его.

Я взял поданный мне лист с прошением, стал читать и не сразу понял смысла того, что было написано, потом, вчитавшись, спросил у отца Игоря:

- Батюшка, а вы само прошение читали?

Он явно смутился, так как видимо не читал прошение, а просто положил в коробку для бумаг. Гудин прочитал вслух: «Прошу разрешение совершить мое заочное отпевание. Справка о смерти прилагается. Герта».

Отец Игорь в растерянности посмотрел на меня, не зная, что сказать. С подобным случаем он, похоже, встречался впервые.

- Неужели это розыгрыш? – Предположил священник

- Не думаю, посмотрите вот на этот знак.

Я указал на черную букву-лилию в самом конце прошения, такую же, как в гробу моего брата и в похоронном бюро. Но на этот раз вряд ли это была плесень.

- Мне этот знак за последние несколько дней встречается не первый раз. объяснил я.

Оставив в недоумении и растерянности отца Игоря, я отправился к себе в кабинет. Отца Климента на месте не было. Еще раз изучив прошение я пришел к выводу, что условная лилия вполне была нарисована шариковой ручкой и уж точно не был каким-то случайным явлением на этом листе бумаги: знак аккуратно вырисован прямо под адресом, датой и подписью просителя. Вошел обеспокоенный отец Климент и с порога объявил:

- Я только что от владыки. В семинарии завелся демоногид, надо ехать.

Мы тут же собрались и пошли в семинарию. Она располагалась недалеко от епархиального управления. Надо было только преодолеть расстояние по набережной вдоль реки Пурсовки, на это обычно уходило не более десяти минут. По дороге мы шли молча, отец Климент сосредоточенно молился про себя, было видно, как однообразно шевелятся его губы. В духовной семинарии я раз в неделю преподавал студентам пятого курса миссиологию. Предмет довольно абстрактный и скучный, поэтому чаще всего рассказывал студентам разные случаи из моей богатой практики. Они слушали с интересом.

То о чем мне сообщил монах, было очень неприятным известием. Природа демоногидов изучена слабо, а главное их очень сложно было вычислить. Суть явления демоногидов состояло в том, что кто-то из семинаристов (ибо это явление характерно только для духовно-учебных заведений) начинал принимать чужие грехи на себя, впадая в какое-то необычное состояние. Демоногид так неотразимо действовал на семинаристов, что они выкладывали ему всю свою подноготную, а потом страдали ощущением вины и чахли прямо на глазах. Если не предпринимать никаких мер, то

могло дойти и до смерти. Эта тварь заводилась в семинарии уже второй раз на моей памяти, но никогда нам не удавалось понять причину его появления и как от него избавиться. Помогала только общая молитва скорби три раза в день. На этот раз я решил выяснить причину, по которой демоногид появляется в учебном заведении.

Трехэтажное здание семинарии располагалось на территории Введенского мужского монастыря, который на самом деле давно покинули монахи и он просто использовался в хозяйственных целях: в келейных корпусах хранили разное имущество, а храмы были приписаны к городским приходам. Здание семинарии это предмет гордости епископа Тиберия, он вложил в ее строительство колоссальные деньги, переоборудовав бывшую среднюю школу, построенную в 1930-х годах в стиле конструктивизма в роскошный дворец, который в народе прозвали «пряничный домик».

Центральный вход семинарии был оформлен в виде портика с толстыми, пузатыми колоннами, над входом свисал прямой козырек. Отец Климент нажал кнопку домофона, внутри аппарата что-то щелкнуло, зажегся огонек видеокамеры – с той стороны охранник изучал нас и, наконец, узнав, нажал кнопку разблокировки магнитного замка. Мы вошли в светлый широкий коридор, где за массивной дубовой стойкой восседал усатый охранник, наблюдавший по монитору за периметром. На стене над его головой висели большие электронные часы, они показывали 5 августа 224 года 15.30. Это не было ошибкой – в семинарии время текло по своему графику, согласно прошению проректора по учебной части протоиерея Азарии Ноймана в целях увеличения учебных часов и дидактического влияния на учащиеся семинарии, так как сокращение летоисчисления на 1000 лет приближает нашу эпоху к временам первохристианским.

На наш вопрос, где проректор Азария Нойман, охранник ответил, что и он, и все семинаристы в молитвенной комнате. Как и у нас в епархиальном управлении, эта комната располагалась в подвальном этаже, но была гораздо больше нашей, так как должна была вмещать всех семинаристов. Когда мы с отцом Климентом спустились в подвал, то там увидели, как в стасидиях стоят на коленях, обнаженные по пояс пятьдесят семинаристов (именно столько училось на очном отделении) и их нещадно сечет плеткой отец Азария и проректор по ученой части Ольга Валерьевна Земиных (студенты называли ее за глаза Вареньевна): приземистая, толстая баба лет сорока на коротких ногах, с пухлыми руками, толстыми губами и такими же

щеками. Она, сверкая своими маленькими глазками, особенно усердствовала, выбивая из глоток молодежи тонкие крики. Увидев нас, они остановились в своей работе и, обращаясь к учащимся, отец Азария сказал:

- Молитва окончена. Окажите друг другу помощь и отправляйтесь обедать.

Отец Азария маленький, плюгавенький выглядел на фоне массивной Вареньевны как муравей, забредший в стадо крупного рогатого скота. Они оба недружелюбно уставились на нас, ожидая видимо какого-то подвоха, но я вполне миролюбиво обратился к Нойману:

- Здравствуйте, батюшка! Как у вас тут дела? Нам сказали, что опять демоногид завелся?

Оба проректора заговорщицки переглянулись, видно им не хотелось признавать этого факта, так как отчасти была в этом и их вина, поэтому им не особенно хотелось признаваться в своем проколе.

- С чего вы взяли, Буриной? У нас плановые учебно-воспитательные мероприятия, проводили молитву скорби.

С вызовом ответил отец Азария. Он когда-то был правоохранителем, поэтому, будучи в духовном сане сохранял в своей речи некие канцеляризмы. Я не стал далее смущать достойных проректоров, тем более, что Ольга Валерьевна так и сверлила меня своим взглядом, желая проделать, видимо, во мне дыру. Поэтому я примирительно сказал:

- Нет, так нет. Значит у нас неверная информация с отцом Климент. А я вот на занятия пришел, а батюшка в библиотеку зашел.

Отец Климент посмотрел на меня укоризненно, он презирал вранье и всякое криводушие. Однако выхода другого из ситуации я не видел. Мы вдвоем направились следом за проректорами и уже на первом этаже разошлись в разные стороны: монах в библиотеку (в любом случае он найдет себе там дело), а я на занятия. Вспомнил по дороге, что в здании усилиями владыки был устроен лифт, и я не отказал себе в удовольствии прокатиться на третий этаж.

В аудитории студенты 5 курса ожидали меня, как всегда не в полном составе. Мы помолились и я начал занятие, рассказывая о своих сегодняшних впечатлениях, связанных с походом на кладбище. Это был повод, чтобы углубиться в тему сект, которые были связаны с нашим краем. Семинаристы слушали

невнимательно: кто-то тупо уставился в ноутбук, кто-то делал вид, что читает, кто-то отчаянно боролся со сном. За передней партой спал Степа Васин. Он делал это всегда одним и тем же манером: откинув голову назад и открыв рот, из носа у него со свистом при выдохе вырывалась струя воздуха. Я щелкнул Степана по носу, он от неожиданности вздрогнул и проснулся, уставившись на меня испуганными глазами.

- Ну, рассказывайте, где вы видели демоногида. Или, уточню вопрос, в ком он. - Обратился я к студентам. Они молчали, опасливая поглядывая на меня, наконец, долговязый Мякинин с последней парты хрипло сказал:

- Он в Курахине.

- Где его комната?

- Последняя дверь по коридору, на втором этаже, у самого окна.

Надо было быть очень осторожным. По всему видно, что эта тварь попользовалась всеми семинаристами. Пожалуй, высосала у них всю подноготную. То-то они такие вялые. Я пытался припомнить Курахина, но сделать этого не мог, память у меня зрительная плохая, если бы студент ходил на занятия часто я его запомнил бы, но здесь вариант обратный - на занятиях Курахин бывал не часто.

День угасал, но в коридор все еще через окошко проникали лучи солнца, в которых так приятно было греться. Но долго около окошка стоять не пришлось, когда я дошел до самой крайней комнаты, прямо в дверях столкнулся с Курахиным. Он уже внешне стал меняться: худой, щеки запали, глаза закатились и нос приплюснут. Я резко толкнул его внутрь комнаты, загнал на кровать, перевернул на живот, а руки связал за спиной плетью, которая всегда у меня имела за голенищем сапога.

Курахин сдулся. Буквально: газы вышли изо рта, ушей. Осталась только оболочка тела облаченная в подрясник. Я взял ее в руки - она была похожа на резину как у надувной лодки. Мне подумалось: «А ведь в прошлый раз такого эффекта не было». Да, мы тогда долго вычисляли демоногида и изгнали его только благодаря молитве скорби, правда, помнится, семинариста мы тогда чуть не до смерти забили, но ничего, выжил. Сейчас протоиерей в одном из городских храмов. Что стало причиной такого финала на этот раз? И этот газ. Я принял: какой-то гнилостный, будто где-то кошка сдохла. Причем вонь как-то целенаправленно, потоком, шла откуда-то из района ванны. В каждой студенческой комнате, рассчитанной на два человека, был отдельный санузел и великолепная ванная

комната. Несло именно оттуда. Я включил свет там и увидел, что труба вентиляции пробита и из нее со свистом вырывается вонючий воздух.

Наша вентиляционная система была устроена так, что все вытяжки располагались в подвальной части здания, соответственно труба из этой комнаты опускалась именно туда. Здание семинарии было построено на фундаменте архиерейского дома, постройки XVIII века, а основа ее довольно глубокий подвал, в котором когда-то держали всякие припасы. При строительстве семинарии постарались в подвал спустить максимальное количество коммуникаций.

Уже скоро я был в подвале. Его стены сложены из красного широкого кирпича, между кирпичами толстый слой известкового раствора, соединяющий все в единую монолитную массу. Подвал глубок и просторен, ближе к стенам тянулся ряд различных коммуникаций: кабеля, трубы, провода. Среди них нелегко было найти нужную мне трубу. Я снял рюкзак, присел, стал расстегивать замок и увидел в полутьме небольшую юркую фигуру: приглядевшись можно было понять, что это маленькие коричневые, человеческие черепа, перемещающиеся на многочисленных ножках, растущих у них, как метелка изнутри. Они очень быстро двигались, и черепа перебежали от стенки к стенке, наконец, метнулись в какую-то дыру в полу. Я только успевал за ними водить фонариком. Заглянул в ту дыру между полом и стеной, будто выгрызенной в толще древнего кирпича. Оттуда мерзко пахло. Вот где и источник газа: труба вентиляции, а ошметки ее обгрызенного окончания были хорошо видны, нависали прямо над этим отверстием. Газ поднимался прямо наверх и Курахин, вероятно войдя, как то утром или ночью в ванную комнату, вдохнул этот газ, в котором и живет демоногид. Курахин впустил его в себя и поплатился. Но самое главное не в этом, нет. А в том, что демоногид может явиться только в том месте, где есть разложившиеся останки человека. Но где они здесь, в подвале? Должно быть, старые захоронения еще времен, когда здание было в распоряжении ГПУ и в здесь расстреливали людей. Возможно, в подвале кого-то просто закопали.

Заделав отверстие разным тряпьем, разбросанным по полу подвала, я поднялся на первый этаж, чтобы зайти в библиотеку за отцом Климентом. Наша библиотека считалась одной из лучших среди семинарских библиотек страны. Владыка очень гордился ей и не жалел денег на приобретение разного оборудования для нее. В библиотеке имелись раздвижные полки с подъемными механизмами, красивые дубовые шкафы,

прекрасное освящение, а главное, конечно, великолепный книжный фонд. По распоряжению епископа Тиберия скупались все новинки и много букинистики, даже целый шкаф был занят роскошным изданием в кожаном переплете «Истории Милана» на итальянском языке. Владыка очень гордился этим изданием, хотя непонятно было, зачем оно ему нужно. Ведь ни сам он, ни кто-либо другой итальянского языка не знал.

В отделе комплектования фондов за столом сидела заведующая библиотекой Светлана Викторовна, она набирала на компьютере название книг для электронного каталога. Заведующая – пожилая женщина за шестьдесят с короткой стрижкой седых, редких волос. Услышав, как хлопнула за мной дверь, она посмотрела на меня поверх очков, которые висели почти на кончике ее носа. На мой вопрос, где отец Климент она молча указала рукой на читальный зал, располагавшийся за стеной. Там, прямо посреди зала, сидел на стуле монах Климент в полной прострации: он вытянул ноги, опустил руки и запрокинул голову. Рот у него был открыт, а глаза закатились под самые веки и слегка дрожали. Порядком струхнув, я подбежал к монаху стал его трясти и бить по щекам, такое ощущение было, что он чем-то ширнулся и теперь кайфует. На шум выглянула Светлана Викторовна, она строго посмотрела на все это безобразие сквозь затемненные стекла очков, на время скрылась в своем кабинете и почти тут же снова появилась со стаканом воды в руках, содержимое которого выплеснула в лицо отцу Клименту. Тот вздрогнул, закашлялся, чихнул и очнулся, отирая лицо рукой от воды. Он недоуменно озирался, будто кого-то искал и спросил:

- Где она?

- Кто? – Не понял я.

- Девушка здесь была. Она спросила

Он умолк, вспоминая, видимо, что именно девушка спросила, и не мог. На его лице отразилось полно отчаяние:

- Опиши ее хотя бы

Отец Климент на некоторое время задумался, подбирая нужные слова, наконец, нашел их:

- У нее черный платок был на голове, такой, кружевной. И волосы длинные в косу заплетены.

По описаниям, довольно скудным (в который раз подсадовал я на монохромный мир аскетизма) похоже было на Герту. Я спросил у Светланы Викторовны:

- Сюда еще кто-нибудь заходил кроме нас?

Заведующая неопределенно пожала плечами, давая понять, что нет. Сомнений не было: Герт а была типулой. Я припомнил, что типуле не нужны двери, она сквозь стены ходит, насколько я помню, у нее волновая структура, так что проникнуть она может почти везде. А главное, в отличие от, даже тех же призраков кошек, они практически безвредны, т. е. не могут причинить человеку существенного зла. Разве только определенного участка памяти лишить.

Мы покинули с монахом и библиотеку и семинарию. Спрашивать у сторожа на вахте входила ли девушка в здание после нас, было бесполезно, даже на видеорегистраторе она, если захотела, могла быть не зафиксирована. Но проверить стоило. Я попросил отмотать запись назад и увидел Герту, она расписывалась в журнале посетителей. Что ж, решила не скрываться. И к чему это все? Сразу понял к чему, когда разглядел на сумочке Герты, которая у нее висела на плече все тот же знак черной лилии отдаленно стилизованный под латинскую букву W. Сомнение теперь не было никаких: это послание от синтагмы. Так как вся эта ожившая нечисть рабски подчинены только ей. И если в тот момент, когда владыка Тиберий, говорил мне, что мной выпущена синтагма, это порождение чудовищных сфер иной жизни, происхождение которой нам было не ясно, я сильно сомневался в этом, то теперь сомнений не было никаких – это именно так. Мы шли молча по набережной в епархиальное управление. Отец Климент, когда почти уже подошли вдруг спросил:

- А куда и зачем мы ходили?

Простое лицо его при этом выражало полное недоумение. Общение с типулой не прошло для монаха бесследно: она стерла часть памяти своей жертве, когда искала в его мозге нужную ей информацию.

Глава III. Могила изгоев

Мы сидели с отцом Климентом в своем кабинете и писали отчет о деятельности отдела за полгода. Владыка Тиберий требовал от нас строгой и полной отчетности. Кто-то постучал в дверь, я сказал: «Да, войдите». Дверь робко приоткрыл молодой парень лет 25, он был одет в поношенный коричневый пиджак, потертые джинсы, а в руках мял черную панаму. Войдя в кабинет, он остановился на пороге и как школьник топтался на месте.

- Вы по какому вопросу? – Попытался ободрить парня отец

Климент.

- Я хотел заочное отпевание по бабушке заказать?

- Он был членом модо-церкви?

Парень наморщил лоб, пытаюсь, очевидно, понять о чем это монах ему говорит.

- Он крещеный был? - Сообразил отец Климент.

- Нет.

- Сколько же ему лет было?

- Восемьдесят.

- Он сам хотел, чтобы его отпевали?

- Он ничего не говорил. Просто умер. Он никогда не говорил о вере. Но ведь его все равно надо отпевать иначе он станет ликатором.

Монах помрачнел и отвернулся, давая понять, что не хочет больше говорить с парнем. Чтобы не выглядеть невежливым я сказал парню:

- Вам надо в другой отдел: дверь напротив, там отец Игорь, обратитесь к нему.

После его ухода воцарилось молчание. Я чувствовал, что отец Климент весь кипит от возмущения, но сдерживается, поэтому решил разрядить обстановку:

- Ладно, отец, ты же знаешь, как в народе распространены суеверия и ничего с этим не сделаешь.

Монах угрюмо молчал. Так мы и просидели до конца рабочего дня молча, а потом я вышел на улицу и направился домой. Конечно, ликаторов, как и призраков кошек можно было бы назвать народным суеверием, но какое-то рациональное зерно в этом было. Ликаторами называли людей, которые при жизни своей не были крещены, ни разу не были в церкви, даже на Пасху и вообще никогда не проявляли никакого интереса к религии. Вообще были никак не религиозны, ни с какой стороны. Их жизнь просто так сложилась вне религии. Не потому что они были атеистами или какую-то особую позицию занимали. Нет, просто вот так сложилось. В наших краях, в областях, находящихся в юрисдикции модо-церкви, народ был уверен, что такие люди после смерти превращаются, как кошки, в призраков, только безликих - ликаторов, одним словом. И встреча с ними не сулит ничего хорошего в том смысле, что они могут привести какую-нибудь болезнь или порчу.

Дома меня ждала мама. Зоя Васильевна. Моя любимая мама. В прихожей я снял свои армейские ботинки, положил рюкзак на полку для обуви, отстегнул портупею с кинжалом и снял кольчугу. Мама стояла в коридоре, оперевшись плечом о косяк двери и с умилением смотрела на меня. На ней как всегда был передник, потому что она всегда что-то готовила. Хотела порадовать меня, хотя для меня было все равно что есть, у меня даже не было каких-то гастрономических предпочтений. Я надел мягкие тапочки, подошел к маме и поцеловал ее в щеку, она потрепала мои волосы.

- Иди, мой руки. Ужин уже готов. - Сказала она

После водных процедур перешел в столовую, где меня уже на столе ждала тушеная требуха. От нее поднимался пар, она аппетитно пахла. Я помолился перед едой, а мама сидела за столом и все также умильно смотрела на меня. Когда я начал есть, она спросила:

- Ну как прошел день?

Мама была потомственной ведьмой, из ковена Принципалов. Ведьмовские ковены в наших краях очень авторитетны и народ к ним с уважением относится. Я рассказывал о событиях дня, неторопливо ел требуху, отмечая, как хорошо она проварена, потом протушена в специальном соусе, что аж тает во рту. Мама слушала, подперев щеку правой рукой, во взгляде ее ощущалась большая любовь ко мне. Выслушав меня, она сказала:

- Все это звенья одной цепи, сынок: призраки, демоногид, типула, ликаторы и какая еще появится, скорее всего, в ближайшее время невидаль, все они управляются синтагмой.

- Подожди, но как?

- Синтагма оживляет материю. Она как искра: там, где есть хоть немного органики, еще не разложившейся: в виде слизи, запекшейся крови, сухой кожи, ногтей, костяной крошки, синтагма может создать новую жизнь, точнее вдохнуть искру жизни и появится иное существо, подчиненное только ей. Она будто сама эта вечно живущая материя, которая касаясь всего, на чем была печать жизни, дает новый шанс.

Было от чего прийти в отчаяние. Подумать только: ожившая материя! В свои тридцать, я только и делал, что боролся на границе двух миров, чтобы не впустить к нам не нужные субстанции, а тут просто под ногами живая материя.

- Слушай сынок, - между делом мама пыталась вытянуть из меня секреты - говорят, это ты выпустил синтагму в последнем твоём

походе.

- Похоже на то. - Пришлось согласиться, так как теперь, это было очевидно, даже для меня

Тут мама повела себя как-то необычно. Во всяком случае, прежде она не была столь деликатная со мной и всегда все напрямую спрашивала. А тут издали решила, аккуратно. Она под села ко мне ближе и, наклонившись к уху, почему-то шёпотом заговорила:

- Я видела тот момент, когда ты ее выпустил.

- Как? - Не понял я.

- Во сне. Когда была битва, я все видела. Но ты специально дал слабину, ты ей поддался.

Я не стал возражать. Много раз после того случая уже анализировал ситуацию и сам пришел к выводу, что тогда я действительно поддался.

- А теперь ответь мне на вопрос, только правду говори. - Продолжала свой допрос мама, мне пришлось покорно кивнуть головой.

- Почему ты ее выпустил? По причине слабости своей или, что-то другое?

Мне пришлось сказать правду о том случае, когда я ее видел днем накануне битвы, о ее рассказе, и как у меня возникла к ней симпатия. После этих слов мама сильно заволновалась, встала, начала нервно ходить по столовой.

- Это хуже всего, Буриной.

- Почему?

Она остановилась, посмотрела на меня в упор и заявила:

- Теперь вы связаны чувствами. Ты ее суженный.

Мысль эта и у меня где-то глубоко в душе сидела. Но я не давал ей выйти наружу. Может, боялся, прежде всего, того, что не знал, как поступить дальше. Однако подозревал следующий вопрос от мамы, иначе она не затеяла бы этот разговор и действительно, мама высказала то, о чем знала, пожалуй, только она:

- Надо пойти на могилы изгоев. Вот что надо делать.

Решительно заявила она, но я знал: в ней сейчас говорит ведьма и мне поступать по ее ведьмовскому совету не следует. Это

противоречит вере. Ожидая, какие дальнейшие советы она даст мне мама напрягся и похолодел внутри себя.

- Сходи завтра к владыке. Скажи ему – это единственный способ покончить с синтагмой.

- А если нет? Если это не поможет.

- Выкопаешь изгоев и разметаешь их кости, тогда поможет. Возможно, синтагма исчезнет.

Мамино лицо в этот момент было строгое и торжественное

- Возможно? Ты сказала, возможно? Это значит, ты не можешь ругаться за эту рекомендацию, мама?

- Мы в ковене все обсудили и пришли к единому мнению. И потом, у тебя есть какое-то другое решение?

Я промолчал. Вытер губы салфеткой и закончил свой ужин. Конечно, у меня не было никакого решения вообще. Поцеловав маму в лоб и сказав ей «Спокойной ночи!» пошел спать. Оказавшись в своей уютной постели, после длительно молитвенного правила я все думал о том, почему тогда в монастыре отпустил девушку. И отвечал на этот вопрос себе ясно: я испытывал к ней сострадание.

За окном в небе стояла полная луна. Она плыла то, скрываясь, то вновь показываясь из-за перистых облаков. Глядя на нее я заснул. Утром меня разбудила мама: она осторожно просунула голову в дверной проем и показала в образовавшуюся щель мониторчик моего трезвонящего телефона. Приподнявшись на локте, я протянул руки к телефону, и мама тотчас вошла, отдав мне его.

- Алле. – Бросил я в трубку

- Это Позвизд, лейтенант полиции. Мне надо тебе кое-что показать, приходи на кладбище к 12 часам.

И на той стороне отключились. Странно, зачем на кладбище?

- Который час, мама?

- Уже девять.

Я начал собираться. Мама закрыла дверь. Мысли мои не сразу успокоились. Надо было выработать какой-то план, но ничего, кроме того, что предложила мне мама в голову не лезло. Что ж попробуем ее вариант. Могилы Изгоев находились в лесу в двадцати километрах от Пафнудьевского монастыря. Местные легенды утверждали, что это могилы первых людей. Но археологи говорили, что это суеверия, а

могилы всего лишь захоронения древних обитателей здешних мест рядом с поселением основанном еще до Рождества Христова. Просуществовав несколько веков это поселение по какой-то неизвестной причине исчезло, а могилы остались.

Завтрак прошел в молчании. Мама о чем-то сосредоточенно думала, механически расставляя кружки и тарелки на полке, она была явно озабочена. Доедая яичницу, я спросил:

- Вот доберемся мы до могил, а дальше что? Как нам поможет наше присутствие на могилах?

Мама перестала выставлять посуду на полку и повернулась ко мне лицом.

- Ты прокапаешь с южной стороны первой сопки шурф глубиной 50 сантиметров и возьмешь образцы грунта. Привезешь мне.

В маме заговорила ее профессия по диплому: она закончила Горный институт по специальности «геологическая съемка, поиски и разведка твердых полезных ископаемых».

- Мама! Как ты себе это представляешь? Я, работник епархии, в присутствии двух монахов буду брать землю с могилы с целью совершения магических ритуалов?

- Они ничего не должны спрашивать, они безмолвники.

Это мама так иронизировала. Мне самому себе надо было это объяснить. Но с землей мне идея не нравилась.

- И потом, почему ты решил, что земля с могилы мне нужна именно с магической целью?

Я печально посмотрел на маму и пошел собираться, вспомнив по дороге в свою комнату о вчерашнем звонке Позвизда, глянул на часы, было уже 11. Подумалось: если успею на 31 автобус, попаду почти к сроку на место встречи. В автобусе как всегда было битком народу. Маршрут этот в летнее время был единственным, который конечным своим пунктом имел поселок Чистые Пруды, где были сосредоточены дачи почти всех жителей города. И вот все лето и часть осени старенький автобус почти всегда был переполнен: утром он дачников увозил на дачи, вечером привозил обратно. Одна из остановок на пути следования этого автобуса как раз было кладбище. Я добрался до него изрядно помятый и с оторванной пуговицей на моей любимой рубашке. Автобус попылил дальше к конечной точке своего маршрута, а я обнаружил, что у меня еще и карман на крутке оторван. Приладив его кое-как с помощью булавки, я пошел к входу на кладбище. Позавчера только побывал здесь

в связи с печальным событием – погребение моего несчастного двоюродного брата. Что же могло случиться?

Полынковское кладбище располагалось на юго-западной окраине Мефодьева. Это было единственное место, где хоронили горожан и оно было переполнено уже, я слышал, что власти выделили большой участок горожанам километрах в трех от города около деревни Лужки, говорят там есть первые захоронения. У самого входа, за воротами располагалась кладбищенская церковь в честь Новомучеников Российских. За храмом открывалось бесконечной поле, покрытое могильными крестами, памятниками разной формы. Лейтенант ждал меня у входа в храм. Мы по мужски, поздоровались, т. е. пожали друг другу руки. И он молча повел меня вглубь кладбища. Чем дальше мы шли, а я едва поспевал за Позвиздом, тем все больше мне знакома была тропа, вскоре стало очевидно, что она привела нас к свежей могиле моего брата.

- И что? Зачем ты меня сюда привел?

- Ты ничего не замечаешь?

Лейтенант смотрел на меня торжествующе, недоумеая от моей непонятливости. Я внимательно осмотрел свеженасыпанную могилу: песок немного слежался, несколько венков опирались на крест прямо за ним в земле была дыра, размером примерно с человеческое тело.

- Осыпалась земля? – Предположил я.

Позвизд отрицательно покачал головой

- Это скорее похоже на нору. Посмотри внимательно.

Действительно края отверстия были идеально ровные, да и сама дыра уходила глубоко, заглянув в нее, я увидел, как мне показалось, кусочек гроба.

- Это еще не все.

Позвизд обошел могилу и вышел за ограду на дорожку, которая разделяла два квартала кладбища. Он поманил меня к себе и я, оставив рассматривание норы подошел к нему. Лейтенант стоял на краю дорожки, здесь в земле имелась такая же нора, как и около могилы.

- Ты хочешь сказать, они связаны? – Спросил я

- Ну, разумеется! – Моя недотепистость вывела Позвизда из себя, но я не сдавался.

- Такой кривой путь под землей сам по себе говорит, о том, что эти две ямы не могут быть связаны между собой.

По дорожке к нам шли кладбищенские работники с лопатами. Два человека. Когда они остановились рядом с нами один из них, тот, что был постарше, спросил у Позвизда:

- Копать?

Лейтенант, обращаясь ко мне, разъяснил:

- Я получил разрешение на эксгумацию, мать Конрада Соколова дала свое согласие, но присутствовать при этом не захотела, вот я и вызвал тебя как родственника.

Что мне оставалось делать – только молча наблюдать за происходящим. Рабочие приступили к раскопкам. Убрали венки, осторожно вытащили крест и аккуратно положили на край ограды. Начали неторопливо копать, почва в этих местах мягкая, песчаная. И хотя земля немного уже слежалась в холмике, но все же работа шла споро, вскоре лопаты застучали по крышке гроба. Над крышкой, в стенках могилы друг против друга видны были отверстия, которые явно шли на поверхность. Рабочие поглядели на Позвизда и один из них спросил:

- Поднимать?

Лейтенант кивнул и рабочие довольно ловко подвели брезентовые ленты и с помощью лебедки начали поднимать гроб, однако когда он только показался над поверхностью, Позвизд крикнул:

- Стой! Буриной, подойди.

Я обошел могилу и вместе с Позвиздом увидел, что у гроба нет торцевой части и через отверстие было видно, что в нем отсутствует труп моего брата. Мы некоторое время созерцали открывшееся зрелище, потом лейтенант велел опустить гроб в могилу. Мы отошли в сторонку. Над нами только небо без единого облачка, страшной синевы, казалось оно было таким только над кладбищем.

- Что ты об этом думаешь?

Спросил Покатов, когда мы медленно шли по дорожке и слышали, как на крышку гроба падают комья земли: рабочие зарывали могилу. Этот звук становился все более тихим по мере того, как мы удалялись от могилы. Наконец, вышли к храму, остановились на асфальтированной площади перед храмом. Молчали. А со стороны кладбища к нам почему-то бежал один из рабочих. Он махал рукой, в которой что-то держал. Мы

дождались его и он, запыхавшись, протянул Позвизду какой-то предмет:

- Вот на дне могилы нашли.

Он отдал предмет и быстро ушел к своему соратнику. Покатов повертел в руках этот предмет похожий на большой зуб какого-то животного.

- Как думаешь, что это? – Спросил он меня.

Однако версий я высказать никаких не мог: зуб был плоский, с острыми краями, треугольной формы и довольно большой.

- Чего он делал в могиле? – Вслух рассуждал я

Тем временем мы подошли к воротам. Мне вдруг пришла одна мысль.

- Слушай, ты говорил, что есть еще несколько похожих случаев смерти?

Позвизд подумал, сразу понял, к чему я клоню и продолжил мою мысль:

- Всего три человека и все они похоронены здесь, где же еще.

Мы отправились осматривать другие захоронения, о расположении которых лейтенант Покатов хорошо знал. На это у нас ушло еще часа полтора. Потому что могилы этих людей, которые пострадали от Герты (так я считал) располагались в разных частях кладбища. Оно по свой старинности, хотя и при таком малом городе как наш, все же было довольно большое. И везде на могилах умерших юношей мы увидели ту же картину, что и на могиле Конрада: два отверстия в изголовье и в ногах. Можно было не сомневаться, что в гробах никого не было. Насобирали еще штук пять зубов.

Вышли за ограду кладбища и стояли на остановки, ждали автобус. Вдалеке сиротливо торчали две панельные девятиэтажки. За ними начинались бесконечные пыльные кварталы частных домов. Всегда почему-то в этой части города в воздухе висела пыль, и поэтому казалось, что смотришь на улицу, как сквозь туман.

Было тоскливо от всего этого. Лейтенант молча курил, пуская дым через нос, на меня не смотрел, а я погруженный в свои мысли от неожиданности вздрогнул, когда он, не поворачивая головы в мою сторону, спросил:

- Что будешь делать?

- Поеду на могилы Изгоев.

- Зачем?

Сказать, что мама велела, будет как-то стремно, к смеху, а к чему сейчас смех. Поэтому пришлось сказать не совсем то, что есть:

- Владыка посылает.

Позвизд понимающе кивнул, докурил сигарету и бросил ее в пыль. Подъехал автобус. Мы доехали до центра города и там разошлись, условившись, что встретимся после моего возвращения. За это время Покатов собирался посетить клиники, где могла работать Таня Тобольцева она же Герта и попытаться выяснить ее адрес, возможно, выйти на след. Мы слишком мало знали о ней и то, что знали, было чрезвычайно скудно.

В епархии я застал владыку Тиберия на первом этаже. Он руководил рабочим, который на стену вешал новый портрет Патриарха. Епископ Тиберий стоял чуть на расстоянии от стены и указывал: «Правее, левее». Увидев меня, он отвлекся, поправил свой розовый подрясник и панагию на груди, спросил:

- Ты ко мне, Буриной? Какое-то дело?

Не заинтересовался о синтагме и моих успехах в поиске ее. Я не мог сообразить к добру это или нет, но молча пошел следом за владыкой к нему в кабинет. Ляли на месте не было, на мой недоуменный взгляд владыка ничего объяснять не стал. Ну и ладно – нет ее на месте и нет, может, заболела. Епископ Тиберий сел в свое глубокое кресло, пригласил меня присесть на кресло поменьше размером.

- Что у тебя?

- Владыка, разрешите на два-три дня на могилы Изгоев съездить?

Епископ нахмурился. Ему эта идея явно не нравилась. Он недовольно спросил:

- Зачем?

- Надо взять землю.

Владыка заволновался, он встал и начал прохаживаться по кабинету:

- Это тебя Зоя Васильевна надоумила? – Бросил он походя.

Мне пришлось признаться, что в данной ситуации это хоть какой-то выход. Владыка остановился у окна, заложил руки за спину и смотрел на замечательный пейзаж, который открывался отсюда: долина реки Пурсовки. Она петляла между

небольшими холмами, с заросшими ивняком и тростником берегами, маленькая и уютная уходила куда-то за горизонт.

- Как дела идут с поиском синтагмы? – Потребовал он ответа.

- Лейтенант Покатов в мое отсутствие займется этим делом, его назначили разбираться с загадочными убийствами. Сегодня мы были на кладбище, там обнаружили норы около могил

- Норы? – Владыка повернулся ко мне, отвлекаясь от созерцания пейзажа за окном – Странно. Мне думается тебе надо сказать об этом своей маме, что она думает об этом.

Епископ советовал мне обратиться за советом к ведьме, забавно. Но я был согласен с этим. Владыка вернулся в свое кресло, достал из стола бумагу и, написав что-то, передал бумагу мне:

- Это письмо передашь настоятелю скита, он окажет тебе какую нужно помощь. Возьмешь с собой монахов Климента и Андрогина. Я распорядюсь сегодня, чтобы отца Андрогина освободили от чреды служений на время вашего отсутствия.

Благословив, епископ Тиберий велел мне уходить. Спустившись к себе в кабинет я оповестил об предстоящей экспедиции как всегда хмурого отца Климента, тот никак не отреагировал на известие, даже ничего не сказал. Остаток дня потратил на то, чтобы взять продукты на складе, проверил снаряжение, договорился с нашим епархиальным водителем Александром Николаевичем, о том, чтобы он довез нас завтра до границы леса.

Вечером дома пил чай. Ужинать не захотел, молчал. Мама не нарушала моей задумчивости, сама была молчалива. Но долго тишины в доме я не выдержал и рассказал ей о наших находках на кладбище. Она внешне никакого вида не подала, будто все рассказанное мной уже давно знала, спросила только:

- А зубья куда дели?

- Покатов как вещественные доказательства забрал.

- Так, так. – Забормотала она озабочено – Это проделки синтагмы, Буревой.

Я даже пряник изо рта выронил от удивления, прямо в кружку с чаем.

- Все эти умершие внезапно юноши - это свита синтагмы. Она составляет себе свиту из вампиров. Те юноши обращены ею в вампиры – Уточнила мама.

Она вышла из столовой в гостиную и вернулась с большим фолиантом в кожаном переплете. Мама присела рядом со мной, положила книгу на стол. Я уже допил чай и отодвинул чашку, приготовился смотреть книжку. Мама открыла первую страницу, плотную как картон, здесь было написано название «Доктерион». Мама пролистала книгу, очень напоминавшую мне детские книжки, в которых были красивые картинки. В этой книге также имелось масса картинок разных странных существ по большей части отвратительных на вид. Все рисунки выполнены в одной манере черной тушью. Она открыла книгу ровно на середине, здесь присутствовала только одна картинка, большая и раскрашенная в отличие от других. На этой картинке было изображено существо с длинным телом, как у червя или сколопендры, по всей боковой поверхности с обеих сторон у нее росли частые остроконечные зубья. Голова существа состояла из трех мощных костяных резцов. Выглядело существо чрезвычайно отвратительно, тот, кто его или ее рисовал, особенно постарался изобразить как можно натурально.

- Что это? – Поинтересовался я

- Это и есть синтагма. В этой книге собраны все существа, которых она создает и оживляет. Она госпожа органической материи. Она божественная искра. За все время существования человечества было только два случая, когда синтагму выпустили из того мира. И второй случай как раз наш.

- А первый?

Мама ответила не сразу, пролистала еще несколько страниц книги.

- Лазарь Четверодневный. Это единственный человек, который был три дня мертв, даже уже начал разлагаться, а потом воскрес. И заметь, он никогда никому не рассказывал, что с ним было в эти три дня. Он не использовал своего дара синтагмы. По какой-то причине он не захотел быть искрой, а вот твоя девушка, которую ты выпустил, захотела.

- Как это возможно вообще?

- Не знаю. Как это можно быть, но она пользуется тем, что остается от тел в земле, а всегда остается что-то, даже через тысячелетия. Хотя бы какая-то часть ДНК. Этого достаточно, чтобы синтагма оживила материю, а формы для этого уже готовы.

- Каким образом?

Мама захлопнула книгу и отнесла ее на место в книжный шкаф. Все это время я ждал ответа, мама, очевидно, испытывала мое терпение. Но вернувшись, она пояснила:

- Формы люди придумали за сотни и сотни лет. Ведь, согласишься, ты не успеешь понять, что за явление перед тобой, а народ уже знает – это нямии, типула и прочее.

Я ухмыльнулся понимающе и, кажется, вполне проникся объяснением мамы. Начал собираться: достал свой походный рюкзак, подарок миссионеров-американцев, они лет десять назад приезжали, подарили кассеты с фильмами на христианские темы, книжки и рюкзак. У нас тогда таких еще не продавали. Он был пошит из легкого, крепкого влагостойкого материала. Швы, будто сварка, ляжки как канаты по прочности. Почти не промокал, а если и промокал, то высыхал мгновенно. Я быстро снарядил рюкзак, закинул его за спину, поцеловал маму в щеку и отправился в епархию, там уже должны были ждать меня отцы-монахи и водитель.

Епархиальная черная «Волга» стояли тут же. Монахи смиренно молились, опустив головы, за плечами у них висели вещмешки. Аскетизм монахов меня всегда впечатлял – в поход они брали только краюху хлеба и молитвослов, если приходилось заночевать в лесу, заворачивались в свою мантию, подсовывали под голову свою котомку и крепко спали до утра. А ровно в три часа ночи вскакивали на молитву, как штыки потом опять ложились спать. Мне такое было не под силу.

Мы уселись в машину, Александр Николаевич что-то пробурчал и машина плавно тронулась. Путь наш лежал на этот раз к заброшенному селу Рубеж, недалеко от него имелся скит, а за скитом находились могилы Изгоев. Т. е. скит располагался между покинутым селом и могилами. Но чтобы добраться до этого места нужно было, потратить примерно два дня пути по дремучему лесу.

Машина выехала на окружную дорогу, она выводила на московскую трассу. Этот путь наиболее короткий. Я сидел справа от Александра Николаевича, смотрел в лобовое стекло.

- Поражаюсь я вашей «Волге» Александр Николаевич, сколько ей лет то уже, все ездит. Лет 30?

- Больше. – Нехотя ответил водитель

Я знал, что он разговорчивый, но почему-то сейчас разговор поддерживать он не хотел, сделал еще один заход, не молча же ехать.

- Да, раритетный экземпляр. И ездит так прям мягко, быстро, не скажешь, что рухлядь.

Такого Александр Николаевич стерпеть не мог.

- Она только внешне «Волга», вся начинка новая, я даже движок поменял, вот она и бегаёт так быстро.

Он замолчал. Беседа что-то не клеилась. Я сосредоточился на рассматривании пейзажей, которые быстро мелькали за окном. В основном бесконечные поля. Мефодьев был основан в долине степной реки и вокруг были только поля. Лет сто назад, сами жители на юго-западе от города высадили дубовую рощу, она со временем сильно разрослась, охватывала с юга практически весь Мефодиев и была похожа на большой остров в бескрайней степи. Я посмотрел в зеркало заднего вида – монахи, мирно спали, положив голову друг другу на плечи. Видно укачало их.

- Здесь вот дом отдыха неплохой, мы этим летом отдыхали. Лес, речка, тишина – красота. – Неожиданно сообщил водитель.

В это время мы ехали уже по трассе на Москву. С обеих сторон дороги высились вековые ели, накрапывал мелкий дождь, хотя погода по-прежнему была отличной – горизонт чист.

- Рекомендую – Закончил свою мысль Александр Николаевич

Очевидно, надо было что-то ответить, я же сам жаждал общения, но промолчал, так как по поводу дома отдыха мне сказать было нечего. Мы миновали несколько съездов в деревушки, названия которых были написаны на указателях. Я не успевал читать их, так быстро ехала машина, но представлял, что где-то за полоской посадок, вдоль грунтовой дороги расположились обычные сельские дома. Впереди уже виднелась темная стена леса, но до него надо было еще проехать километров двадцать

- Девчонкам особенно понравилось, они целыми днями плескались в речке.

Снова ни с того ни с сего продолжил тему с санаторием Александр Николаевич, видно он просто старался не заснуть за рулем, вот и мусолил хоть какой-то разговор.

- Смотрите, кто-то впереди идет.

Это на заднем сидении проснулся отец Климент и подал голос. Действительно впереди, довольно далеко, вдоль дороги перемещалась какая-то фигура, но по мере того как она приближалась, стало ясно, что это девушка и она голосует. Трасса была пустынная, приближались сумерки, поэтому я попросил Александра Николаевича притормозить. Водитель

тормознул, но девушку я не увидел, она была высокая и когда разговаривала со мной, не наклонилась к окну автомобиля, мне было видно только ее стройная фигура и белое платье в горошек.

- Куда тебе, красавица? – Спросил Александр Николаевич, не дав слова вымолвить мне

- До съезда на Малиновку подбросите?

- Залезай. – С каким-то наигранным весельем ответил Александр Николаевич.

Девушка уселась на заднее сиденье, третьей к монахам, я посмотрел в зеркало заднего вида, чтобы рассмотреть ее, но она наклонилась, а Александр Николаевич резко притормозил перед вылетевшим на дорогу фургоном.

- Куда он летит? – Закричал водитель.

Нарушитель промчался мимо, мы поехали дальше и я снова попытался рассмотреть лицо девушки в зеркало заднего вида. Но не получилось: она наклонилась, а потом Александр Николаевич резко газанул и завел разговор о своей внучке:

- Ей четыре года, она очень сообразительная.

Но в чем ее сообразительность сказать он не успел, девушка попросила остановиться, потому что с правой стороны был съезд к ее деревни. Она вышла, и я видел ее со спины, девушка неторопливо дошла до поворота и скрылась в лесу. Мне показалось, что у нее нет ног, она будто плыла над дорогой, а платье развевалось на ветру.

- Я один только это видел? – Обращаясь к водителю, спросил я.

- Что? – Не понял он.

- У нее ног нет.

Александр Иванович посмотрел на меня как на сумасшедшего.

- Тебе, Буревой, вот как раз надо в санаторий съездить, ты видимо переработал, надо тебе отдохнуть.

Сделал он свой вывод. Неожиданно он опять резко остановил машину. Отец Климент заволновался:

- Что-то мы сегодня так странно едем. Какими-то толчками.

- Так мы к рожи приехали! – Заявил водитель, указывая на осины впереди.

Мы вышли из машины, все четверо. И действительно это была та самая роща, которая располагалась с южной окраины города.

- Как так-то? – Ни к кому не обращаясь спросил я

- Судаката. – Изрек Александр Николаевич.

Судаката, по представлениям мефодиевцев, душа человека, которая не может попасть в ад. По народным представлениям, есть души, которые изначально предназначены в преисподнюю, но по каким-то причинам не могут туда попасть, вот они и становятся судокатами и живут между небом и землей. Но вот чтобы появляться среди людей, это почти невозможно, это должно произойти что-то необычное.

Александр Николаевич видно был напуган, мефодиевцы считали, что увидеть судакату не к добру, а мы ее еще и подвезли. Но моя мысль неожиданно в другую сторону потекла: я вспомнил, что где-то видел уже платье, которое носила или в которое вошла и носила его судоката. Но где? На ком?

- Она так может. – Мрачно заметил отец Андрогин

- Что? – Не понял я.

- Дорогу запутать. Вопрос только зачем. Она явно не хочет, чтобы мы попали на могилы.

Вся эта ситуация меня чрезвычайно раздражила и вывела из себя. Заметив это, отец Климент посмотрел на меня неодобрительно.

- Заводите машину, Александр Николаевич, поедem снова.

- Не, Буриной, я не поеду.

Решительно заявил водитель и, забравшись на водительское место, сильно хлопнул дверью.

- Ладно. – Вынужден был согласиться я - Пойдем пешком.

Достал рюкзак из багажника и решительно направился по дороге в том же направлении, откуда мы только, что приехали. Отцы покорно пошли за мной. Конечно, пешком идти было долго и тяжело, поэтому поравнявшись с посадками, я решил сократить путь и пойти прямо полевыми дорожками. Посадки березовые, светлые, а тропинка вдоль берез сухая и мягкая. Ступаешь, и маленькие сухие веточки трещат под ногами. Так мы шли часа два, устали, начало уже смеркаться, когда мы вышли к краю посадок. Отсюда открывалась широкая пахота, а вдали виднелся нужный нам лес, но до него еще предстояло

добраться, однако уже темнело. Решили заночевать здесь, благо имелась сухая, ровная площадка.

Даже не стали ставить палатку – ночь необыкновенно теплая, а полянка настолько сухая и мягкая, что можно было прямо на земле спать. Мы разожгли костер, я повесил котелок с водой варить кашу. Монахи улеглись на траву и безмолвно молились. Когда каша подошла, я понял, что они уснули. Будить не стал – утром позавтракают. Костер догорал, угли мерцали во тьме, и жёлто-синие огоньки плясали на раскаленных поленьях. Ночь особенно как-то была темна: ни звезд, ни луны не было видно. Только какое-то тусклое зарево над еще более темном, чем ночь лесом. Я сидел на пеньке иногда шевелил прутом догоравшие поленья, каждый раз огонь разгорался с новой силой, освещая все вокруг. И когда уж решил прилечь поспать, в очередной раз крутанул прутом в костре, пламя озарило судакату. Она сидела на земле (как мне казалось) напротив меня и также как я смотрела на еще ярко тлеющие угли, искры, язычки синего огня. Сказать, что я испугался, ничего не сказать: я, что называется, обосрался. На меня нашло какое-то оцепенение, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Я услышал голос судокаты:

- Напрасно вы идете туда. Это не поможет. Ты выпустил синтагму, а она выпустила нас. Нельзя нарушать законы природы, даже ради...

Последнего я не слышал: ради чего, мгновенно уснул. Будто провалился в иную реальность. Очнулся (именно так можно сказать в данном случае) лежащим рядом с уже совершенно погасшим и потухшим костром. Слабый ветерок едва поднимал зольную пыль над ним. Было раннее утро, синеватый туман стелился над свежевспаханым полем. Монахов не было видно, котелок накрыт крышкой. Перевалившись на спину, вытянулся во весь рост и поглядел в голубое небо. День, скорее всего, будет теплым и солнечным.

Я услышал отдаленные голоса, которые доносились со стороны просеки, прислушиваясь, понял, что это монахи о чем-то или с кем-то спорят. Они сидели на поваленной березе, спиной ко мне и увлеченно беседовали с судакатой. То, что я принял первоначально за спор, было именно больше беседой, чем дискуссией. Здесь мне удалось разглядеть судокату, хотя собственно разглядывать было нечего: в воздухе просто висело белое платье в горошек, будто надетое на воздух.

- Там место топкое, болото, да трясины. – Утверждала судоката, а отец Андрогин возражал:

- Как же так!? Это же возвышенность, там поселок был, как он

стал болотом?

- А это ты у него спроси!

Она указала на меня. Условно указала – ведь ничего кроме платья не было. И ушла, уплыла, придерживаясь линии дорожки в посадке. Ее изящный контур в горошек еще долго был виден в воздушном мареве.

- Она теперь будет нас преследовать.

Изрек отец Климент, и мы начали собираться, чтобы следовать дальше. Отцам на сборы нужно было немного времени. Идти через вспаханное поле было нелегко, поэтому пришлось его обходить, хотя лес, можно сказать, прямо перед нами виднелся. На путь в обход ушло почти три часа. Мы несколько раз останавливались, так как солнце, стоявшее почти в зените, пекло немилосердно, а тени в поле нет никакой. Наконец, на исходе дня подошли к лесу. Было видно, что монахи утомились и нужен был длительный отдых, возможно, что сегодня не пойдем никуда. Однако для этого нужно найти удобную полянку. Мы углубились в лес. Растянулись сначала в цепь, в надежде найти тропу, но только потратили силы, так как тропы мы не нашли, а подлесок становился все гуще. Поэтому мы выстроились друг за другом, чтобы пробиться сквозь плотное сплетение веток. Наконец, с израненными лицами, которые нам раскорякали ветки и иголки акаций (а они во множестве росли в подлеске), мы вышли на довольно ровную поляну, со всех сторон окруженную дубами. Здесь росла невысокая, но жесткая трава, совсем высохшая. Солнце в этот момент уже почти касалось вершин дубов, тень укрывала поляну почти полностью. Тропинки я нигде не видел, так что завтра опять придется пробиваться через бурелом. Но все же хорошо было то, что полянка такая ровная, а трава, несмотря на свою жесткость при постановки палатки легла под ней словно перина.

Когда наступила ночь, мы сидели вокруг костра, замороженно смотрели на его тусклое пламя. Монахи почему-то не хотели ложиться спать. Мне показалось, что после встречи с судокатой, они находятся в каком-то возбужденном настроении.

- Ведь со смертью умирает и мозг. – Изрек отец Андрогин

- Разумеется. – Подтвердил отец Климент.

- А как же судоката с нами разговаривает, если она душа и у нее нет мозга?

Отец Климент угрюмо смотрел на костер, долго ничего не отвечал. Я вообще не вникал в их разговор, думал о своем.

Наконец отец Климент изрек.

- Душа субстанция простая и эластичная, она, пребывая в теле, обтекает все его поры, проникает всюду. Посему становится как слепок и тела и, соответственно мозга.

Меня теория монаха заинтересовала, я спросил его.

- Что же ты, отец, утверждаешь душа это копия тела?

Отец Климент даже испугался, затряс головой, затряслась и его борода, выглядело это смешно.

- Нет, нет, это не так. - Поторопился он меня переубедить - Она не копия, но она очень эластична, как бы впитывает ее в себя. Ведь соприкасаясь со всем телом, она соприкасается и с каждой его клеткой, делается такой слепок со всего.

Да, теория забавная у отца получается. Вообще в церкви модо нет единых догматических теорий на некоторые вопросы, один из них - это представление о душе. Что оно такое ясности нет в церкви. Мы легли спать. Палатку снова не стали ставить: монахи просто постелили свои мантии и завернулись в их края, как в коконы, а я лег на пенку. Но не спалось, развернувшись на спину, и положив руки под голову, смотрел в небо. Оно было полно ярких звезд. Ни о чем не думал. Это было простое упражнение - не занимать мозг мыслями, добиться его прозрачности, чтобы потом попытаться необожиться. Учение нашей церкви позволяло нам находить новые стороны в аскетических практиках. Ведь отрицая возможность всякого знания о Боге мы фактически оставались в своем догматическом развитии на уровне совершенствования тела, воли, ума - все это было направлено к постижению ничего, так как положительного знания о Боге мы не имели. В этом состояла наша искренняя вера - незнание чего бы то ни было о Творце. Неведение.

Незаметно под эти медленные мысли я заснул. Проснулся в холодную изморось тумана, который стелился над поляной, постепенно испаряясь под лучами восходящего солнца. Приподнявшись на локте, я посмотрел в сторону леса, который к месту нашей стоянке был расположен близко, там, на опушке снова увидел фигуру судокаты, в том же платье в горошек. Слабый ветерок развеивал ее пепельные волосы, которые окаймляли контур пустоты на месте головы.

Я поднялся, и движимый каким-то неясным чувством, двинулся к ней. Времени много не понадобилось, чтобы подойти близко и заглянуть в черный овал пустоты ее лица. Судоката не шевелилась, никак не реагировала на мое приближение, только когда я поднял руку, чтобы дотронуться до нее она

ожила и протянула ко мне пустой короткий рукав, желая поприветствовать меня. Схватив воздух в том месте, где должна была быть кисть руки, я почувствовал легкое дуновение ветерка. Мне показалось, что она склонила голову набок, просто как-то необычно сместились ее волосы вправо и повисли так.

- Ты помнишь меня? - Голос шел из темного пятна внутри места, где должна была быть голова.

- А должен?

Она качнулась, будто собираясь идти мне на встречу, но только затрепетала на месте.

- Ты меня освободил, тогда, в монастыре. Помнишь?

Воспоминания нахлынули от ее слов, ярко и беспощадно. Главное о чем подумалось снова: почему я ее тогда отпустил? Из страха или все же по какой-то другой причине. Уж точно не из страха: просто увидел тогда ее глаза и что-то в них такое было щемящие, больное.

- Но я только душа, судоката, сама я не здесь. Сейчас меня ищет твой друг полицейский. Ты же ведь знаешь, какая я стала?

- Синтагма?

- Да. Я все соединяю: живых и мертвых. Ведь земля, воздух, вода, все наполнено теми, кто умер, все на смерть похоже, и всюду в ней жизнь. Именно жизнь и есть вечность, и есть неистребимость сущего.

- Не слушай ее, Буревой!

Услышал я голос за спиной и, обернувшись, обнаружил обоих монахов, как близнецы похожие друг на друга. Они стояли передо мной: только один с бородой, а другой совершенно с голым лицом:

- Она тебе голову дурит.

Сказал отец Климент, а судокату унесло ветром, только светящаяся пыль в воздухе осталась, но вскоре и она рассеялась. Откуда-то, как эхо, донесся голос: «Не ходите на могилы, вы ничего там не найдтеее!»

Мы вернулись к своей стоянке. Надо было приготовить поесть, собраться и двигаться в путь. Монахи присели на бревно, которое накануне ночью мы сюда перенесли из леса. Я разжег костер, повесил котелок с кашей – надо было разогреть вчерашнюю еду. Сразу ароматно заструился дымок. Отец Климент что-то уже жевал.

- Может не пойдём? – Спросил отец Андроник

- Испугался? – Пошутил я.

- Душа это по большей части наши ощущения. Все что мы собрали за всю жизнь. Я где-то читал, что тело это такой сосуд для души, плоть помнит все о душе, а душа о плоти в виде как раз ощущений, впечатлений, и чего-то совсем мимолетного, неуловимого.

Каша закипела, отец Климент, продолжая жевать, с помощью коряги снял котелок и поставил на траву. Мы с отцом Андронином с тарелками подошли к котелку, отец Климент положил нам в них по паре ложек каши. Андронин снова сел на бревно, поставил тарелку с дымящейся кашей себе на колени прикрытые полой подрясника. Обжигаясь, втягивая в рот воздух, чтоб хоть как-то остудить горячу пищу, он продолжал развивать свою мысль:

- Судоката – это слепок души, по каким-то причинам мы ее видим. Не факт, что именно так как она на самом деле выглядит.

Наконец, мы все поели. Тарелки пришлось протереть влажными салфетками. Ближайший водоем находился в районе заброшенного поселка, т. е. в финальной части нашего похода. Нужно было еще пройти лес, найти тропу к могилам. Тем временем закипел чайник, подвешенный над костром вместо котелка с кашей. Отец Климент заварил какие-то душистые травки вместо чая. Он их здесь же на поляне и собрал. Монах, разлив всем чай в железные кружки, присел на бревно рядом со мной. Отхлебывая горячую жидкость, он спросил:

- Что тебе судоката сказала?

Я недоумевал: они вроде за спиной у меня стояли и должны были все слышать, монах понял меня:

- Мы подошли, и она нас сразу увидела, поэтому мы почти ничего не слышали.

- Сказала, что она синтагма.

- Нее, судаката обманывает тебя, она не может быть одновременно в двух местах. А вот то, что судаката возникла по инициативе синтагмы это вполне возможно.

Мы молча пили чай. Оба сосредоточились на молитве отсутствия мыслей. Впрочем, надо было идти. Молча собрали вещи, котелки пришлось просто протереть песком и травой. Так всегда делали, когда не было никакого источника воды: или реки, или озера на самый скверный случай пруда.

В лесу мы довольно быстро нашли тропу, она была узкая, и по ней можно было идти только друг за другом. Нашу цепочку замыкал отец Андрогин, я шел впереди оглядываясь, чтобы понимать насколько отстает Андрогин – у него всегда была проблема с ходьбой, если мы просто шли, то он за нами почти бежал.

- Тебя ничего не напрягает, Буриной. - Спросил отец Климент

- Да, согласен, странная утоптанная тропа, и откуда она здесь.

- Это не тропа.

Мы остановились, в сумерках леса я стал разглядывать тропу, как и отец Климент. К этому времени успел подойти запыхавшийся Андрогин.

- Будто тело тащили или лучше сказать тела. - Сделал заключение он.

- Нет, края ровные, как у ложбинки, это что-то широкое, тяжелое и длинное. - Не согласился с ним Климент.

Переглянувшись, пошли дальше, но теперь до конца пути не сказали ни слова друг другу. Наконец лес стал редеть и открылся вид на долину пересохшей реки. Зрелище великолепное: пологие склоны берегов, поросшие изумрудно-зеленой травой с фиолетовыми проплешинами чабреца. Мы стояли на одной стороне этой бывшей реки, и какое-то время разглядывали дно ее поросшее ивняком. За ветвями кустов протекал небольшой ручей, все, что осталось от некогда огромной реки, которая оставила песчаные уступы. На них-то и расположилась деревня: несколько полуразрушенных деревянных домов, внутри которых через дырявые крыши росли деревья. В те времена, когда река была полноводной, ее вода подступала почти к самым домам. А над деревней на самом верху крутого берега были видны небольшие сопки – могилы Изгоев.

- И где здесь болото? Как оно может быть в таких местах? Говорю, судоката обманывала тебя – Сказал отец Климент.

Мы начали осторожно спускаться на дно долины. Здесь мы увидели ручей, довольно полноводный и быстрый. Но он был неглубокий, так что в любом месте можно было его перейти вброд. Мы остановились на берегу ручья: отсюда деревня была не видна за высоким обрывистым берегом.

- Смотрите, а вон и дорога.

Отец Андрогин показал куда-то на восток по течению. Действительно,

на том берегу виднелась довольно широкая грунтовка. Она будто начиналась прямо из ручья. Дорога, петляла по дну высохшей реки, поднималась на крутой берег и вела в деревню. Надо было переправиться через реку, отцы с удовольствием сняли монашеские сапоги, не ожидая меня, развязывающего шнурки берцев. Пока возился с ними, оба уже были на середине ручья. Вода оказалась холодной как лёд, даже пальцы на ногах ног стыли. Однако она приятно ласкала кожу, а через некоторое время, даже перестало ощущаться прохладное жжение.

Переправившись через ручей некоторое время, шли по грунтовой дороге, неожиданно хорошо укатанной. Такое ощущение, что по ней регулярно перемещались самосвалы. И действительно самосвал стоял в деревне, рядом с одним из заброшенных домов. Из самого дома два рабочих выносили доски и грузили в кузов. Я узнал их – это были рабочие из похоронного бюро «Чёрная лилия», а рядом с входом в дом стоял директор бюро Эрик Котов. Он заметил меня, хмурое его лицо даже не выразило удивления, он пояснил:

- Здесь хорошие дубовые доски, мы их употребляем на изготовление гробов.

- Дома, значит, разбираете.

Подытожил я его объяснение. В это время один из рабочих направился в соседний дом, а второй принялся отдирать доску наружной обивки. Видимо внутри все уже отодрали. Котов хмуро на меня смотрел, у него глаза были какие-то странные, немигающие и без зрачков. Или зрачки такие огромные, что весь глаз занимали.

- Что-то еще? – Спросил он неожиданно

Но я не слушал его, а сосредоточился на том, что наблюдал, как монахи, обогнав нас с Котовым неторопливо фланировали по главной улице деревни. Оба несли в руках свои кирзовые сапоги, связанные за ушки веревкой. Отец Андрогин, который шел впереди, перекинув их через плечо. Я окликнул монахов, попросил их подождать меня, попрощался с Котовым и отправился за ними. Отец Андрогин зачем-то зашел в следующий дом, чего он там забыл, было неясно. Поэтому поспешил догнать их, тем более, что отец Климент вел себя странно: он не обратил внимания на то, что его брат покинул его и продолжил свой путь по дороге. Можно было это списать только на сосредоточенность его на молитве. С ним такое нередко бывало: настолько погружался в молитвенное состояние, забывая обо всем на свете, и ничего не видел вокруг.

Между тем Котов и один из его рабочих погрузились в самосвал и уехали.

Однако второго рабочего они почему-то не взяли с собой, его нигде не было видно. В этот момент из дома, в который зашел отец Андрогин раздался крик монаха, что-то вроде «Аааа, помогите». Климент тут же очнулся от своей молитвенной спячки, и мы оба бросились в дом. Не сразу сориентировались внутри, несколько комнат были завалены разным мусором: остатки мебели, старые газеты, какие-то тряпки. Теперь мы оба слышали только жалкие всхлипывания Андрогина, на эти звуки и пошли в дальнюю от входа комнату. Комната самая большая в доме. В ней не было практически никакого хлама в отличие от остальных комнат. Отец Андрогин, забившись в угол комнаты, прикрыв обнаженную свою голову руками, тонко визжал, не смея посмотреть на то существо, которое стояло посреди комнаты. Если описать ее одним словом, то это человекообразная слизь. Все черты тела обычного человека повторялись этой субстанцией, но было непонятно, на чем все это держалось. Как только мы вошли, и существо услышало посторонний шорох, оно вдруг опало и превратилось в большую темно-серую лужу, которая мгновенно просочилась сквозь щели в полу и исчезла. Андрогин перестал хныкать, отец Климент помог ему подняться, посмотрев на меня сказал:

- Похоже, что это был стопокан.

А значит и все остальные сотрудники похоронного бюро стопоканы. Это существа, которые могут образоваться из могильной слизи в том случае, когда появляется синтагма. Она влияет на это. И как я еще в бюро не догадался, когда за дворником шел! Отец Андрогин приходил в себя, хотя выглядел все еще ужасно – он сильно напугался.

Покинув дом, мы продолжили свой путь и поднимались к могилам, располагавшимся выше самой деревни. Тут надо было идти в гору по узкой тропинке. На этот раз я замыкал группу, а впереди шел отец Андрогин: он все еще нет, нет, да всхлипывал. Иной раз останавливался, поворачивался к нам, хотел что-то сказать, но дыхание у него перехватывало, он махал рукой и шел дальше. Андрогин с таким мужеством всегда сражался с нечистью, а тут весь расклеился.

На отца Климента нашло что-то после этого случая, он был очень разговорчив, думаю, по-своему тоже переживал, пытаюсь нервный срыв подавить. Он запыхиваясь от усилий, и оглядываясь на меня говорил:

- Сила нашей Церкви в чем состоит? В том, что мы до конца

пошли. Да, апофатическое богословие мы довели до абсурда, как большевики принцип отделения Церкви от государства: если отделять, то никакого влияния на общество, чтобы не было, вплоть до разрушения храмов и расстрела духовенства. Ничто не должно напоминать о Боге. Девственная чистота везде: тогда будет истинно проведен принцип отделения.

Он остановился, переводя дыхание, Андрогин немного вперед ушел.

- Так и у нас, - продолжил отец Климент. - Мы отрицаем возможность какого-либо положительного знания о Творце и далее просто делаем следующий шаг - ничего познать мы не можем, понять мы не можем. Мы ограничены рамками нашего материального опыта и нашим собственным мозгом.

Наконец мы поднялись на вершину берега. Открывалась отсюда великолепная картина. Она всегда в те немногие случаи, когда приходилась бывать на могилах Изгоев, завораживала. Длинные ряды небольших, продолговатых сопки, как зеленые дюны друг на друга заходящие. Сопки образовывали сплошные гряды, исчезающие за горизонтом. Я насчитал пятнадцать таких гряд. Тысячелетиями здесь погребали умерших жители этой деревни, которое было когда-то укрепленным поселением. Над каждым насыпался курган, следующее погребение делалось почти вплотную и так образовывались сопки.

- Слушай, Буривой, а они же своих покойников сжигали. - Нарушил наше замороженное молчание отец Климент.

- И что? - Не понял я.

- Так ведь не оставалось от них органики, только пепел. В лучшем случае кальцированные кости.

Я задумался. Но не зря у меня мама была ведьмой. Когда-то в детстве она рассказывала мне, как наши предки проводили обряд кремации: на высокие деревянные постаменты помещали труп, обкладывали его хворостом и поджигали.

- Органика осталась - жир растопленный капал на землю и впитывался, а потом просто над уже потухшими углями насыпали курган, так что какая-то не затронутая огнем часть человека оставалась. Да, действительно. Какая-то часть человека всегда остается. Так мы полагаем. Надеемся. Хотя бы частичка маленькая.

- Как ты думаешь, Буривой, в курганах что-то осталось?

Я пожал плечами.

- Сколько я знаю от археологов, а с некоторыми из них я общался, остается черное пятно.

Откуда-то от могил мы услышали крик о спасении отца Андрогина, он опять попал в какую-то историю. И когда он успел спуститься к курганам? Мы устремились вниз с берега к курганам и увидели, что Андрогин уже по пояс стоит рядом с курганом в какой-то жидкой зеленоватой грязи. Кинулись к нему на помощь, но земля под ногами просто проваливалась и едва нас не затянула, а Андрогин между тем в грязи был уже по грудь. Отец Климент быстро сообразил, что делать: на склонах берега рос старый орешник с длинными полусухими ветвями. Привычным движением монах сорвал с пояса топорик и ловко срубил ветку, она была такая длинная и крепкая, так что отец Андрогин уцепился за нее обеими руками, и мы его совместными усилиями вытащили на твердую почву. Он был перепуган, но тут же стал убирать зеленую грязь с подрясника. Она хорошо счищалась, скатывалась в шарики и, падая на землю, превращалась в струйки зеленой жидкости, которая стекала обратно к курганам.

- Эге, да это не грязь. - Задумчиво промолвил отец Климент, растирая двумя пальцами.

Я забеспокоился, что там заподозрил монах, но тот еще больше напрягся, его лицо приобрело то выражение, которое у него бывает на стене монастыря, когда мы стоим и ждем чудовищ из Перехода, он и сказал, хватая топор обоими руками и принимая боевую стойку:

- Протоплазма. Сейчас будет Переход!

Протоплазма забугрилась, забулькала. Сначала из нее поднялась большая лысая голова, медленно выплывала она из зеленой жижи, наконец, показались глаза, лицо с массивной челюстью и все. Дальше чудище не вылезало, но открыло глаза полные неземной мукой и отчаянием. Оно задвигало челюстями, губами, явно пытаясь заговорить. Отец Климент убрал топор в чехол на поясе.

- Нерожденка. Он не опасен.

С таким явлением я никогда не встречался, поэтому спросил:

- Что это такое, нерожденка?

- Это родившиеся, неродившиеся дети. Выкидыши. Их никуда не записали, имен не дали. Они растут там, в Переходе, но вырваться, конечно, не могут. Ни туда ни сюда.

Я пристально смотрел на нерожденку. По-прежнему была видна только голова его, он даже плечи не мог вытащить, только беспомощно озирался по сторонам. Отец Климент что-то заметил в моих глазах и предупредил меня:

- Буривой! Не вздумай! Нам синтагмы хватило. - Предостерег он.

Потом он присел на траву, достал из своего мешка кусок хлеба, начал есть. Отец Андрогин последовал его примеру. Монахи в основном ели хлеб, да овощи, были строгими постниками.

- Да и не сможешь ты его выпустить. Никто не поможет, нерожденки навсегда остаются в Переходе.

Нерожденка тем временем, а точнее его голова, развернулась и переместилась к кургану и вошла в него, покрывшись землей и травой. Судоката была права – на могилах Изгоев мы не сможем набрать земли, чтобы покончить с синтагмой.

- Переход расширяется. - Меланхолично заметил отец Андрогин, пережевывая хлеб.

- Да, - согласился с ним отец Климент. - И никто не скажет нам, к чему это все приведет, как думаешь Буривой?

Я пожал плечами. Действительно все эти явления говорили о том, что та небольшая щель, которая отделяла Переход от нашего мира, растет, становится все больше, поэтому и появляются эти все неприкаемые чудища. Виной этому та девушка, которую я выпустил. Она, став синтагмой, каким-то образом оживляет материю. Но чего она хочет?

- А вон и почемуто появился!

Как будто с радостью сообщил отец Андрогин, указывая куда-то вперед. Я пригляделся: сначала ничего не видел, но потом, будто в воздухе отражение в зеркале, едва различимое, человеческое лицо. Только наполовину и оно поворачивалось все время. Создавалось ощущение, что оно подвешено на невидимую нить. И, казалось бы, зеркальные грани должны отражать солнечные лучи, но нет, никаких признаков на хоть какой-то блеск, если бы не сгустившийся вечерний воздух, то и не увидели мы почемуто.

- И кто это, почемуто? - Спросил я.

- Это те, которые жили и никуда не записаны, ни в книгу смерти, ни в книгу жизни. Они почему-то жили, просто жили, ни плохого ни хорошего не делали, так и прожили. Они тоже в Переходе.

- Так таких большинство. - Недоумевал я.

- Большинство. – Согласился отец Климент.

На некоторое время воцарилось молчание: монахи доели свой хлеб и молились, закрыв глаза.

- А вот мне бабушка в детстве рассказывала, что почемуто это пища для синтагмы, она только ими и живет.

- Ерунда.

Задумчиво протянул отец Климент, сладостно щурясь на лучи заходящего солнца, а я отцу Андронику вполне поверил.

- В жопу патриотизм! – Неожиданно выпалил он, я даже, что называется, опешил. Но старший товарищ поправил Андрогина.

- Опять из тебя твое прошлое лезет, отец. – До монашеского пострига отец Андрогин состоял в какой-то либеральной партии, даже баллотировался в Мефодьевскую думу.

- Ну, невозможно ведь, батюшка, сами смотрите.

Оправдываясь, отец Андрогин указал на совсем уже размягчившуюся почву, которая ходуном ходила, как волны.

- Я в том смысле, что любовь к родной земле не всегда безопасна.

Понятно, отец Андрогин пытался пошутить, но неудачно, однако он навел меня на одну мысль о том, что неплохо было бы посетить Рубеж, который от нас находился всего в пару километрах. Я сказал об этом монахам, они со мной согласились и мы направились в монастырь св. Пафнутия.

Нам пришлось долго обходить обширное поле «шевелиющейся земли». Все это было свидетельство того, насколько обширны были здесь погребенные останки человека, которые в течение многих веков наслаивались друг над другом в земле. Теперь, под действием животворящей силы синтагмы, они пришли в движение, образуя море протоплазмы. Мы шли по песчаной гряде, отделявшей нас от этого океана живой плоти, на другой стороне виднелся лес, раньше можно было пройти к нему напрямую, но теперь это невозможно. Отец Андрогин иронизировал:

- Вот она, родная земля, матушка Русь! Наконец-то ты ожила!

Отец Климент с осуждением поглядывал на него, но ничего не говорил. Что это приключилось с обычно робким и молчаливым Андронином? Я недоумевал. Наконец, мы вышли на зеленую опушку. Здесь не было троп, как в прошлый раз, когда мы шли в монастырь со стороны деревни. Даже заросшей. Отец Климент,

подошел вплотную к еловому лесу, чуть приклонился, пытаюсь что-то разглядеть среди веток.

- Придется продираться. - Наконец сделал вывод он

И мы полезли сквозь плотное сплетение веток елок, которые довольно плотно росли по отношению друг к другу. Впереди шел отец Климент, он всегда безошибочно чуял направление пути, замыкал нашу группу отец Андрогин. Он периодически что-то, вполголоса бормотал. Только когда вышли наконец из полосы леса на простор поляны я понял что бормочет монах – проклятья.

- Что это ты, отец, нечистого помянул не к месту.

Андрогин не испугался, смело мне ответил:

- Да наоборот, мы все об этом думаем давно – а подвластна ли синтагма духовному воздействию? Так ли она находится в ведении какой-либо силы? Она же ведь материя. Стихия, то из чего все.

Вдалеке на небольших холмах виднелся монастырь св. Пафнутия. Отец Климент ничего не возразил на это. Он пребывал в задумчивости, созерцая алую прогалину в небе над монастырем. Она была похожа на глубокую, кровоточащую рану.

- Плохо дело, - сказал отец Климент и, обращаясь к Андрогину, добавил – Дух обильно изливается на благодатную святую землю-мать, вот и ответ на твой вопрос.

Мы направились к монастырю, приблизившись обнаружили, что ворота его настезь открыты, а по двору бегают взволнованные монахи, на ходу закрепляя свои доспехи, облачая головы в шлемы. Только отец-игумен был спокоен: он стоял посреди монастыря в полном рыцарском облачении. В рогатом шлеме с опущенным забралом в форме оскала шакала. В руке он держал двойную секиру, которую игумен угрожающе поднял к небу по направлению к кровавому разрезу в небе.

Увидев нас, игумен радостно осклабился. Похлопал меня по плечу, что-то невразумительной заурчал, но главное мы поняли – надо нам идти в ризницу, вооружаться, в сумерках начнется прорыв через Проход. По дороге к ризнице встретили казначея, он был более словоохотлив и объяснил, что позавчера после службы, когда они уже потрапезовали и все вышли, чтобы разойтись по своим келиям продолжить молитву келейно, грянул гром и в небе образовался вот этот самый разрыв. Из него при наступлении сумерек так и посыпалась армия упырей

против которой монахи бились всю ночь и ожидают в эту ночь еще большего натиска. Что-то надо было придумать.

Может, какие идеи придут в процессе. Снова в ризнице мы с монахами подобрали себе кольчужки, оружие. Я, на этот раз, взял булаву. Отец Климент сохраняя суровое выражение лица никак не мог подобрать себе нужного оружия: от брал в руки тяжелую секиру, финку, акинак, дубину, наконец, остановился на двуручном мече и осмотрев его, обращаясь ко мне предупредил:

- Не вздумай еще кого-нибудь выпустить.

Мне вдруг пришла в голову странная мысль, после слов отца. Но делиться я с ним не стал, нужно было проверить на практике. После подбора оружия, кольчуг мы отправились в трапезную подкрепиться перед битвой. Вся братия собралась в трапезной за длинным столом, ждали игумена. Он явился почти следом за нами, все стали, пропели молитву, отец-игумен благословил трапезу и монахи стали молча есть, а за аналоем молодой послушник монотонно, но четко и ясно читал житие св. Пафнутия. Я ел постный, гороховый суп, невольно вслушивался в то, что читал послушник:

«В царствование благочестивого императора Александра Освободителя подвизался в Сергиевой пустыни близ Санкт-Петербурга молодой монах Пафнутий. Он прославился как постник, вкушая по единой просфоре в день, а Великим постом по две просфоры в неделю, а также как молитвенник – Иисусова молитва не сходила с его уст ни днем ни ночью. Слава о его подвигах достигла Императора, и он распорядился, чтобы отец Пафнутий участвовал в службах литургии в придворной церкви. Как не тягостно было для отца Пафнутия оказаться перед лицом светского общества, которое неизменно присутствовало в Придворной церкви, нарушая тем самым свое внешнее уединение, но он из послушания беспрекословно выполнял волю императора и настоятеля пустыни, каждый воскресный и праздничный день неизменно сослужил причту Придворного храма.

Однажды Император пожелал побеседовать с отцом Пафнутием, ему была назначена аудиенция в кабинете Императора в Зимнем дворце. В назначенный час отец Пафнутий прибыл в столицу и явился в указанное место. О нем доложили, Император тотчас принял его. В кабинете Императора над столом его висел большой портрет Государя в полный рост. Как только отец Пафнутий вошел в кабинет, взгляну на этот портрет, монаха как молния поразила. Он стоял некоторое время не

в силах произнести ни слова, а потом из его уст вырвался душераздирающий, страшный крик и бес поверг его на пол в беспомощности. Вызвали докторов, привели монаха в чувство. Когда он очнулся, то не мог говорить и только беспомощно, как рыба, открывал рот и в ужасе указывал на изображение Императора. Увидев саблю у офицера, который стоял рядом с ним, святой выхватил ее, бросился к картине и перерезал саблей на ней ноги императора выше колен.

После этого монах Пафнутий не смог жить в монастыре: как увидит монастырские стены, мечется, стонет, зубами себя рвет. Поместили его в больницу для умалишенных. Пробыл отец Пафнутий там год, в совершенном безмолвии. Спустя год, он призвал настоятеля своего, уединился с ним в отдельном кабинете, после чего снова был водворен в Сергиеву пустынь. В отце Пафнутии открылся дар духовного разума, к нему на беседу стали приходить не только монахи пустыни, но и миряне с окрестных селений. Слава его росла, что тяготило святого, желавшего совершать свой подвиг тайно. Однажды ночью, когда блаженный молился коленапреклоненно в своей келии, явился ему ангел смуглый и указывая на восток сказал: «Иди в Мефодиев». Испросив благословение у настоятеля, отец Пафнутия удалился в град Мефодиев, а вскоре покинул его и углубился в ближайшие дремучие леса, расположенные вокруг могилы Изгоев. Долго ли коротко ли он шел через них, но наконец, достиг берега речки Коровьяк, где и нашел уединенную поляну, окруженную со всех сторон, на которой располагался древний заброшенный монастырь св. Пафнутия. Здесь стал подвизаться отец Пафнутий под покровом своего небесного покровителя. А вскоре, по ночам, при полной луне, жители ближайшей к пуще деревни Осиповичи стали слышать ужасный, душераздирающий вопль».

Трапеза закончилась, монахи со стуком положили ложки в миски, встали, помолились и вышли. Послушник переложил книгу закладкой и закрыл ее. Я вышел со всеми на двор под лучи заходящего солнца. Странное впечатление на этот раз произвела на меня история Пафнутия Младшего, оборванная послушником почти на половине. Да ведь святой был бесноватый! Осенило меня и я вспомнил, как он вопил к небу, на луну, раздирая длинными ногтями себе грудь до крови, а потом пал на мать сыру землю, обхватил ее руками, бес и ушел. Приняла его земля, и с тех пор Свято-Пафнутьевский монастырь стал препятствием на Проходе. И вот тут мне пришла одна мысль, как закрыть эту трещину в небе.

Наступали сумерки. Тени верхушек сосен со всех сторон уже

достигали зубцов крепостной стены, создавая ощущение, будто лес в сговоре с упырями и потихоньку окружает монастырь. Мы заняли свои места на галереях стен, наблюдая за алеющим разрезом на небе. У меня все не шла история св. Пафнутия Младшего. В том месте, где он рубанул саблей на портрете Государя, ему спустя десяток лет их и оторвало, когда в карету бросил бомбу народоволец Рысаков. Об этой истории вспомнили царские слуги спустя некоторое время после погребения императора, и она стала достоянием жития святого.

Все эти сведения жития святых, последние события смешались у меня в голове, и я решил: будь что будет! А в этот момент от щели в небе начало исходить яркое свечение, оттуда посыпались крупные вороны, мне показалось, что они громко каркают, но чем ближе они приближались, тем становилось яснее – они поют, я даже стал различать слова, вот они:

Блаженны нищие духом, ибо у них ничего нет, и ничего не будет

Блаженны плачущие, ибо их никто никогда не утешит

Блаженны кроткие, ибо они ничего не наследуют и удел их забвение

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они не насытятся никогда

Блаженны милостивые, ибо смерть их страшна

Блаженны чистые сердцем, ибо они никого не увидят Бога

Блаженны миротворцы, ибо они нарекутся сынами погибели

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть глубины ада

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Пустоту. Радуйтесь и веселитесь, ибо велико ваше наказание в преисподней, удел ваш тлен и вечные мучения.

Вороны все приближались, а в нескольких сотнях метров превратились в крылатых демонов. Пение их переросло в сплошной вой и они обрушились на стену. Закипела битва. На орду градом обрушились стрелы, дротики, камни из пращей, воздух наполнился свистом, шумом от всего этого летящего смертоносного метательного оружия. Все это по преимуществу попадало в цель, когда достигало ее, упыри рассыпались в пыль, но на их место прилетали другие, вскоре эта лавина тварей достигла монастырских стен, проникла на галереи и завязалась жестокая сеча. На меня просто наседали со всех сторон, острыми когтями впивались в незащищенные участки

тела, пытались почему-то прикоснуться к моему лицу. Это нападение очень сильно по своей ярости и напору отличалось от всего, что было прежде. Монахи не могли оказать мне помощи, они все дальше уходили по галереи к башне в другую от меня сторону. У меня мелькнула мысль, что твари специально меня оттеснили в сторону, уж больно много их на меня накинлось. И тогда, как-то все в голове у меня сложилось, все события, слова, в одну спасительную мысль и я крикнул:

- Синтагма, явись!

При произнесении ее имени, все твари нечистые засуетились, заметались и все устремились назад к трещине, которая начала стремительно закрываться. Наконец, захлопнулась, скрыв за собой всех, кто еще совсем недавно бесчинствовал на стенах монастыря. Все вздохнули с облегчением, но, скорее всего, никто не слышал моего вопля, и были уверены, что это их заслуга в победе над тварями из Перехода. Уже было темно, как в преисподней, на стенах зажгли факелы, монахи спускались с галереи, вполголоса переговаривались. В воздухе витала какая-то нервозность. Я спустился последним, когда уже все разошлись только игумен посреди монастырской площади, при свете луны разминал руки, ловко вертя меч в руках. Я хотел пройти мимо, не решаясь отвлекать для благословения отца-игумена, но тот вдруг прекратил свои упражнения и строго посмотрел на меня, я остановился. Он не стал, даже издали благословлять меня.

- Это ты вызвал синтагму? Я слышал, как ты кого-то звал. Ты снова кого-то освободил?

Это сочетание двойного «кого-то», напомнило мне почему-то, мне вспомнилось его отчаянное лицо, торчащее из биомассы. В этом был некий знак. Вот целый монастырь стоит на пути заблудших душ, стремящихся обрести плоть, соединившись с землей через синтагму. Она тот мост, через который можно перескочить в реальность.

- Я просто звал синтагму, отец-игумен. И вот, смотрите, все зарубцевалось.

Настоятель печально кивнул головой, было непонятно, одобряет он мои действия или нет. Отец Палладий вставил меч в ножны и жестом пригласил меня пройти вместе с ним. Я не возражал, мы медленно побрели по дорожке через монастырский двор. Уже почти рассвело, день обещал быть теплым и солнечным. Странно было видеть какую-то нерешительность со стороны сурового игумена, он явно что-то

хотел мне сказать, но почему-то никак у него это не получалось. Мы шли молча, но наконец, он сказал:

- Я ее видел.

- Кого? – Не совсем понял я.

- Синтагму.

Отец Палладий опять погрузился в молчание, а так как внутренняя площадь монастыря была небольшой, вскоре мы стали просто ходить по кругу.

- Ты слышал на трапезе житие св. Пафнутия? – Наконец, как ни в чем не бывало, сказал игумен, будто мы только что вышли из трапезной, а не несколько часов подряд отбивались от ужасных потусторонних тварей. Я кивнул в ответ. Решил вспомнить старую заповедь, которая действовала в этом монастыре, как и во всех немногочисленных обителях церкви модо: ничему не удивляться.

- Хоть и не дочитали, но история всякому модисту с младенчества известная. Меньше знают подробности жизни основателя монастыря св. Пафнутия Старшего.

Что-то смутно я стал припоминать из жития основателя монастыря, но видя мои затруднения игумен напомнил мне историю святого:

- Он проповедовал Христа местным племенам вятичей в далеком XI веке. А они его убили. Он мученик.

Да, точно, припомнил я эту житийную историю, от той древности, оставшуюся в кратком летописном изложении, буквально два абзаца. Опять игумен глубокомысленно замолчал, а, возможно, просто ждал, что я еще чего-нибудь вспомню, но, не дождавшись, когда мы уже четвертый круг нарезали по монастырской площади, продолжил свой рассказ.

- Летописный рассказ очень краткий. Но вот я, в молодую мою бытность, когда студентом днями просиживал в библиотеке, нашел заметку в «Лакинских епархиальных ведомостях» автором которой был осиповичский священник Михаил Курганский. Он записал местную легенду, которая передавалась селянами из поколения в поколения. Согласно этой легенде убитого язычниками Пафнутия, похоронили в основанном им монастыре, на следующий день после погребения выкрали язычники и сожгли, а прах разметали по окрестным полям и лесам.

Настоятель умолк остановившись напротив игуменской келии, показывая этим, что намерен покинуть меня, и уединиться для

сугубой молитвы.

- Батюшка, что вы хотите сказать, на что намекаете? Или я что-то не понял?

- Ни на что. Но, видишь ли, Буревой, после этого все и началось. Земля ожила. Оставалось только дожидаться синтагму.

Сделал он глубокомысленный вывод и удалился к себе в келию, оставив меня в полном недоумении. Уже светало, сна не было ни в одном глазу, я решил прогуляться за монастырские стены, что с моей стороны, наверное, было неосмотрительно. Но все же, голубое небо было чистым, без всяких трещин. И это радовало. Ворота были открыты, отец-привратник почивал в сторожке. Ох, что-то расслабились монахи! Заложив руки за спину, вдыхая глубоко чистый воздух, я медленно направился по тропе от монастыря в сторону леса. По пути размышляя о том, что мне рассказал игумен. Зачем язычники сожгли св. Пафнутия? Очевидно, сделано это было, чтобы его, кальцинированные останки максимально попали в землю, охватили как можно большую площадь. Год смерти св. Пафнутия точно неизвестен, только век – XIII и именно с этого времени земля в Мефодиевском уезде приобрела свойства живой материи, а монастырь св. Пафнутия оказался на рубеже Прохода. Интересные совпадения. И как только я об этом подумал, углубившись по странно ровной тропинке в лес, с мыслью, что подобную я уже видел, услышал странный шорох в кустах на опушке. Они легонько тряслись. Я будто видел среди ветвей тело толстой змеи мгновенно промелькнувшее. Из-за кустов вышла девушка-синтагма. Она остановилась недалеко от меня, будто хотела, быть как можно ближе к кустам.

- Ты звал меня? – Спросила она

- Я хочу, чтобы ты все это прекратила.

- Это невозможно, тогда мне придется вернуться назад и снова вечно мучиться. Только здесь в этом месте я могу жить, мне нужна только живая земля и ты.

Я даже не смог понять, что произошло в следующее мгновение: синтагма мгновенно оказалась вплотную ко мне, обвив мои ноги своей бархатистой, мягкой плотью. Верх у нее был человеческий, а низ змеиный, хвост с зубьями по бокам тянулся из кустов. Она смотрела мне прямо в глаза, своими, зелеными, чарующими очами и шептала:

- Для таких как мы там нет вечной жизни, только вечные мучения. А здесь, благодаря вашему святому Пафнутию, который отдал

свою плоть земле, а душу бесу мы можем спокойно жить, а материальном мире.

- Ты чего, вечная?

- Нет. Но жизнь вечна.

Она отпустила меня, скрылась в кустах, и уже оттуда я услышал ее удаляющийся голос:

- Могу жить долго, с твоей помощью.

Я был растерян, однако полагал, что все же на мне лежит ответственность за синтагму. Ибо выпустив ее в наш мир, должен теперь ее контролировать, как-то помочь ей жить дальше. В нашем мефодиевском мире, кто только не живет, даже верующие наоборот.

С моими монахами мы пробыли в монастыре весь день. Выспались, помолились, а рано утром, следующего дня отправились домой. Мне не терпелось узнать, что там у Позвизда.

Глава IV. Пленение типулы

Позвизд Покатов после того как проводил Буревоя находился в каком-то расстроенном состоянии духа. Что-то его смущало, но что он понять не мог. Покатов не был приверженцем церкви модо. Более того он считал, что положительные знания о Боге есть, а значит и сам Он является объектом его внутреннего мира, без всякого сомнения. Однако все в Мефодиеве так или иначе крутилось вокруг модистов. С этим необходимо было считаться.

Надо было найти эту самую медсестру Таню или Гертю, неважно. В руках у него был адрес ее. Покатов в тот день, когда Буривой уехал на Могилы изгоев, вернулся к себе в Управление полиции. Здание Управления располагалось в самом глухом углу Мефодиева. Этот старый одноэтажный дом из силиконового кирпича, был построен еще в советское время, годах в 1960-х. С тех пор, наверное, раза два ремонтировался и внутри сохранял неповторимое обаяние советского дизайна. Здание управления со всех сторон было окружено березами, от этого, когда посетитель или полицейский входил в Управление он не мог избавиться от ощущения всегдашнего радостного лета. Даже когда осенний ветер шумел в голых поникших ветвях берез или мягкий снег скользил по белой коре.

Покатов пришел в Управление, отметил у дежурного, расписавшись в журнале и взяв ключи и пошел к себе в кабинет,

который находился в самом конце коридора. Здесь было темно, хотя коридор и заканчивался окном во внутренний двор, где в ряд стояли три полицейских уазика. Позвизд открыл кабинет, включил свет, тусклая лампочка осветила всю обстановку: стул, стол, книжный шкаф и шкаф для одежды, сейф и маленький гипсовый бюстик Юлия Цезаря на нем.

Покатов сел за свой стол, в раздумии переложил несколько папок с одной стороны его на другой. Надо было все обдумать, взвесить, прежде чем предпринять следующие шаги, так как те, что он уже предпринял успеха, пока не принесли, и он чувствовал, что и поход Буриной к Могилам изгоев не даст также никаких результатов. Все это дело с самого начала пахло неудачей. Если к монаху Клименту приходила типула, то как ее изловить? Это же ведь невозможно, она любого заморочит. Позвизд понимал, что справиться с типулой обычными способами он не сможет, придется применить те знания, которые он получил от бабушки своего Световида Покатова.

Позвизд вынул из нагрудной кобуры пистолет ТТ, проверил обойму, поставил оружие на предохранитель. И только после этого подошел к старинному дубовому шкафу, который неприметно стоял в самом темном углу кабинета. На шкафу имелся кодовый замок, цифры его Покатов помнил всегда – это год и день рождения бабушки. Дверцы шкафа распахнулись, на Позвизда сквозняком вымело кучу пыли. Он замахал руками, закашлялся. Когда пыльный туман рассеялся, луч солнца из окна осветил нутро шкафа, заполненного толстыми старинными фолиантами книг в красивых кожаных переплетах. Покатов достал из них самый большой том, с трудом его донес до стола и здесь плюхнул с грохотом, так что наверняка это слышали в соседнем кабинете, где полицейские о чем-то громко переговаривались. Позвизд прислушался: разговоры за стеной не стихли, значит, не обратили внимания на грохот. Он на всякий случай запер дверь на ключ, и открыл книгу на первой странице, где было написано по-латыни: «Агриппа. Магия Арбатя». В книге были собраны древние знания о вызове сильных духов, князей преисподней. Они должны были исполнить желания вызвавшего их мага. При условии, что он наследственный, ему передана сила. В случае с Позвиздом наследственность была в порядке – дед его Световид был главой Генерального ковена в Мефодиеве и перед самой смертью передал ему свой дар. Хотя Позвизд им никогда до сих пор не пользовался, а от наследственного титула главы всех ковенон отказался. Но теперь видно другого выхода не было.

Покатов открыл книгу: толстые пергаментные страницы гулко падали друг на друга. На середине он остановился: вот то, что нужно имена князей: Аратрон, Бетор, Ох, Хагир, Офиел, Фул. Надо вызывать всех, а там спросить, кто что может сделать. Позвизд начертил мелом на каждой стене знаки князей – различные линии, проведенные под разным углом друг к другу. Потом пентаграмму на полу в самом центре, подрезал себе палец ножиком для разрезания книг и капнул каплю крови в пентаграмму. Тотчас линии знаков заискрились фиолетовым светом и появились контуры пяти князей в диковинных одеждах. Они вопросительно смотрели на Покатова, ожидая его приказаний. Позвизд обратился к Аратрону:

- Ты что можешь мне дать?

- Могу любую вещь превратить в камень

Покатов в досаде махнул рукой, ему показалось, что Аратрон расстроился, князь наморщил лоб, пытаясь что-то вспомнить и тут же радостно заулыбался, воскликнул:

- Могу любой драгоценный камень сделать углем.

- Это-то мне зачем?

- Могу подружить с тобой волосатых людей и пигмеев.

Покатову оставалось только плюнуть. Князь Аратрон исчез. Остальные притихли, опасаясь его желаний. Если уж волосатые люди его не привлекают и драгоценные камни ставшие углем, то, что они могут для него сделать. Позвизд вкратце выяснил у остальных их возможности. Бетор может сделать человека богатым, Офиел обратить ртуть в философский камень («И что я буду с ним делать?» – недоумевал Покатов), Ох может дать кошелек с золотом, Хагир превратить медь в золото и доставить любого духа по желанию.

И только Фул стоял в сторонке, беспомощно жался от испуга.

- Что у тебя, Фул?

- Я я исцеляю водянку.

Покатов схватился за голову – водянку, он сам-то знает что это. Все было безнадежно. А Фул будто желая не уронить и свою репутацию и всех остальных князей, еще прибавил:

- Могу предоставить ундину.

Лейтенант хотел было снова отмахнуться, но вдруг подумал, что эта способность князя может быть полезна. Он велел всем

остальным, кроме Фула исчезнуть. А у него спросил:

- Ундины это ведь по-нашему русалка?

Тот радостно закивал:

- Да, да в славянской мифологии русалка, живет в воде, привлекает путников пением и топит их.

- Она же материальна. - Остановил его Позвизд

Фул не совсем его понял, захлопал ресницами, которые были у него длинные. У Позвизда созрел план - с помощью Фула и его ундины можно было бы заманить типулу Герту, пленить ее, парализовав способность влиять на всех, кто с ней общается. Типула самая близкая к синтагме сущность, нейтрализовав ее можно почти вплотную подобраться к ней. Князя поднебесные, духи - это второй план мира, он не подчиняется синтагме, этим можно пользоваться в обуздании материи. Позвизд щелкнул пальцами, Фул уменьшился в размерах настолько, что уместился в коробку из-под спичек на столе. Лейтенант захлопнул коробку и ее в карман.

Синтагме подчинялось только то, что было в земле, в воздухе, в воде в виде остатков, хотя бы мельчайших, органики, а ундины к таковым не принадлежали. Подобные существа по устоявшемуся заблуждению, которое активно поддерживалось ими самими на протяжении многих тысячелетий, не были духами. Ундины, гномы, эльфы, многочисленные славянские существа и разных других народов, предания о которых существовали в сказках, мифах, легендах были древнейшими формами жизни. Разумной жизни, существовавшей параллельно человечеству, иногда пересекаясь с человеком, но чаще стараясь держаться подальше от него, забираясь в самые укромные темные уголки: под землю, в воду, лес, болота и прочее. Их никогда и никто толком не изучал, так как все они считались выдумкой, фантазией, поэтому и не знали люди, каким образом эти формы жизни существуют, сколько их и зачем они нужны. Но договориться с ними было вполне можно, тем более с помощью Фула, над которым теперь властвовал Позвизд. Но сначала надо найти саму типулу Герту, которая действовала под именем Тани.

Покатов отправился ее разыскивать по тому адресу, который она оставила в епархии. По дороге он несколько задумался, ему пришло на ум та мысль, что неплохо бы с собой взять отца Климента. На всякий случай. Ундины, ундиной, а подстраховаться нужно. Памятуя, чем закончился опыт общения монаха с типулой. В сущности, какая ему разница, что забывать.

Ведь его цель, как монаха практикующего умную молитву, остановить поток мыслей, а они неизменно превращаются в воспоминания. Так что ему удобнее всего общаться с типулой. Но отец Климент был в экспедиции, рассчитывать на него не приходилось.

Надо было искать другой вариант. Русалки живут в водоемах, значит надо было как-то выманить Герту к ближайшему озеру, самому это было делать опасно. «Вот если бы был дед жив, он что-нибудь придумал» - подумал Покатов. Но дед давно умер, передав свой дар внуку. От этой мысли Позвизд даже встал посреди дороги, которую переходил в этот момент, так что несколько машин остановилось, а водители их смачно обругали лейтенанта. Позвизд опомнился, быстро перебежал на тротуар. Здесь пешеходная зона была довольно широкой, замощена крупным плоским булыжником. В своих думах Покатов не заметил, как оказался в самой старой части города, где расположены дома, построенные на рубеже XVIII и XIX веков. Все они двухэтажные, простые по архитектуре. В былое время на втором этаже проживали местные мещане, среднее сословие, а на первом этаже, как правило, располагались их лавки, где они торговали разным товаром. Теперь в домах сосредоточились разные кафешки, горожане предавались здесь круглый год отдыху. Устраивали встречи, торжества, помолвки и прочие праздники текущей жизни обывателей города Мефодьева.

Покатов решил зайти в одно такое кафе, выпить стакан сока. Он устроился в самом дальнем углу, чтобы был хорошо виден весь зал. В это время кафе пустовало, только несколько посетителей доедали свои обеды. У входа в кафе сидел шарманщик Юра, популярная в городе личность: его можно было увидеть и в кафешках, и в городском сквере, и на набережной. Всегда со своей старой шарманкой. Никто не знал, откуда он ее взял. Сам Юра говорил, что досталась от дедушки. Юра крутил ручку, извлекал из старой коробки странные дребезжащие звуки отдаленно похожие на марш «Прощание славянки». Горожане относились к Юре как к части городского пейзажа, казалось, что Юра был всегда.

К столику Покатова подошел официант. Молодой человек, лет двадцати. Одет он был в фирменный костюм этого кафе. Все кафешки города придумывали собственные спецкостюмы, при этом руководство проявляло довольно большую долю фантазии. Этот официант был облачен в бордовое поло и спортивные штаны с широкими бордовыми же лампасами, образ завершала черная бабочка на шее. Юноша вежливо поклонился и спросил:

- Чего изволите?

«Ага, у них здесь стиль ретро, под начало прошлого века косят»
- подумал Покатов, мельком осмотрев официанта.

- Сок апельсиновый, будьте любезны. – Подыграл ему Позвизд.

Официант довольно быстро принес сок, Позвизд пил его маленькими глотками при этом обратил внимание на то, что деятельность шарманщика немного поменялась. Теперь он не просто крутил ручку, а принимая пожертвования, что-то записывал в новенький маленький блокнот. Покатов допил сок, расплатился и подошел к Юре. Тот не сразу его заметил – выводил очередную запись в блокноте, поэтому, когда Позвизд спросил его, что он делает, Юра от неожиданности вздрогнул. Но увидев лейтенанта, сразу же успокоился и ответил:

- Имена.

- Какие имена? – Не понял Покатов

Юра перестал крутить ручку шарманки, внимательно посмотрел на Покатова

- Ну как же, кто успеет записаться, тот станет помощником.

- Чьим?

- Синтагмы.

Позвизд заглянул в блокнот Юры, там действительно был записан целый ряд имен не меньше двадцати.

- А почему ты уверен, что они будут ее помощниками.

Шарманщик с удивлением посмотрел на него, не понимая, как он не может разобраться в очевидных вещах.

- Ну как же? Если синтагма появилась, значит у всех кого я запишу, будет шанс, стать вампиром синтагмы. Главное, чтобы могилка осталась.

Тут до Позвизда дошел смысл действий Юры:

- Ты записываешь имена мертвых? – Вопросил он.

Юра кивнул головой и продолжил записывать имена. Покатов усмехнулся, подумал о том, что зараза продолжает еще больше распространяться. Впрочем, где бы не появлялся человек, всюду начинается жизнь и процветание. Кто-то это сказал или написал, Позвизд никак не мог вспомнить. Но сейчас это было неважно, надо было пленить типулу. Лейтенант вернулся к прежним своим мыслям, которые у него наметились до того как он зашел в кафе выпить сока. Но для того, чтобы решить

проблему, надо было зайти домой, именно там он хранил главное наследство деда.

Позвизд Покатов жил в частном старом доме, построенном еще в начале двадцатого века, его предком по материнской линии. Дом стал приданным его матери, в нем Позвизд провел детство и юность и теперь жил вместе со своей женой Сибиллой. Мама умерла три года назад. Она была похоронена на католическом кладбище, которое располагалось прямо за домом Покатовых, метрах в трехстах. Там же на кладбище находилась старая каплица, единственное культовое сооружение, принадлежащее католикам города. Община за все время своего существования, а это без малого сто пятьдесят лет, так и набрала денег, чтобы построить костел. Сумели только выкупить рядом с кладбищем участок, и возвести на нем фундамент, а также стены из красного кирпича. Потом произошла революция, гражданская война и далее было уже не до строительства. Но как это не удивительно за последующие годы стены из хорошего кирпича так и не разобрали, они и сегодня выглядели как новенькие, будто их только что возвели. Впрочем, в Мефодиеве все было возможно. Тем более, что недостроенный храм облюбовали для своих ритуалов и собраний ведьмы из ковена «Змеи Адонирама»

Дом Покатова был построен из добротного дубового леса в два этажа. Его высокая крыша покрыта керамической черепицей и местами поросла мхом. Высокие стреловидные окна, по паре на каждой стороне дома, прекрасно дополняли готический вид дома, а заросший плющом навес над входом еще больше укреплял это ощущение. За домом находился обширный старый сад, состоящий из вишневых и терновых деревьев, а также кустов сирени, малины, ежевики. В сад, прямо от порога вела дорожка. Когда-то Позвизд собственноручно выложил ее плиткой.

Он открыл стальную калитку, позеленевшую от времени. По периметру она была украшена рельефными изображениями извивающихся змей, выполненных так искусно, что они казались живыми. Когда Позвизд открывал калитку, создавалось ощущение, что змеи зашевелились.

Плющ плотно оплетал пороговые столбы, поддерживающие крышу крыльца. Здесь царил полумрак, даже в самые солнечные дни. Покатов не стал сразу заходить в дом и пошел по дорожке вглубь сада. Он знал, что Сибилла сейчас там, около стены, отделяющей сад и усадьбу от кладбища. Вишневые деревья росли по обе стороны дорожки. Они были очень старые, высокие как ели, но по-прежнему густые и очень плодовые. Каждый год крупные, бордовые вишни облепляли массивные ветви.

Позвизд не ошибся: Сибила стояла около забора, который был ниже человеческого роста, выглядывала на улицу и пристально смотрела на кладбище. Он видел ее со спины, ее светлые почти белые волосы распущены по плечам, на них она набросила синюю шаль. Покатов обратил внимание, что Сибила сегодня в своем любимом изумрудном платье, у него глубокий разрез на груди, он это знал.

Позвизд подошел к жене почти бесшумно, предполагая, что она не заметит его приближения, но у нее всегда, будто глаза были на затылке, даже не повернув в его сторону голову, она спросила:

- Как ты думаешь, дедушка одобрил бы твое решение?

Сибила обладала даром ясновидения, как и все женщины в ее роду. Она знала наперед события, иногда на несколько десятилетий вперед. Позвизд молчал, жена некоторое время также хранила молчание, потом посмотрела на него и снова спросила:

- Ты зачем вызвал Фула?

Ее зеленоватые глаза, широкие, немного миндалевидные, так что казалось, они подведены специально черной краской, смотрели на него требовательно, даже укоризненно. Но Позвизд не отвел своего взгляда, ему всегда нравилось смотреть в глаза Сибиле, он в них сладостно тонул и хотел этого.

- Он поможет мне с ундиной.

Совершенно равнодушно ответил он, Сибила снова продолжила смотреть на кладбище. Какое-то время молчали, наконец, она нарушила тишину между ними.

- А тебе не кажется, что в нашем небольшом городе слишком много кладбищ?

- Разве? - Искусственно удивился Позвизд.

- Да. Вот католическое, прямо у нашего дома, на севере старое кладбище, есть еще новое и еще одно в Лужках. Мы какой-то город-кладбище. Не находишь?

Позвизд снова проигнорировал вопрос, он шурился на солнце, лучи которого пробивались сквозь вишневую листву. Сибила не обиделась на него, она, видимо, мысль свою уже давно думала, приходила сюда одна, и долго смотрела на кладбище.

- Это удобно для синтагмы. Столько разложившейся органики, просто для нее счастье какое-то, а?

Покатов пожал плечами, он не знал, что на это ответить. Сибила пошла по дорожке домой, а он за ней. Большие окна дома пропускали много света, комнаты всегда были хорошо освещены, даже в самые пасмурные дни. Хотя со всех сторон дом и окружали вишневые деревья, создавая всегдашнюю тень со всех сторон дома.

Всего в жилище Позвизда и Сибила имелось пять комнат. Одну из них занимал его кабинет. Когда Покатов, вслед за женой вошел в дом, то сразу же проследовал в кабинет, а Сибила пошла на кухню, что-нибудь приготовить на обед. Покатов осторожно прикрыл за собой дверь. В кабинете у окна стоял большой дубовый стол, его поверхность была покрыта бархатным сукном. В абсолютно правильном порядке на столе располагались: чернильница, пресс-папье, стопка тетрадей в сафьяновых переплетах, коробка с перьями для письма. Тяжелый стул с резной спинкой был задвинут за стол. Позвизд аккуратно отодвинул его, так чтобы не греметь ножками об пол. Он сел за стол, нежно провел пальцами по латунным ручкам на выдвижных ящиках. Позвизд потрогал крышку стола с обратной стороны рукой. Нащупал маленький ключ и открыл замок одного из ящиков. В нем лежала небольшая шкатулка, открыв ее Покатов извлек темный стеклянный флакон с широким горлом закрытый пробкой. Он вынул пробку, извлек из флакона большой палец, принадлежащий по виду совсем молодому человеку. Палец был аккуратно отрезан прямо по фаланге. Покатов внимательно рассматривая его, так был увлечен, что не заметил, как вошла Сибила.

- Ожил? – Спросила она.

- Как видишь.

Сибила подошла ближе и так же, как и муж стала рассматривать палец. Она даже потрогала его в том месте, где был срез мокрый от свежей, но уже запекшейся крови.

- Нет в этом ничего хорошего. – Сделала она вывод.

Покатов хмуро посмотрел на нее, снова положил палец во флакон и одел его себе на шею – к горлышку была прикреплена крепкая нитка.

- Ты же понимаешь, что палец св. Пафнутия наполняется силой, только тогда, когда кто-то преодолел Проход?

Сибила требовательно смотрела на мужа, ждала его пояснений, но он не стал в кабинете ничего говорить, предложил пойти пообедать. Сегодня на обед в семье Покатовых подавались лососевые биточки. Супруги некоторое время ели молча, Сибила

терпеливо ждала, когда муж расскажет ей о своем плане, хотя все уже знала наперед. Это ее особенность ясновидящей, которая видела все наперед, знала будущее до мельчайшей подробностей, деталей, резко выделяла Сабину среди таких же, как она ведьм. Она не могла назвать этот дар своим проклятьем, так как знание будущего давало большие возможности влиять на него из настоящего. Позвизд доел биточки, положил вилку с ножом на тарелку, сделал небольшой глоток из высокого стакана с соком. Он умилительно посмотрел на жену, наконец, сказал.

- Ты знаешь, что я хочу сделать.

- Я хочу услышать от тебя.

Позвизд откинулся на спинку стула, неторопливо, маленькими глотками пил сок, смотрел на жену. Он думал: «Всегда меня удивляла эта привычка моей Сибила – она все знает, но будет делать вид, что так надо, я сам должен все рассказать. Хорошо хоть она мысли не читает». Вслух он сказал:

- Ты же знаешь мне надо нейтрализовать типулу. Сделать это можно с помощью ундины, ее может вызвать Фул. Но чтобы обезопасить себя в общении с типулой, когда я ее буду выманивать, мне нужен, - Покатов приподнял флакон, - палец св. Пафнутия.

- С чего ты взял, что она пойдет с тобой к водоему?

- Ну, она же типула, проще говоря – водяной комар. И думаю, палец мне в этом поможет.

Он еще раз повертел в руках флакон, палец как живой перекатывался там. В ковене деда считали, что всякие останки св. Пафнутия способны творить чудеса. Сибила ничего не ответила мужу, начала собирать со стола грязную посуду. Она обдумывала его план, просчитывала все варианты, пыталась увидеть в своих видениях синтагму, но у нее это не получалось, так как она не видела никакого будущего, связанного непосредственно с синтагмой, она сказала об этом мужу. Позвизд подошел к ней, обнял за талию, поцеловал ее в губы.

- Не переживай, Сибила, все хорошо будет.

Позвизд подумал о том, что прежде чем идти на дело надо собрать еще кое-какие вещи. Для этого он снова отправился к себе в кабинет. В книжном шкафу он открыл застекленную дверцу, достал со второй полки два толстых тома, за ними в стене был вмонтирован небольшой сейф, открыв его Покатов

извлек небольшой тряпичный сверток он развернул его и у него на ладони блеснуло хорошо отточенное лезвие небольшого кинжала. Рукоятка его сделана в виде двух переплетающихся змей, таких же как на входной калитке. Позвизд сунул кинжал в ножны, расположенные у него под левой рукой рядом с пистолетом. Он вышел из дома через черный ход, расположенный на веранде. Отсюда через сад дорожка выводила прямо на улицу.

Сибилла на кухне смотрела в окно, наблюдая за тем, как ее муж закрыл калитку, отделявшую сад от территории дома и скрылся среди садовых деревьев. Убедившись, что он ушел, она надела мантилью бордового цвета, взяла зонтик, так как знала, что через две минуты пойдет дождь. Она закрыла дверь дома на ключ, вышла за калитку, открыла зонт, и хлынул мелкий, противный дождь. Сибилла обошла свой дом с западной стороны, когда оказалась на углу осторожно посмотрела на противоположную часть улицы, чтобы не столкнуться с мужем, хотя и знала, что он давно уже находится около пятиэтажки в которой, как он думал, жила Герта.

Путь Сибиллы лежал на католическое кладбище. Здесь она миновала несколько старых могил с памятниками, на которых были выбиты латиницей странные шипящие фамилии, и направилась к останкам недостроенного костела. В этом году он еще сильнее, чем в прошлом оброс со всех сторон кустами американского клёна. Так что под своды его можно было проскользнуть почти незамеченной. Здесь, внутри, в темном пространстве контуров костела, было чисто и тихо. Пол выложен красивой плиткой на стенах рельеф с растительным орнаментом, а посередине небольшой глиняный столик с маленьким отверстием в центре. Сибиллу в развалинах ждала Зоя Васильевна, она была взволнована, сразу спросила:

- Ну как?

Сибилла ответила не сразу, обошла столик, смахнула пыль с него, дунула в дырочку посередине, чтобы и оттуда наверняка выдуть все пылинки.

- У Буриков ничего не получилось, она опередила его, вокруг Могил изгоев земли теперь нет.

Все это Сибилла сказала с оттенком мрачности в голосе, чтобы немного приструнить Зою Васильевну, которая всегда пыталась сама все решить и порой предпринимала неосторожные шаги. Ее решение послать сына на Могилы изгоев было неверным. Услышав эту новость, Зоя Васильевна всплеснула руками.

- Что же теперь делать?

- Попробуем синтагму вызвать и поговорить с ней.

Обеспокоенная Зоя Васильевна подошла вплотную к Сибиле, попыталась взять ее за руку.

- Зачем? Ты же все видишь вперед, и так все знаешь. Не надо ее вызывать.

Колдунья явно была напугана. Ее беспокойство было непонятно Сибиле. Ясновидящая могла видеть варианты будущего, из них те, которые осуществляются в данных условиях. Но она не могла видеть чувства, переживания, беспокойства и то, чем оно было вызвано.

- Успокойтесь, Зоя Васильевна, думаю, другого пути нет. Я же не обвиняю вас в том, что вы опять самостоятельные шаги предпринимаете. Зачем вы сына на Могилы послали?

Садомирова ничего не ответила, отошла к нише в стене, клубы темного дыма тотчас скрыли ее в полутьме. Сибилла сосредоточила все свое внимание на отверстии столика, будто хотела его загипнотизировать. Она достала небольшой нож из дамской сумочки, что висела у нее на боку, сделал небольшой надрез на правой ладони, и направила тонкую струйку крови в отверстие. Потом зажала рану в кулак, отошла в сторону от столика, также встав в нишу рядом с Зоей Васильевной, облако темного дыма ее окутало в нише. Прошло немного времени, поднялся ветер, зашелестела листва, зашуршало по стенам, будто тысячи змей проползло и через вход недостроенный храм влезло существо весьма отдаленно похожее на дождевого червя с множеством острых зубьев в три ряда вдоль всего тела. Оно подняло голову с десятью круглыми глазами. Вдруг как-то сразу вся эта фигура осыпалась, превратилась в пыль. На месте чудовища стояла девушка, невысокого роста, в красивом красном платье с высоким, стоячим воротником и невероятно длинным шлейфом, волочащимся за ней по земле. Она подошла вплотную к столику и закрыла своей рукой, облаченной в красную перчатку, отверстие в столике. Кровь собралась на ладони, растворившись в ткани перчатки, впитавшись в нее как в кожу. Сибилла близко увидела лицо синтагмы, резкие, но красивые черты его придавали облику девушки холодное превосходство и уверенность.

- Зачем ты меня позвала? – Низким, грудным голосом спросила она.

Сибилла призналась сама себе в этот момент: а действительно, зачем она вызвала синтагму? Чего она от нее хочет? Не зная,

как ясновидящая цели синтагмы, она могла прозревать ее сиюминутные мысли. И к удивлению ее мыслей у синтагмы не было или она их искусно скрывала. Синтагма мгновенно переместилась, обогнув столик с правой стороны, встав почти вплотную к Сибиле, лицом к лицу. Она вдруг будто сделалась больше, очертания расплылись, превратившись в серый туман. Еле уловимое дуновение ветра направил эту пыль на Сибилу, она проникла в нее и Сибила ясно увидела всю прежнюю жизнь синтагмы, ее борьбу, переход из мира мук. И ее жажду, неутолимую, вечную, которую утолить, как показалось Сибиле, невозможно. Это ощущение невозможности возникло у нее просто потому, что она не могла понять, в чем суть этой жажды.

Серый дым собрался над недостроенным храмом, под кронами деревьев, сгустился к самому полу и устремился ко входу снова став синтагмой в образе прекрасной девушки. В этот момент из ниши вышла Зоя Васильевна до того пребывающая все также в тени. Она выкрикнула какое-то заклятие и что-то бросила к ногам синтагмы, видимо хотела, с помощью какого-то ритуала остановить ее. Но на нее он не подействовал, она снова приняла образ огромного пещерного змея, который мгновенно устремился к матери Буриевой, обвился вокруг нее, скрыв почти с ног до головы. Сибила смотрела на все происходящее как парализованная. Она не в силах была что-либо сделать. Одна только мысль терзала ее: Зоя Васильевна снова предприняла действия, которые совершенно не могут нейтрализовать синтагму, на нее магия не действовала. При этом ясно видела, что синтагма просто уйдет, она хочет напугать их, внушить мысль о том, чтобы они не сопротивлялись, и чтобы кованы не вмешивались в ее дела.

Змея отпустила ведьму, медленно, кольцо, за кольцом развернулась, затем стремительно достигла выхода и исчезла. Зоя Васильевна упала на пол, Сибила не пошевелилась, не спешила ей на помощь, она знала, что Зоя встанет через (она посмотрела на свои маленькие, изящные наручные часы) десять секунд. Стрелка медленно двигалась: два, три. Зоя Васильевна лежала, вытянувшись на полу, грудь ее еле заметно и равномерно подымалась, опускалась. Наконец она глубоко вздохнула, открыла глаза, приподняла голову, потом попыталась встать. Сибила не обращала на нее внимание. Она внимательно осмотрела столик, отверстие в нем, засунула даже палец внутрь – все было сухо.

- Все слизала.

Пробормотала Сибила и, наконец, обратила внимание на Зою Васильевну, помогла ей встать.

- Говорила я вам, Зоя Васильевна, не проявляйте инициативу без совета с ковенем. – Ворчала Сибила

- Чем вы в нее кинули?

- Пентаклем.

Сибила засмеялась.

- Нашли чем ее поразить. А вот кровь она всю взяла и через какое-то время я смогу знать о ней то, куда она перемещается.

Зоя Васильевна будто пропустила мимо ушей, сказанное Сибилой. Она уже совсем пришла в себя и была озабочена только судьбой своего сына, которому, как она чувствовала, грозила опасность. Ведьма вдруг спохватилась:

- Ну что? Может, ты Буревоя видишь уже?

Сибила с возмущением возразила:

- С чего вдруг? Я не для того кровь свою дала, чтобы за твоим Буревоем следить. В конце концов, он выпустил синтагму, сам пуская и расхлебывает заваренную им кашу.

Последнее было сказано с некоторым раздражением. Конечно, мефодьевская сивилла понимала, что Буривой не виноват в полном смысле этого слово в ситуации. Она прочувствовала, что синтагма так или иначе вырвалась бы, уж больно мятежен и неуспокоен был дух той девушки, который в ней жил.

- Она что-нибудь про Буривоя тебе сказала? – Вновь спросила Зоя Васильевна

Сибила не сразу ответила. Ее захватило прозрение, несомненно, связанное синтагмой. Она видела, что мужу грозит опасность, но мутные, хаотичные мысли синтагмы не давали ясной картины.

- Нет, не говорила. Зоя Васильевна, приберитесь здесь, мне надо срочно отойти. Позвизд в опасности.

Сибила стремительно покинула недостроенный храм, чтобы помочь Позвизду.

* * *

Дед Позвизда принадлежал к ведьмовскому ковену «Посох странника». Их тотемный знак: посох с навершием в виде двухголовой змеи. По обычаю ковенных брачные пары для потомков подбирались из тотемно родственных ковенных, таковым для «Посоха странника» и был ковен Сибины. Так они еще в детстве благодаря ведьмовским связям и познакомились. Хотя, конечно, в таком маленьком городе ходили в одну школу

(она и была в нем одна), даже сидели за одной партой, потом учились в одном местном колледже, а после службы в армии, когда Позвизд вернулся, они поженились к удовольствию обеих семей. Впрочем, все это Сибила знала с самого раннего возраста, знала также, кто будет ее жених и вполне всем этим была довольна. Сам Позвизд был совершенно равнодушен ко всякой магической науке, чем огорчал деда, хотя тот не терял надежду и все же знания свои ему потихоньку передал. Внук оказался способным, все усваивал легко, почти с лету: сложные формулы заклинаний, ритуалы, мистерии, алхимическую символику и прочее. Наследственность давала о себе знать. Колдовские кованы существовали в Мефодиево с древних времен, еще с языческих. А когда пришло на эти земли христианство, благодаря толерантному отношению ко всякому другому учению церкви модо, колдуны выжили и даже какое-то время процветали.

Когда Позвизд вышел из дома он пытался разобраться в собственных магических знаниях, а также вспомнить, как применить имеющиеся у него артефакты. Одновременно он пытался построить план своих дальнейших действий. Дом, где жила Герта находился в самом центре города, от него до озера, где обитала ундина, было примерно километров десять. Поэтому требовалось подумать о транспорте, и Позвизд сразу вспомнил о Ратмире Серегине, старом своем товарище, который работал в автомастерской на окраине города.

Позвизд вынужден был остановиться на полпути. Придется сначала посетить Ратмира, а потом уже Герту. Он нашел автобусную остановку и, дождавшись автобуса, поехал договариваться с Ратмиром. Покатов не обратил внимания в спешке на то, что за большим развесистым дубом, росшим рядом с остановкой, спряталась его жена, внимательно наблюдавшая за ним. Она проводила взглядом отъехавший автобус, затем не торопясь отправилась по адресу, которым следовал до этого ее муж. Где живет Герта, она узнала из той бумажки, которую выронил ее рассеянный муж в своем кабинете. Дар ясновидения у Сибилы сопровождался даром прозрения, т. е. выбора правильного алгоритма развития событий. Эти два дара всегда следовали параллельно, ибо каждый из них в отдельности бессмыслен и бесполезен. Она направила путь Позвизда, заставив его вспомнить о Сергееве, сделав так, чтобы мысль, вполне простая и логичная, о том, что нужен транспорт, пришла ему в голову. Это было несложно - всего лишь простое заклинание на память и Позвизд делает то, что нужно ей, думая, что этого его собственные решения.

Проводив автобус, который увез мужа, Сибила внимательно изучила бумажку, подобранную ей в кабинете Позвизда. Адрес, обозначенный в записке, ее немного смутил, получалось, что Герта жила в доме, расположенном напротив дома Буривого. И как они ни разу не пересеклись? Но, к сожалению, она не могла прозревать прошлое. Она размышляла на ходу, одновременно пыталась сосредоточиться на всех вариантах будущего, но везде видела только свой успех. Пока размышляла, даже не заметила, как подошла к неприметному домику: с низкой двухскатной крышей, с тремя окнами на фасаде и глухим окном на чердаке. В палисаднике росли кусты сирени.

Невысокая калитка запиралась на горизонтальную щеколду, но достаточно было крутануть ручку, чтобы она поднялась вверх, калитка открылась, Сибила вошла во двор. Тропинка от дома вдоль дома вела вглубь двора – вход находился с другой стороны дома. Она вдруг остановилась, будто почувствовав что-то в себе. Ей всегда надо было прислушиваться к движениям своих мыслей и душевных переживаниях, чтобы правильно понять сигналы, идущие из будущего. Вроде все было спокойно, ясно, но что-то смущало. Она оглянулась на калитку, та оставалась приоткрытой и Сибила закрыла ее на щеколду, которая невольно громко щелкнула о металл. Тотчас от входной двери послышался звонкий, нежный девичий голос:

- Кто там?

Из-за дома вышла сама Герта. Она одета была в синенькое домашнем платье. Волосы у нее забраны под беленькую косынку, концы которой завязаны на затылке. Герта вытирала руки полотенцем, видимо что-то готовила. Увидев Сибилу, она на мгновение напряглась, а потом ее лицо расплылось в улыбке, будто она узнала гостью. Сибила увидев девушку, сразу вспомнила, что уже где-то раньше встречала ее. Ничего в этом, конечно, удивительного не было – в таком маленьком городе как Мефодиев, обязательно все пересекаются хотя бы один раз в год. Но Сибилу пронзило не эта мысль, а то, что она не видела будущего, связанного с типулой, а главное она не помнила, тех вариантов, которые видела в тот момент, как подходила к калитке дома Герты. Точнее сказать она четко видела, что сейчас они вместе зайдут в дом будут пить чай с пышками в светлой гостиной, мило беседовать. А потом полная тьма. Сибила понимала, что типула каким-то образом смогла направить будущее, так как нужно ей или, скорее всего, ее хозяйке синтагме.

- А я вас знаю, вы Сибила, местная ясновидящая. – Радостно сообщила Герта. Она пригласила ведьму в дом. Та пошла следом

за ней, нисколько не сомневаясь в том, что именно так и надо делать.

* * * *

Ратмира Позвизд застал в яме под старым «жигуленком». Позвизд постучал костяшками пальцев по капоту, Ратмир выглянул из-под машины, недовольно спросил:

- Чего тебе, Позвизд?

- Дело есть, вылезай.

- Мне некогда.

Ратмир снова скрылся под машиной, продолжая заниматься своей работой.

- Мне машина нужна, Ратмир.

Ратмир, наконец, молча вылез из-под машины. Высокий, широкоплечий, в синем рабочем комбинезоне, она сразу навис над маленьким Позвиздом. Его чуть раскосые, темные глаза смотрели на Покатово недобро.

- Я уж тебе в прошлый раз давал машину, ничего из этого хорошего не вышло.

Он кивнул головой в сторону пикапа с разбитым капотом, Покатов действительно месяца два назад эту машину у Ратмира брал. Съездил за грибами, но неудачно, на обратном пути не вписался в поворот, хотя Сибила предупредила его о такой развязки поездки.

- Поедем вместе. – Предложил Покатов

Ратмир продолжал молчать, с упреком смотреть на Позвизда, вытирая тряпочкой руки от машинного масла.

- Поехали. – Наконец решил он.

Серегин сам сел за руль уазика, который стоял во дворе, туда же забрался на сидение пассажира Позвизд. Серегин выбрал более короткий путь к дому Герты, через гаражи. Уазик подпрыгивал на ухабах, Позвизда мотало из стороны в сторону, он не мог никак сосредоточить внимание, но все же успел заметить свою жену, когда они проезжали по небольшому мостику через речушку Гаврюшку.

- Ты видел? – Взволнованно спросил Позвизд

От неожиданности Ратмир резко притормозил прямо у мостика. На том берегу речушки был небольшой кленовый лес. Они оба вышли из машины.

- Пошли. – Решительно сказал Позвизд.

И не дожидаясь ответа, перешёл по мостику речку и устремился в лес. Ратмир за ним. Он уже видел платье жены Позвизда и крикнул:

- Сибила, подожди!

Женщина услышала и остановилась. Она обернулась, но эта была Герта. Они обознались. Оба друга также остановились, Покатов совершенно отрешенно, пустыми глазами смотрел на Герту.

- Ты ее искал? – Спросил Ратмир, указывая на девушку

Позвизд растерянно на него смотрел и нерешительно ответил:

- Нет, я не знаю эту девушку.

- А Сибила?

Лицо Покатова совсем выглядело потерянным, но услышав знакомое имя, оно просияло.

- Сибила дома, ждет меня.

Между тем жена Позвизда стояла чуть в стороне от Герты и покорно ожидала дальнейших событий, будто опоенная каким-то снадобьем. Под действием типулы Герты ни Ратмир, ни Позвизд не видели Сибины.

- Ладно, пойдем к машине. – Решил Ратмир

Они повернули в противоположную сторону, а женщины пошли дальше, все удаляясь от них в глубины кленового леса. Через некоторое время молчаливой ходьбы Позвизд опомнился.

- Ратмир! Мы, почему идем в обратную сторону, а не за моей женой?

Он в отчаянии оглянулся.

- Ты сказал, что не знаешь эту девушку.

- Ну, правильно, типула действует на меня – я забыл зачем шел. И к ней в плен попала моя Сибила.

- Как же, - усмехнулся Сергеев – Она же все наперед знает.

- Типула смогла отбить ей память. Пленила ее. Боюсь, Герта смогла стереть ей память обо всех вариантах будущего относительно ее и теперь ведет к синтагме. Ой, что будет! Где мой кинжал?

Он стал охлопывать себя по карманам, наконец, извлек из ножен маленький кинжал, который прихватил из дома. Позвизд быстрым движением острием кинжала сделал себе на ладони небольшой порез, показались капельки крови, он тотчас приложил к порезу пробку, которой был закрыт флакончик с пальцем святого. Она мгновенно пропиталась кровью, капли ее упали на палец. Порезанную ладонь он сжал в кулак.

- Давай догонять их!

Сказал он, и не ожидая ответа, побежал по дорожке вдогонку за удалившейся парой. Ратмир Серегин бежал следом и лихорадочно соображал куда ведет эта тропа через кленовый лес от Гаврюшки, а она вела к крутому обрыву, на дне которого находились обломки камней, оставшиеся от доломитового карьера. Они догнали стремительно удалявшуюся от них пару, которая уже была близка к обрыву. Позвизд снимая с шеи флакон с пальцем в отчаянии крикнул, когда оставалось несколько метров:

- Герта!

И кинул в нее флакон. Герта инстинктивно словила его и мгновенно застыла на месте, опустив руки, в правой крепко держа флакон. Также остановилась и Сибила. Обе стояли как куклы, широко открыв глаза. Позвизд подошел к жене и прислонил к ее губам свою руку с порезом. Как только кровь из раны коснулась ее губ, она очнулась от онемения.

- Где мы? – Спросила она.

- Долго объяснять. Потом.

Обернувшись к Ратмиру, Покатов приказал ему:

- Хватай Герту и неси в фургон, мы за тобой.

Сергеев без споров выполнил его распоряжение, подхватив как мешок на плечо девушку, и все помчались к машине. Там уложил ее на заднее сидение.

- Смотри, чтобы у нее флакон из руки не выпал.

Предупредил Позвизд, но это было лишним, так как кулак у Герты будто окаменел. Ратмир сел за руль, Позвизд с Сибилой расположились на втором ряду сидений.

- Куда едем дальше? – Спросил Ратмир.

- К пруду.

Ратмир вырулил от моста, с набережной Гаврюшки и через центральную Рабоче-Крестьянскую улицу направился за город.

Сибилла как в рот воды набрала, но постепенно отоходила, взгляд ее стал осмысленным.

- Позвизд, я не помню будущего.

С ужасом сказала она, растерянно моргая глазами, Позвизд ее впервые видел такой неуверенной в себе. Он погладил жену по спине, приобнял:

- Не переживай, все вернется. А как ты хотела? Типула стерла тебе память о будущем, чтобы ты не могла знать о том, что они будут делать. А мы сейчас на пруд съездим, Фул вызовет ундину и мы эту помощницу синтагмы изолируем, так-то у нее силенок поменьше будет, может и поуспокоится чуток.

- А если это ее план?

- С чего? В чем его суть?

- Заманить нас на пруд.

Слова жены немного поколебали уверенность Позвизда, но другого пути он не видел. Очевидно, что типула помогает синтагме находить и заманивать молодых людей, из которых та делает кровососов. Они составляют ее свиту, доставляют ей пищу. Но каковы дальнейшие ее планы Покатов понять не мог.

- Слушай, Сибилла, может ты все же чуть подальше видишь, может она тебе более отдаленные планы самой синтагмы не стерла.

- Я еще дома пыталась проникнуть в ее будущее, но его нет. – Покачала головой Сибилла. – Ты же понимаешь, что у мертвого человека, которым была раньше она, не может быть будущего.

Они выехали за город. Дорога сначала шла рисовым полем, потом углубилась в пригородный парк. Здесь росли красивые, старые липы. Они образовывали ровные аллеи. Липы – это все, что осталось от бывшего барского парка. Аллеи вели к усадьбе, а за ней находился старый пруд. В стародавние времена в усадьбе жил помещик, пользовавшийся славой чернокнижника. Звали помещика Макс Нордов. Он жил в доме один, ни жены, ни детей, никаких близких родственников у него не было. Только прислуга. Известно, что в доме он проводил спиритические сеансы, на которые приглашал некоторых высших членов мефодиевского общества. Толковали, что во время одного такого сеанса Нордова забрали явившиеся по его зову духи.

Барский парк за столетие сильно зарос, липы выросли до огромных размеров, но выглядели все великолепно. В июне-июле жители города приходили сюда собирать липовый цвет.

Фургон Ратмира остановился у барского дома. Все вышли, далее нужно было идти пешком. Вокруг двухэтажного деревянного дома росли огромные голубые ели.

- Бессмертные ели! – Торжественно сказал Позвизд, с восторгом разглядывая эти деревья.

- Ты так думаешь? – Не понял его Ратмир.

- Да, есть предание, что под каждой из этих елей похоронена жертва Нордова.

- Не придумывай, Позвизд, не было у Макса Нордова никаких жертв, он был вполне обычным, мирным человеком, просто иногда любил вызывать духов. Пойдем к пруду, а то Герта скоро в себя придет. – Урезонила его Сибила и они отправились по тропинке, мимо усадьбы вглубь парка.

Нордов явно был чудаком: почему-то возвел свой дом полностью из дерева в готическом стиле: остроконечная крыша, прогнувшаяся, проваленная венчала это старое сооружение, а с одного его края высилась полуразвалившаяся башня. С левой и правой стороны к дому примыкали два флигеля, стены которых были украшены затейливой резьбой по дереву. Флигели соединялись с главным корпусом крытыми, колонированными галереями.

Путники с любопытством рассматривали странноватые постройки, продвигаясь по заросшей бурьяном тропе. Наконец они вышли к пруду, темная вода которого в условиях полного штиля, а этому способствовала плотная древесная растительность, окружавшая водоем со всех сторон и совершенно не пропускавшая даже малейшего дуновения ветра, была темной. В водной глади отражались верхушки елей и пихт, а также лица и фигуры подошедших прямо к краю берега группы охотников на ундину. Тишина стояла смертельная, завораживающая, тростник по берегу ели колыхался, возбуждая в сердце загадочный трепет.

- Давай, вызывай! – Велела Сибила.

Позвизд достал короткий кинжал, все еще с засохшей кровью на нем. начертал на земле пентаграмму, прочел необходимые заклинание, тотчас в центре пентаграммы появился легкий дымок и явилась фигура Фула. Он взглянул на Позвизда и спросил:

- Ты уверен, господин? – Вислые усы его задвигались в такт губам, сказанная им фраза была необходимой формулой вхождения в этот мир для духа.

- Да, я уверен. Действуй.

Фул двинулся к воде, медленно погрузился в нее и исчез. Все ждали. Даже Герта, как будто проявила интерес – ее глаза оживились, заблестели.

- Кого вы здесь ищите? – Вдруг раздался нежный девичий голос позади них, все обернулись и увидели девушку дивной красоты с золотистыми волосами и в длинном серебристом платье. Она расчесывала золотым гребнем свои роскошные, пышные волосы. Позвизд схватил за руку Герту и выдвинул ее вперед:

- Вот, забери ее.

- Зачем она мне? Я за тобой пришла.

Она отстранила Герту в сторону и вплотную подошла к Позвизду, обвила его шею рукой и, приблизив губы к уху, что-то зашептала. Все остальные в это время стояли совершенно оцепеневшие. Ундина взяла руку Позвизда, собираясь вести его за собой почему-то вглубь леса, а не в пруд. Первой опомнилась Сибила, она выхватила из руки Герты футляр с пальцем святого, с быстротой молнии кинулась к ундине и пока та еще не успела что-либо сообразить надела ей гайтанчик с флаконом на шею. Это остановило ундину, она совершенно потеряла интерес к Покатову, взгляд ее устремился на Герту, которая постепенно начала приходить в себя, озираясь по сторонам и вот вот должна была снова применить свое оружие забвения. Но она не успела этого сделать, так как ундина крепко обхватила ее руками, потом они чуть приподнялись над землей, пролетев в воздухе расстояние до пруда, низверглись в него. Вода поглотила их.

Глава V. Вампиры

Наконец я вернулся домой после столь долгой и суровой битвы. Кажется, нам удалось закрыть Рубеж надолго, полагаю мы можем спать спокойно. Что я и делал в первые несколько дней: спал, ел, валялся на диване, тарашился в телевизор. Владыка смотрел на это снисходительно, дал мне отпуск на неделю, а монахов отпустил в скит. Позвизд тоже справился со своей частью работы прекрасно. Можно было почивать на лаврах, тем более мама моя не могла нарадоваться на меня. Она бесконечно готовила мне всякие вкусняшки, а вечером мы вели бесконечные беседы, она как старейшая ведьма знала много разных историй. Мама каждый день к двенадцати часа уходила на совещание в ковен, возвращалась к вечеру, переполненная разными новостями и мыслями. Она после пленения типулы просто помолодела. Мы, даже с ней вечером ходили к озеру,

и смотрели как она скованная по рукам и ногам лежит на дне озера. Сверху плавали водоросли, длинные волосы Герды развевались в воде, глаза были закрыты как у спящей красавицы. Она не производила впечатления мертвой, просто спала, да так оно и было на самом деле. Зрелище было завораживающее, я спросил у мамы:

- И что теперь? Почему так важно было пленить типулу?

- Теперь синтагма не сможет будоражить нашу землю, и сам ты видел, проход закрылся. Помощи ей ждать неоткуда, грешники горят в аду. Как все материальное она не может без питания, типула поставляла ей парней, но думаю, она не успела нужное количество заманить. Да вы с Позвиздом даже и знаете всех. Сколько тогда на кладбище нор было?

- Четыре.

- Вот видишь! А надо хотя бы семь.

Мама грустно покачала головой каким-то своим мыслям, и мы пошли по парковой аллее домой. Шуршали листвой на дорожке, мама специально, как девочка, ногой листву поддевала, бросала вверх. Прямо как ребенок. Да она у меня и была ребенок, в душе. Вечно веселая, озорная, но бесконечно добрая ведьма, моя мама.

- Постой, - спросил я - а если бы она набрала эти семь человек, что было бы?

Мама остановилась, серьезно на меня посмотрела, я ее такой никогда не видел сосредоточенной и строгой.

- Тогда бы она уничтожила вашу церковь модо. - Ответила она.

- Ну и что. Мы и так изгои в христианском мире, никто бы не опечалился.

- Это не так - вы островок спасения, собравшие под свое крыло и наши колены, и язычников и атеистов, всех, над вами даже разверзлось чрево ада, изливаю которого на землю ваша церковь воспрепятствовала. Вы отрицание отрицания, попрания любых истин и утверждений.

Такие слова моей мамы, действительно подлинно отражали, то, как к Церкви модо относились мефодиевцы. Она была опорой для них. Об этом я поразмыслил уже дома, когда мама ушла по делам. У меня оставался еще один день отгула и я решил сходить в гости к Позвизду, который приглашал меня заглянуть как-нибудь, со мной желала познакомиться Сибила, да и пленение типулы надо отметить. Предварительно позвонил Позвизду. Тот не сразу понял о чем речь, видно был сильно занят

или забыл в суете, но быстро сообразив, предложил идти к нему домой, Сибилла там всегда на месте, а он позже подойдет.

Город у нас не такой уж и большой, но когда я отправился по адресу, указанному Позвиздом, вдруг понял, что никогда в этой части города не был. Вот ведь как, родился в Мефодиеве, все тридцать лет своей сознательной жизни прожил в нем, а не бывал в этой части. Не приходилось. Так бывает. Сибилла меня уже ждала, она встретила на пороге, широко и мило улыбаясь. Мы прошли в гостиную, где уже был накрыт стол и дымился старинный самовар. Пока жена Позвизда наливала чай я спросил у нее как они с мужем познакомились.

- О, это не особо романтическая история. – Весело сообщила она, открывая кранчик в самоваре – Мы же из родственных ковэнов. Наши судьбы были решены, когда мы еще родились.

Она разлила чай села за стол напротив меня. Я взял мармеладку и отхлебнул из кружки. Чай был травяной.

- Но с другой стороны, все же у нас был некоторый момент знакомства и романтики. Я же уезжала после школы учиться в Лакинск, а Позвизд в армии служил потом по контракту еще несколько лет, так что мы с ним увиделись после школы только через семь лет. О вот, оказалось, что мы будто созданы друг для друга.

Она медленными глотками пила чай, задумчиво смотрела в окно за моей спиной. Было видно, что какая-то мысль neodступно преследует ее.

- Слуша, Буриной, но речь сейчас не о нас с Позвиздом, а о тебе.

Я насторожился, вспомнив одну подробность о Сибилле, которую, наверное в городе знали все – ее способность видеть вперед.

- Ты что-то увидела про меня? – Прямо спросил я.

- Будущее не имеет одного измерения, поэтому сложность в том, чтобы понять какое именно будет развиваться, а это зависит от тебя.

- Это как. – Не понял я.

Она оставила в покое чашку с чаем, которую просто держала в руке и поглаживала пальцем ее край. Она встала и достала из шифоньерки еще баночку мёда.

- Вот смотри: у тебя три варианта развития событий: ты отвечаешь на чувства, испытываемые к тебе синтагмой, второй вариант ты не отвечаешь на чувства синтагмы.

Она умолкла, я остался в полном нетерпении, ожидая, что Сибила объявит и третий вариант. Но она молчала, вопросительно глядя на меня. Мне надо было подумать, так сразу ответить было сложно. Я никогда так вопрос не ставил перед собой. В это время загромыхал ключ во входной двери. Пришел Позвизд. Он поздоровался, был какой-то хмурый, но все же старался это не показывать. Поцеловал жену в щечку, она спросила его:

- Обедать будешь?

Позвизд махнул рукой: «Я только чайку попью». Налил себе чаю и сел рядом со мной, сердито откусывая от ванильного сухаря кусок.

- Ты чего такой злой? – Спросил я.

Позвизд ответил не сразу, разжевывал сухарь, был несколько меланхоличен.

- Похоже пленение тигрулы нам не помогло.

- Почему ты так решил?

- Не знаю, предчувствие у меня нехорошее.

Позвизд неопределенно махнул рукой. Сибила усмехнулась и погладила мужа по голове.

- Вот и я об этом: третий вариант – синтагму надо отвлечь чем-то сильным.

- Это как? – Не понял я.

- Понимаешь, Буривой, ты извлек страдающую душу из Прохода и она теперь полностью зациклена на тебе, как на своем освободителе. У нее же никогда не было своего парня, а девушка как раз находилась в таком возрасте, когда хочется любить и быть любимой. Вот ее и надо как-то на другого человека настроить.

- Это ты видела? – Поинтересовался Позвизд.

- Да видела, но смутно. – Несколько смутившись, ответила она.

Конечно, я призадумался и, поглядывая на Покатовых, которые теперь стояли около комода и вопросительно смотрели на меня. Но что тут скажешь: синтагма обладала даром оживлять материю, но не одухотворять ее. Она та искра, которая дает жизнь, но не дает надежды. Все что она оживляет существует только с ней, и с ней же страдает. Мне, вдруг, пришла в голову странная мысль и я постарался сразу ее донести до супругов, но Сибила меня опередила.

- Я знаю, о чем ты хочешь спросить, Буриной, она должна чем-то питаться, без этого невозможен контроль такой огромной биомассы, как наш целый район.

- Но, подожди, я так понимаю, еду ей поставляла типула, а мы ее обезвредили. – Заметил Позвизд.

- Это хорошо. Но типула скорее всего успела заготовить ей недостаточное количество питания. Ей не хватит, ей нужен ты.

- Как пища? – Усмехнулся я.

Посмотрел на часы, которые висели над комодом – ровно 13.00. Мне надо было идти в семинарию на занятия, я там на третьем и четвертом курсе вел миссиологию. Одна лекция раз в неделю. Попрощавшись с Покатовыми я побежал в семинарию. Еще издали во дворе семинарии я заметил проректора отца Азарию, он стоял раком над капотом своего синего «фольксвагена», его лысина блестела на солнце, и не сразу заметил, как я подкрался сзади, а когда заметил, вздрогнул от неожиданности. Вытирая тряпкой масляные руки он недовольно пробурчал:

- Любите, вы Буриной, подкрадываться.

- Боевая привычка, отец Азария.

Ответил я, благословляясь, проректор с чувством достоинства осенил меня крестным знаменем. Мы медленно направились к семинарии, отец Азария вообще все любил делать не торопясь.

- Не появлялись больше демоногиды? – Спросил я.

- Вашими молитвами, Буриной, все спокойно. У вас сейчас какой курс?

- Четвертый.

- Да, там благочестивые ребята.

Я усмехнулся, вспомнив хитрые морды семинаристов. И чего отец Азария постоянно делает вид, что ничего особенного не происходит, демоногид просто так, от благочестия не заводятся. Мы зашли в семинарию, я пошел к лифту, чтобы подняться на второй этаж, а отец Азария с достоинством отправился к себе в кабинет.

Миссиология как предмет преподавания всегда вызывал у меня какое-то странное чувство. Зачем говорить о том, что надо делать. При этом мне приходилось пересказывать какие-то прописные истины.

Когда я шел по коридору уже прозвенел звонок. В аудитории на стульях лениво развалились семинаристы, когда я вошел они встали, мы помолились перед началом занятий. Начал я что-то рассказывать, краем глаза наблюдая за ребятами. Пирожков на первой парте как всегда спал, положив голову на руки, Семенов за второй партой, закрывшись монитором ноутбука, рубился в какую-то игру. Остальные были заняты каждый своим делом, хотя в целом вели себя тихо. У меня иногда складывалось такое впечатление, что лекцию я читаю сам себе. Конечно, я бы мог навести порядок, поставить всех на место, замучить зачетами и тестами, но мне останавливало вот что: они поступили сюда по убеждению, искренне желая овладеть специфическими знаниями, так почему я должен заставлять их учиться? Вообще я перестал рассказывать, нашел ролик про миссию Русской Церкви на Филиппинах. До конца занятия оставалось минут двадцать, я решил сходить в туалет. Навстречу мне по коридору шел заспанный семинарист Мацнев, а ведь он должен был быть у меня на занятиях, поди спал. Он поздоровался, я машинально ответил, но невольно обратил внимание на одну деталь в облике семинариста: у него была обвязана шея бинтом. Даже если он порезался, чего обмотался, можно пластырь было наложить. После туалета, я еще постоял в коридоре у окна, посмотрел во двор на голубые ели, на голубое небо и вернулся в класс. Фильм закончился, семинаристы занимались, кто чем мог - вообще изнывали от лени. Прозвенел звонок, мы помолились и разошлись. Теперь можно было идти домой, но только я вышел в коридор, как столкнулся с (...). Она деланно-натяжно заулыбалась мне, будто действительно рада меня видеть. Пригласила ко мне, переговорить насчет моего доклада для «Богословского сборника». Я не особо любил общаться с Вареньевой (так звали ее за глаза семинаристы), но зашел.

Ее кабинет, с большим окном, был заставлен горшочками с разными комнатными цветами, на стенах висели разные картины с детскими рисунка, каким-то поделками. Посреди кабинета буквой Т стояло два стола, на них аккуратно стопочками лежали книги, тетрадки и стояли разные безделушки. И посреди всего этого восседала Вареньевна, как прекрасный цветок.

Я тоже присел напротив нее, ожидая, что она скажет. Она достала из папки верстку сборника и сказала:

- Буриной Романович, я не могу допустить вашу статью к печати.

Я стал припоминать, о чем она говорит, какая статья? И невольно обратил внимание на то, что с правой стороны шеи

у Вареньевны приклеен большой пластырь, а проректор все продолжала говорить о моей статье, тут я спросил ее:

- Елена Валерьевна, а чего это у вас на шее пластырь?

Она явно смутилась и невольно дотронулась до места прикрытого пластырем.

- А, кошка поцарапала. Так что вы скажете насчет статьи?

Я наконец вспомнил, что действительно давал какие-то заметки о истории Свято-Пафнутьева монастыря. Вареньевна опять мне стала объяснять, что статья неправильно оформлена, не так написана, да и вообще ненаучная.

- Ну, хорошо, - остановил я ее словесный поток - Не помещайте, я не в претензии.

- Да, но за последние два года вы не дали не одной статьи, а это непорядок, все преподаватели должны участвовать. У вас и рейтинга никакого нет и индекса цитирования.

- Я же не ученый. - Возразил я, продолжая рассматривать ее пластырь - Я епархиальный миссионер.

Вареньевна смутилась от моего пристального взгляда, даже зарделась.

- Что вы на меня так смотрите, Буревоу Романович? - защищаясь спросила она.

- Ой, простите, (...) что смутил вас, пойду я.

И вышел. «Странно все это» - подумалось мне. Коридор был пуст, хотя вроде как перемена, возможно, семинаристы ушли на обед. Я начал спускаться на нулевой этаж, чтобы также пообедать и столкнулся прямо на лестничном пролете с незнакомым мне юношей. Он толкнул меня в плечо, извинился, я толком его не разглядел, только ощутил от прикосновения его руки к моему плечу какой-то странный холод. В семинарии я его прежде не видел.

Вообще не в моих правилах было столоваться в семинарии, но на этот раз я изменил своему правилу взял тарелку супа и стакан компота. Ел мой любимый гороховый суп, осторожно осматривал студентов. Они беспечно разговаривали, кто-то пил чай, кто-то также как я ел суп. У некоторых из них я увидел такие же пластыри на шее, как и у Вареньевны. Подозрительно это было все.

Немного перекусив, вышел из семинарии. День в самом разгаре, солнце печет немилосердно. Решил с территории семинарии

выйти через колокольню, когда уже уходил повернулся, чтобы перекреститься и вот вижу такую картину: по стене семинарии к окну кабинета проректора отца Азарии как паук лезет тот самый парень с которым я столкнулся в коридоре. Его движения, изящные, ловкие, он несколько напоминал ящерицу. И когда он дополз до окна, его открыл сам отец Азария и впустил юношу.

Надо проверить чего там, в семинарии то твориться, что за юноши лазят по стенам в кабинет проректора. Я вернулся, сторож на вахте немного удивился, чего это я никак не могу угомониться и пойти домой, однако пропустил. Спросил у него, не спускался ли отец Азария, он сказал, что не видел его с утра. Я не стал подниматься по лестнице, а воспользовался лифтом. Хоть семинария у нас и трехэтажная, но лифт все же имелся. И это иногда очень удобно.

Тринкнул звоночек, лифт остановился и двери открылись. Я осторожно выглянул наружу: в коридоре было тихо, ни души, только какое-то приглушенное чавканье и кабинета проректора. Стараясь не цокать каблучками прокрался по коридору к кабинету проректора, приоткрыл дверь и увидел такую картину: отец Азария сидел, распластавшись в своем кресле, откинув назад голову, а на нем сверху, сидел или лучше сказать лежал, тот самый ползунок со стены и как комар сосал кровь у проректора. Мне показалось, что отцу Азарии это нравилось – глаза у него были полузакрыты, он постанывал. Мое появление спугнуло юношу – он оторвался от своего дела, повернул голову, взвизгнул как мышь и очень ловко выбрался через окно на улицу.

Отец Азария не сразу пришел в себя, сидел развалившись в кресле, закатив глаза, я подошел, похлопал его по щекам, тот начал приходить в себя. Я невольно обратил внимание на ранку на его шеи: вена так набухла, были видны две ранки, но они совершенно не кровоточили. Отец Азария пришел, наконец, в себя, недовольно посмотрел на меня.

- И как это понимать?

Почти возмущенно спросил я. Отец Азария встрепенулся, как петух, стремительно встал и полез в стол, достал оттуда пластырь и очень неловко наложил кусок пластыря на ранку.

- В чем дело, Буриной, почему вы заходите, без стука.

Отец Азарий порывисто поднялся из кресла, нервно заходил по кабинету. Видно было, что подбирает слова, как все объяснить.

- После того, как мы изгнали демоногида, все это и началось. Мы взяли дополнительно на первый курс парня, благочестивый,

хорошо основы веры знал, молитвы, историю церкви-модо. Почему не взять. Я же не знал, что он вампиром окажется.

- Слушайте, отец Азария, но я его раньше не видел. Когда вы его успели взять.

- Да вот, недели две, пока ты на Барьере воевал, да в отпуске отдыхал, мы его и взяли учиться.

- А что, владыка с ним не беседовал?

Отец Азария остановился и с удивлением на меня посмотрел, будто я что-то неприличное сказал.

- Конечно. А как же без владыки. Провел собеседование. Вернул его дело без пометок. Видно, его личность у него не вызвала отрицательных эмоций.

Все это было странно, мне надо было поговорить с архиереем срочно. Но отцу Азарии я все же еще один вопрос задал:

- Батюшка, а как же вы сами-то? Вампир он ведь без вашего согласия не станет пить кровь.

- Он какой-то странный вампир: он кровь-то мою сосет, но такое ощущение, что ему это совершенно не нужно, а мне вот он такое удовольствие доставляет, хочется прям, чтобы он меня до смерти засосал.

Мы с отцом Азарием вышли из кабинета, в коридоре столкнулись с (...). Теперь мне было понятно, с чего у нее пластырь на шее.

- И вы адаптером поцелованы!

Не удержался я от восклицания, чем привел в замешательство (...)

- Какой адаптер?

- Вампир, который вас кусает, называют вампиром-адаптером. Он кусает и пьет кровь не для себя, а для синтагмы. Он как переходник, резервуар. Она же ведь не может сама кровь пить, а питаться ей надо.

(...) в смущении потеряла шею, в том месте, где был пластырь.

- Много в семинарии людей на адаптера подсели? – Спросил я.

Проректор не сразу ответил, видно было, что вся эта история ему самому не нравится, наверняка он ничего не сообщал архиерею, а это залет.

- Да, я виноват. Поддался страсти, не смог справиться с искушением.

- У вас, я смотрю, в семинарии так страсти и разбирают, то демоногид, то вампиры-адаптеры.

Батюшка пропустил мимо ушей мою реплику ядовитую. А что тут скажешь, он понимал, что я прав.

- Восемь семинаристов и одна повариха. – Хмуро сообщил он.

Я присвистнул даже от того, какие масштабы вампиризма развернулись в семинарии. Оставив растерянных проректоров в семинарии, отправился в епархию. Надо было бы сообщить обо всем епископу, что-то он скажет на это. По дороге в епархию я встретил тетю. Он сидела на лавочке, и была явно чем-то расстроена. Эти лавочки на набережной, в тени липовых деревьев, которые росли вдоль дорожки, были чрезвычайно удобны для отдохновения в жаркие летние дни. Присел рядом с тетей, она не сразу обратила внимания на меня, была очень чем-то озабочена. Я ее окликнул, тетя посмотрела на меня, будто в первый раз увидела, но узнавание пришло почти сразу, она сказала:

- Буриной, я Конрада видела.

Я приобнял тетю, погладил ее по спине, пытаюсь успокоить.

- Тетя (...) тебе показалось, Конрад умер. Такое бывает, когда потеряешь кого-то близкого.

Тетя всхлипнула, погладила меня по руке, вынула платочек из сумочки и, вытирая набегавшие слезы пошла по набережной в сторону Покровского храма. А я все же решил попробовать встретиться с архиереем.

В управлении сначала зашел к себе в кабинет, отец Климент встретил меня, как всегда хмурой улыбкой. Рассказал ему о происшествии в семинарии, мельком упомянул о видении моей тети, посетовав, что вот тяжело ей, смерть сына ее прямо сильно подкосила. Услышав о вампире-адаптере отец Климент, как-то весь вострепнулся.

- Это плохо. – Сказал он.

Я усмехнулся, понятно плохо, когда вампиры в городе вот так свободно орудуют. Но монах со мной не согласился.

- Главное не в этом, Буриной, а в том, что он адаптер. И как ты думаешь, для кого или для чего он запасает кровь?

- Думаешь для синтагмы?

Отец Климент молча уткнулся в монитор, показывая этим, что ему и так все ясно, но мне все же пояснил:

- Все это свидетельствует о том, что пленение нами типулы проблему не решило. Она успела какое-то количество парней набрать. Ты знаешь, сколько в городе было необычных смертей после посещения медсестры?

- Как минимум три.

- Этого ей достаточно, чтобы протянуть, до избранника.

Зазвонил телефон, отец Климент взял трубку, сказал: «Хорошо», а потом мне сообщил:

- Иди, владыка тебя вызывает.

Я поднялся на второй этаж. В приемной Лёлочка деловито набирала что-то за монитором компьютера, даже не взглянула на меня, просто кивнула головой на кабинет. Владыка стоял у окна, когда я зашел. Это его любимое место в кабинете, надо полагать. Но на этот раз мы о пейзаже за окном не говорили. Он предложил мне присесть, сам занял свое место в кресле. Не сразу начал разговор, что все рассматривал свои руки.

- Про вампиров-адаптеров ты знаешь? – Наконец спросил он.

Меня это несколько удивило – значит, отец Азария уже сообщил, но когда? Владыка, будто читая мои мысли, поспешил меня успокоить:

- Нет, отец Азария мне ничего не докладывал. Я просто сам знаю. Когда с этим абитуриентом беседовал, мне все и стало понятно, кто он и зачем ему в семинарию.

Сказать, что я был удивлен, ничего не сказать, просто потрясён.

- Но зачем? – Вырвалось у меня.

Владыка тяжело вздохнул, зачем-то передвинул тяжелую чернильницу с одного конца на другой. Видно волновался.

- Я подумал вот что: в целом вам нейтрализовать синтагму не удалось. Да, да вы ее значительно ослабили, но не уничтожили. Типула успела ей какое-то количество вампиров предоставить, ей это вполне для тихой жизни. Но мы не знаем где она теперь прячется.

- Т. е. вы хотели использовать семинарию как наживку?

Владыка молча кивнул. Это было поразительно, такого я от епископа Тиберия не ожидал: рискованный шаг, главное непонятно – что он давал. Видно владыка почувствовал мои недоумения и внутренние вопросы. Поэтому ответил:

- Через них мы найдем ее логово и проведем обряд статураты.

Это было неожиданно услышать от владыки такое. Обряд статураты, имел древнее происхождение и применялся только в исключительных случаях. Как знаток местной церковной истории, я даже не смог припомнить, когда последний раз его применяли. Но для статураты нужен муляж, епископ опередил меня, догадавшись, что я хотел спросить. Он молча вынул из папки, которая лежала у него на столе, бумагу и протянул мне. Это было письмо из Управления делами Патриархии. Там было сказано, что через два дня к нам приезжает сотрудник Синодального Миссионерского отдела Патриархии Захар Прицепин со специальной миссией. Управделами вежливо просил оказать ему всяческое содействие. Я прочитал письмо, отдал владыке, спросил:

- И что это значит, какая такая специальная миссия?

- Думаю, нас будут закрывать. Я не говорил тебе, Буриной, но в последнюю мою поездку в Москву, мне некоторые владыки давние мои друзья еще по семинарии и академии, предупредили, что Патриарх по отношению к нам настроен очень серьезно. И скорее всего, на ближайшем заседании Синода поставит вопрос о моем запрете, в случае если я не соглашусь добровольно покинуть кафедру.

Церковь-модо невозможно отменить, потому что она есть сам народ, живущий в Мефодьеве. Но ее можно лишить главы – епископа. Эта схема давно отработывалась, но Патриарх хотел, чтобы епископ Тиберий ушел сам, добровольно, фактически, таким образом, признав еретичность модо.

- Вообще, Буриной собирай всех членов ковенов. Прошу тебя, поговорить с мамой, Сибиллой. Объясни им все. Я думаю, что сатурата это наш единственный шанс.

Я не сразу ответил. Мне вообще эта вся история с синтагмой казалось не такой уж безысходной: чего все пытаются ее выжить обратно. По-моему с ней можно было бы договориться. Мне всегда думалось, что с любой нечистью можно договориться, если проявить любовь. Однако этими мыслями я не стал делиться с владыкой. Просто молча кивнул и вышел из кабинета.

Прежде чем идти домой, я решил зайти к Покатовым, посоветоваться с Сибиллой, спросить, что она видит. Покатовых застал дома обоих – они пили чай, о чем-то беседовали. Я остановился на некоторое время около дома, рассматривая эту пару в окно: они прекрасны друг другу подходили, идеально. И чего я об этом подумал? И мне стало ясно чего – невольно вспомнил синтагму, еще тогда, когда я ее выпустил, когда видел ее в человеческом облике. Точнее она только там, в Переходе, и

могла быть человеком, здесь в нашем мире она только синтагма. Но ведь и я с ней мог бы быть прекрасной парой. Почему нет?

В момент, моих таких размышлений, меня заметила Сибила. Она радостно заулыбалась, замахала рукой, призывая меня войти к ним. Что я и с удовольствием и сделал. Как только вошел Сибила мне сразу заявила:

- Это не очень хорошая идея с сатуратой.

- И что ты увидела?

Она налила мне чаю, а Позвизд отпивая маленькими глотками из чашки поглядывал на меня, улыбаясь чему-то. А Сибила ответила на мой вопрос.

- Да, я видела несколько вариантов, но все они сходятся к одному финалу.

Она тянула время с ответом, якобы ей срочно понадобилось мыть посуду: она собрала наши пустые чашки и пошла к мойке.

- Ну не тяни, Сибила! – Не выдержал я.

Но Сибила продолжала меня динамить: сложила в раковину чашки, будто собираясь мыть, но потом все же обратила внимание на меня:

- Понимаешь, Буриной, я наверное не открою тебе тайну, если скажу, что время неделимо и то, что, как нам кажется, происходит в будущем уже происходит сейчас. И если в будущем ты уже умер, есть где-то дата, точное время твоей смерти, место упокоения твоего и прочее. Ты как бы жив и у как бы нет, потому что «все на смерть похоже», как сказал великий поэт.

- Я не пойму, Сибила, к чему ты ведешь?

- А ведет она к тому, - вдруг вступил в разговор Позвизд - что сатурата никак не повлияет на Переход, он не закроется, а синтагма, никуда не денется. Вот это она и видела.

Я посмотрел на обоих супругов: они что, водят меня за нос? Такая мысль у меня мелькнула. А вслух я сказал:

- Не хотите говорить? Ладно. Спасибо и за это.

Позвизд ободряюще улыбнулся мне, наверное, это означало: «Мол прости, друг, все чем могли, помогли». Я попрощался и пошел домой. По дороге домой я рассуждал о сатурате. Обряд состоял в том, что все представители ведьмовских ковен и церковный причт устраивали шествие под знаменами церкви модо, тотемов ковен. Шествие совершалось обычно в то место,

где в последний раз видели синтагму, там служили литанию и все это под общее пение. Значит на этот раз конечная цель сатураты старое католическое кладбище.

Дома у нас в гостях была тетя. Она с мамой в столовой пила чай, но как-то странно они его пили: обе просто сидели за столом и молча смотрели друг на друга. Когда я вошел, обе как по команде повернули в мою сторону голову. Мама сделала попытку улыбнуться, но как-то натянуто-криво.

- Буривой, а у нас гости. - Выдавила из себя мама.

Вслед за этим из спальни вышел Конрад. У меня мурашки пробежали по спине, выглядел он неважно: худой, с впалыми щеками, глаза будто вдавились в череп, желтая кожа обтянула широкие скулы, нос заострился. Одет он был также, как когда его в гроб положили: черный костюм с блестками, белая рубашка и черный галстук. Что-то в его облике было отталкивающее, хотя брат мой всегда был очень светлым, добрым человеком, душа любого общества, шутник и хохотун.

- Мама, тетя выйдете на кухню, мне надо с братом поговорить

Ледяным тоном, не попросил, а приказал он. Мама моя с тетей вздрогнули, одновременно встали, вышли в кухню. Конрад сел за стол, вопросительно уставился на меня, я тоже присел, налил себе чаю.

- Ну как там? - Спросил я

- Где? - Не понял он

- В могиле.

- Сначала толстеешь. А потом страшно худеть начинаешь. Прямо, почти таешь. И это ведь тоже форма жизни, Буревой.

Я предложил чаю, Конрад решительно замотал головой.

- Что, кровь вкуснее?

Брат пожал нерешительно плечами, толи согласился с этим, толи нет, мне было непонятно, но это было и не важно, вопрос сам по себе был риторическим.

- Ты чего пришел, и свою маму напугал и мою.

- А чего? Она же хотела, чтобы я вернулся. - Он криво улыбнулся.

- Да, ты не похож на прежнего Конрада.

- Там такое место, что не до сантиментов. Стоит мне только моргнуть глазом и мама и тетя с удовольствием отдадут мне свою кровь.

Он противно так ухмыльнулся. Мне не понравился его настрой. Я вспомнил своего брата до его смерти: милый, вежливый, интеллигентный. У нас всегда с ним были хорошие отношения, а тут явился довольно неприятный тип из могилы, который угрожает самым близким мне людям.

- Чего ты пришел? – Спросил я

- Она послала. Ты дал нам шанс. Так доведи дело до конца.

- Не пойму чем могу помочь.

- Мы находимся в месте вечного страдания и печали, нам не было оттуда выхода, пока ты не вмешался.

И он стал рассказывать вообще-то известные мне вещи: есть такое место в каком-то пространстве, куда попадают все такие души как синтагма, и все клиенты старого кладбища. Там очень страшно и выхода никакого нет. Но почему-то образовался Проход, из которого я выпустил девушку, ставшую синтагмой.

- И что ты хочешь от меня, точнее она? – Спросил я у него

Конрад замолчал, поток речи его прекратился. Но сказать, что он осмысленно смотрел на меня, я не могу. У его лица не было никакого выражения.

- Помоги ей, оставь ее здесь. – Наконец вымолвил он.

- А ты тоже туда к ним попал?

- Нет, я пока здесь. Пока хоть что-то от нас есть, мы существуем. Земля то наша живая, животворная. Нас типулой укушенных она, синтагма вытащила. И если ты ей поможешь у нас есть шанс остаться здесь.

- Ага, и кровь людскую пить. – Возразил я.

- Ну им же нравится, каждый при своем интересе остается. Нам, выходцам из Прохода, слугам синтагмы вполне мирно в Мефодиеве вместе с вами можно ужиться. А ты, Буриной, уже убедился, сколько всех из животворной земли повылазило, когда синтагма пришла, и все жить хотят, шанс появился. Мы живем в земле, пока живы наши родственники, связанные с нами кровно. По мере растворения их крови в других растворяемся и мы. Исчезаем в земле. Мы не о душе беспокоимся, а о нас, материальных. Синтагма имеет власть поддерживать нашу материальность. Вообще, пока жива она, живы и мы, пойми, Буриной.

Конрад умолк, печально опустил голову и пошел на кухню попрощаться с мамой и тетей. Через несколько минут раздался

истощный вопль оттуда. Я тут же бросился на кухню и мне предстала такая картина: моя мама кричала, а Конрад присосался к шее своей мамы, которая сидела на стуле закатив глаза. Брат, увидев меня, оставил мою тётю в покое и очень проворно выскочил в окно, прямо как тот вампир, которого я видел в семинарии.

Успокоив маму, я отвел тётю в комнату, уложил на диван. Она была не в себе и быстро уснула. Я в изнеможении присел в кресло, которое стояло рядом с диваном. Вошла мама, она утирала слезы платком, присела в кресло напротив меня.

- Что будешь делать, Буриной?

Спросила мама, как будто я знал, что ответить на этот вопрос. Но некоторые идеи на этот счет у меня были. А касались они проведения сатураты. Ведь была еще одна ее форма, не такая мирная, похожая на обычный ход, с остановками, чтением Евангелия, пением ектений. И в этом случае никакая замена не нужна будет. Такая боевая сатурата опасна и рискована, но мне кажется она более эффективна. Но нужно было испросить разрешения владыки.

Епископ Тиберий принял меня сразу. Будто предполагал, что я вернусь. Владыка что-то нервничал, это было видно по тому, как с места на место на столе перекладывал ручку. Пытался что-то писать, меня слушал как-то рассеяно. Его можно было понять: боевая сатурата дело ответственное.

- А хватит у нас сил, Буриной?

- Я еще не говорил с мамой, с Сибиллой. Но думаю, они согласятся.

Владыка, наконец, умиротворился, откинулся на спинку кресла, и будто рассуждая, сказал.

- Думаю, привлечь все наличные силы монахов. И тех, которые в монастыре Св. Порфирия и наших, городских.

Мне нравился энтузиазм владыки, он как-то воспарил духом, стал снова энергичным и деятельным. Да и меня устраивал такой исход. Все лучше, чем возиться со всей этой нечистью.

Закончив разговор с епископом, я спустился к нам в кабинет. Отец Климент как-всегда сидел за своим компьютером и пил кофе, что меня крайне удивило – первый раз такое видел, чтобы отец Климент пил кофе. Заметив мою оторопелость, Климент улыбнулся, как мне показалось, так как густая борода не позволяла видеть улыбается он или нет.

- Засыпаю на ходу. – Попытался объяснить мне свое поведение монах. – У владыки был?

Усаживаясь за свой стол, я молча кивнул головой.

- Что решили?

- Будем проводить сатурату. Боевую.

Отец Климент даже поперхнулся, услышав это. Он отхлебнул из чашки глоток кофе. Задумался, потом посмотрел на меня.

- А, я понял, ты опять что-то задумал.

Ход мыслей отца Климента меня несколько смутил, хотя понять его было можно, что от меня еще ожидать, когда я сам выпустил из Прохода синтагму.

- Ты пойми, Буриной. – Примиряюще заговорил он. – Создание альтернативы для изгоев, это не вариант.

- Какой альтернативы? – Не понял я.

- Эти души, они неприкаянные, они не могут попасть никуда, рвутся наружу. И так получилось, что наш Мефодиев стал таким аномальным местом, где с помощью синтагмы они могут найти себе хоть какой-то приемлемый для них приют. Не спорю, возможно, ты ничего не задумал. Но что если во время сатураты мы не выдержим?

Сомнения отца Климента мне были понятны, риск, конечно, был, но в наших обстоятельствах иного выхода не было – так мне казалось. Я об этих своих мыслях сообщил монаху. Он также угрюмо меня выслушал и подытожил:

- В любом случае, будем делать, как благословил владыка. А мы уж постараемся с Божией помощью.

Он широко перекрестился на образ Христа и снова углубился в молитву. Мне было беспокойно, мысли лезли всякие нехорошие – я подозревал, что отец Климент обо мне думает, так, будто я могу опять дать слабину.

Глава VI. Сатурата

Захар Зацепин приехал в Мефодиев рано утром с проходящим поездом Москва – Саратов. Поезд стоял на станции всего минуту, Захар попрощался с соседями по купе, милыми людьми, он проговорил с ними в дороге почти полдня. Это была скромная пожилая пара, они ехали до конечной остановки и когда Захар, наконец, покинул их, облегченно вздохнули, а супруг, седой,

толстый мужичок, сказал: «Ну, наконец-то этот пустомеля сошел!».

Захар вышел на платформу, вздохнул полной грудью свежего провинциального воздуха, радостно улыбнулся. Из вещей у Зацепина был с собой только маленький портфельчик, в котором он возил все самое необходимое: зубную пасту, щетку, полотенце, смену белья и сборник цитат «Щит миссионера».

Захар отправился искать гостиницу «Колос», в которой у него был забронирован номер. На вокзале он спросил у дежурной, как найти гостиницу и, выяснив, что это всего в дух кварталах от вокзала, решил пройтись пешком: погода была прекрасной, да и можно было осмотреть город.

Повсюду росли каштаны и липы. Центр города был застроен одно и двухэтажными домами, возведенными на рубеже XIX и XX веков. Захар обратил внимания, что в городе почти не было жилых домов советской эпохи, кроме двух пятиэтажек на вокзале, а так, в основном, частные дома. В центре Мефодьева возвышался великолепный собор, построенный, насколько помнил Захар, в середине XIX века в типичной для модо архитектурной манере: это были пирамидальные каскады из красного кирпича, которые стремились вверх, со стороны такой храм был похож на кристалл кварца, венчал который белый флажок с упавшим на бок лотарингским крестом. Захар остановился около собора и невольно залюбовался цветными витражами вытянутых окон. На них были изображены эпизоды из жизни Иисуса Христа. В них причудливо преломлялись лучи солнца, создавая радужный эффект.

Гостиница «Колос» располагалась в старинном особняке, почти в центре города на пересечении двух улиц. Это было двухэтажное здание, прямоугольной формы, с четырьмя колоннами в фасадной части, они подпирали карниз, а между ними был вход в здание. Тяжелые дубовые двери с массивными золочеными ручками легко открылись, как только Захар слегка дернул дверь. Он оказался в широком фойе, округлой формы, здесь также были колонны, которые выстроились по окружности помещения, между ними стояли кадки с фикусами. Пол в фойе был выложен плиткой зеленоватого цвета. За стойкой ресепшена стояла кудрявая, светловолосая девушка. Ее завитушки забавно свисали с головы на плечи. Она была одета в белую рубашку, на кармашке с правой стороны приколот бейджик и на нем написано ее имя «Карина».

* * *

Администратор гостиницы «Колос» Карина Вепрева разбирала

записи в журнале регистрации постояльцев гостиницы, когда входная дверь громко захлопнулась. Она подняла голову, выглянула из-за стойки и увидела вошедшего мужчину средних лет, блондина, высокого, красивого, с тонкими чертами лица и короткой русой бородкой, с голубыми пронзительными глазами, мужественными скулами. Он был одет в двубортный приталенный сюртук, черный с золотыми пуговицами, а в руке держал коричневый кожаный портфель. Карина обомлела, устремив свой взор на вошедшего мужчину, которого она сразу узнала, ведь каждый житель Мефодьева, будь он истовым почитателем церкви модо или сторонник ведьмовских ковенон знали этого человека, причем большая часть ненавидела его. Но только не Карина! Захар Зацепин был ее кумиром с детских лет. Видимо и гость заметил восторженное настроение администраторши, суда по тому как насторожено он подходил к стойке.

- Здравствуйте, я бронировал у вас в гостинице одноместный номер.

Сказал Захар, подойдя к девушке, от которой его теперь отделяла только плоская поверхность тумбы ресепшена.

- Вы же Захар Зацепин? Я вас узнала, только на вас брони нет.

Сказала она с восторгом глядя на Захара, он улыбнулся, но сам факт, что его здесь не ждали был неприятен.

- Да вы не беспокойтесь, Захар, номер найдем, сейчас не сезон, постояльцев мало.

- Не сезон? - Прищурился Захар, опираясь локтями на стойку. - А что у вас тут, курорт или какие-то особые достопримечательности есть.

- Ну что вы, какие достопримечательности. Осенью многолюдно - ведьмы съезжаются со всего света. У нас место-то особенное.

- Шабаш? - Насторожено переспросил Захар, заполняя анкету.

- Что вы, какой шабаш. Они как туристы приезжают, отдыхают, по городу ходят, посещают наш храм на кладбище. Общаются.

Зацепин взял ключ от номера, собирался отправиться к себе, но Карина засуетилась, сказала, что проводит его сама. Она выбежала из-за стойки и быстро пошла впереди него, поднимаясь по лестнице на второй этаж. Захар едва поспевал за ней, дивясь такой прыти девицы. На этаже, выполненном в каком-то деревенском стиле (стены коридора были обшиты вагонкой имитированной под бревна) располагалось четыре комнаты для жильцов. Карина открыла дверь второй от

входа, пригласила войти Захара. Это была просторная светлая комната с односпальной кроватью. Он прошел к окну, одернул фиолетовую занавеску. За окном открывался вид на старый парк, темные дубы векового возраста раскачивали свои пышные кроны на ветру. Захар повернулся от окна лицом в комнату, Карина все еще стояла в дверях, радостно улыбаясь.

- А вы тоже ведьма? – Спросил Захар.

Карина махнула рукой и засмеялась:

- Да что вы, какая из меня ведьма. Хотя у меня мама из ковена Ворона, но она говорит, что дара у меня нет.

- Понятно.

Девушка спохватилась, что у нее ресепшен бесхозный, да и гостю надо отдохнуть. Пожелав Захару хорошего дня, она удалилась. Зацепин сложил свои вещи в шкаф, снял сюртук и бросил его на спинку стула. Улегся на кровать, сложив руки на груди. Он немного устал с дороги, но спать не время – надо сходить в епархию, представиться владыке Тиберию, зайти к Буривою, с которым ему, скорее всего, и придется работать. Он услышал странный звук за дверью, будто кто-то катал по полу маленькую тележку. Захар осторожно открыл дверь и посмотрел сначала направо, потом налево и именно с этой стороны он увидел маленького мальчика, лет пяти. Мальчик сидел на корточках, прислонившись спиной к стене коридора, и играл с маленькой машинкой – катал ее по полу, туда-сюда.

- Эй, мальчик, ты чей?

Спросил Захар. Мальчишка вопросительно посмотрел на Зацепина, встал, оперся плечом о стену. На нем был коричневый вельветовый пиджачок, такого же цвета шорты, гетры и лакированные ботиночки.

- Я мамин.

Ответил он, указательный палец его почему-то указывал вниз. У него были пронзительные, большие глаза, круглое, смуглое лицо и чуть вздернутый носик.

- А где твоя мама? – Спросил Захар

- Там. – Мальчик неопределенно махнул рукой куда-то в сторону и убежал по коридору, скрывшись в соседнем номере. Дверь гулко хлопнула. Захар снова отдел сюртук и отправился в епархиальное управление.

В управлении его встретил хмурый охранник в вычурной черной форме с латинскими надписями на куртке, шевронами,

погонами. Нелюбовь к охранникам была похожа взаимной – охранник продержал его на вахте минут десять, проверяя его документ, прогонял два раза самого Захара через рамку. Наконец, пропустил внутрь, но еще долго стоял и смотрел вслед недобрым взглядом.

В приемной Лялечка, увидев Зацепина, кокетливо улыбнулась, давая понять, что совершенно расположена к нему, но все же соблюла все формальности: занесла данные Захара в журнал посетителей, заставила его расписаться в нем. Епископ Тиберий уже ждал Захара. Как только он вошел, еще не успел сложить ладони для благословения, а владыка, встал со своего места и широко открыв руки для объятий, также широко улыбаясь шел ему на встречу со словами.

- А, Захар, давно тебя ждал.

Они обнялись, расцеловались по-монашески, в плечи, после этого владыка наконец благословил Захара щедро перекрестив благословляющей рукой, к которой дал приложиться. Епископ занял свое место в кресле, пригласил присесть и Захару.

- Приехал закрывать нас? – Иронично спросил владыка.

- Ну как можно, владыка, я такой власти не имею. – Тоже пошутил Захар, а епископ Тиберий нахмурился.

- Значит, такие планы в Синоде есть?

Зацепин не хотел говорить неправду епископу, но и правду не мог сказать, поэтому выбрал для ответа более нейтральный вариант:

- Мне поручено посмотреть, как вы здесь живете. – Заявил он.

- Ревизия?

- Я же не чиновник Финансового управления, владыка. Просто поручено посмотреть, как протекает духовная жизнь в епархии.

- Что ж, это хорошо.

Владыка встал, Захар поднялся вместе с ним, они начали прохаживаться по кабинету.

- Видишь ли, Захар, ты у нас уже не первый раз, хорошо знаешь все наши обычаи, поэтому должен понимать, что наша Церковь стоит на страже мира и благополучия. Без нас жизнь всех осложнится.

Владыка явно пытался понять, с какой целью приехал Захар, но почему-то не хотел спросить об этом напрямую. Зацепин смотрел на епископа искоса и наконец, прямо спросил сам:

- Владыка, до нас дошли известия о том, что как раз ваша церковь не справляется со своим главным делом: из Прохода появился гость.

- Мы решаем эту проблему. - Не стал отпираться епископ. - И у вас есть возможность принять участие в одном обряде, с помощью которого мы собираемся решить эту проблему.

Захар печально вздохнул, но владыка этого не видел. Они еще сказали друг другу несколько фраз вежливости, и Зацепин отправился разыскивать Буривого, с которым нужно было согласовать план дальнейших действий.

* * *

В понедельник я уже с раннего утра был на работе в епархии и не торопясь пил чай, поглядывая на угрюмого отца Климента, который стоял у книжного шкафа и что-то там искал. Ждали сотрудника Синодального отдела Захара Зацепина. Так скромно звучала его официальная должность, но на самом деле в Патриархии он имел большой вес. Знающие люди рассказывали, что к нему прислушивался сам Патриарх не только по вопросам миссионерской работы, но и по многим другим. Некоторые его вообще называли «серым кардиналом» Московской Патриархии.

У меня с Зацепиным были сложные отношения. Хотя нельзя сказать, что мы с ним так уж были хорошо знакомы, но нередко пересекались на всяких конференциях и форумах, всегда очень жестко дискутировали. Не могу четко сформулировать мое отношение к нему, но человек этот был мне неприятен. Мне не хотелось, чтобы он приезжал к нам, потому что он всегда был активным противником церкви модо, но после того как было принято решение о проведение сатураты у меня появилась надежда, что именно Захар станет заготовкой во время совершения обряда. Хотя, наверное, это была безумная идея. Заготовка во время сатураты проявляет сочувствие к тому, кто выпустил синтагму и, таким образом, закрывает Проход, загнав ее обратно. Звучало это абсурдно, но сама вера церкви модо была абсурдной по своей сути.

- Вот, нашел! - Сказал отец Климент, потрясая какой-то книжкой.

Он подошел ко мне и положил книжку на стол. Это был «Собеседование с катафатами или молоток» - сборник стандартных аргументов и контраргументов, которые обычно использовали в своих дискуссиях с господствующей Церковью.

- Отец Климент, это же восемнадцатый век. Давно все устарело.

- В целом круг проблем о которых мы все время толкуем остался

неизменным. Поэтому книжечка эта может пригодиться.

В этот момент вошел Захар Зацепин. Он вежливо поздоровался со всеми, взгляд его сразу упал на «Молоток».

- За что же это ты меня «молотком», дорогой Буриной? – Попытался сыронизировать Захар.

- Молотки, палицы, мечи духовные – этот арсенал средневековья вполне подходит под любое время. – Заметил я, вспомнив наши битвы у Прохода.

Вот интересно, понимает ли Захар и все, кто в Церкви-Матери, что вся боевая лексика аскетики имеет в модо буквальное значение.

- Чего приехал?

Несколько грубовато спросил я. Отец Климент в этот момент тактично вышел из кабинета – он тоже недолго любил Захара.

- Видишь ли, Буриной, поступила на владыку жалоба от прихожан.

Это заявление меня сильно удивило, я все мог предполагать: опять дискуссии затеет, семинаристов будет мутить, но, чтобы такая интрига с жалобой прихожан, фу, просто низко.

- Наверняка подделка, Захар, не могут наши прихожане жаловаться на владыку. Это исключено.

С чувством превосходства Захар вынул из кармана сюртука лист бумаги, сложенный вчетверо. Я взял и прочитал:

«Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси.

Жалоба

Ваше Святейшество!

Сообщаем Вам, что епископ Мефодиевский и Соснапнинский Тиберий ведет развратный образ жизни. Держит в качестве секретарши молодую девицу Лялечку. Служит не по уставу Православной Церкви, якшается с ведьмами из ковэна Странник и проповедует модо ересь, осужденную Поместным собором 1988 г». Подписи не было. Анонимка какая-то странная, собор помянут, какая-то чушь про связь Лялечки с епископом. Кто мог написать такую жалобу? Среди наших прихожан таких точно не могло быть.

- Ты же понимаешь, Захар, что это дешевая подделка. Тем более анонимная.

Резюмировал я, возвращая Захару его бумажку. Он, лукаво улыбаясь, сложил документ и снова спрятал его в кармане.

- Что ж, возможно, но реагировать мы должны. Надо все факты проверить

В этот момент в кабинет снова вошел отец Климент. Он слышал последнюю фразу Захара, усмехнулся в бороду, но промолчал. Его отношение к Захару мне было неизвестно. Однако всегда, когда приезжал к нам Зацепин монах демонстративно держался отстраненно и важно. Я посмотрел на часы, которые висели на стене – было 13.00.

- О, обед. Приглашаю, Захар, посетить нашу епархиальную трапезную. - предложил я. Зацепин согласился.

Не в каждом учреждении города была своя столовая. Но наше епархиальное управление может этим похвастаться. И это полностью заслуга владыки Тиберия. Да, питание было не разнообразное, исключительно постное, но зато вкусное. В этот день подавали великолепный гороховый суп, овощной плов и компот. Наш диалог с Захаром начался не сразу, сначала мы просто ели, но потом, когда насытились, Захар откинулся в наслаждении на спинку стула и попивая компот маленькими глотками, будто это виски с превосходством на меня смотрел. Меня это раздражало, но виду я не подавал.

- А теперь, Захар, давай начистоту: чего ты приехал?

- Обратил внимание: в анонимке отсылка на Поместный собор. Тогда вы смогли задурить голову нашему проверяющему Якову Котову. Он вернулся от вас запуганный, застращал архиереев, и они приняли такое неправильно решение. Ну, ничего, предстоящий Собор все изменит.

Теперь стало понятно, зачем его к нам прислали. Проблема официальной церковной власти состояла в том, что она не верила в особый статус Мефодиева и его округи. Не воспринимали реалии Прохода всерьез, а соответственно не признавали необходимость в нашей титанической борьбе. Приходилось это доказывать. Когда приезжал Яков Кротов, мне было восемь лет, поэтому подробностей его визита я не знаю. Тогда правящим епископом был Симон, он уже лет десять как умер, да и состав епархиального управления полностью поменялся с тех пор. Поэтому свидетелей того визита сейчас не осталось, судьба самого Якова мне была неизвестна.

- Вы не хотите принять ту духовную реальность, которая существует здесь.

Сказал я, пережевывая горох. Захар допил компот, скептически улыбнулся.

- Мы вполне принимаем эту реальность. Но какого она свойства, вот в чем вопрос? Вы здесь живете в симбиозе с самыми отвратительными колдунами, фактически полностью поддерживая их деятельность. Это бесовская реальность.

Рассуждения Захара были стандартны, я их слышал и раньше не только от него, но и от других представителей официальной церкви, которые иногда по разным причинам попадали в наш город.

- Это абстрактная реальность. Давай я тебе настоящую покажу. Пойдем к Проходу, вот там реальность.

Захар махнул рукой, демонстрируя свой скепсис. Он почему-то упорно не хотел посетить Свято-Порфириев монастырь, даже просто как паломник. Считал, что мы там просто какие-то галлюциногенные грибы принимаем и других ими поим. Отсюда и все эти видения. Таков был взгляд скептиков.

- Будете блины с грибами. – Обратилась к нам поварихи из кухни.

Неожиданное появление поварихи, тети Жени, отвлекло нас от разговора. Пухлая, румяная старушка приветлива улыбалась.

- Я только что приготовила, будете?

Мы переглянулись с Захаром, в знак согласия, почти синхронно махнули головами, а я сказал:

- Принесите парочку, тетя Женя, мы с удовольствием отведаем ваши блинчики.

Тётя Женя ушла на кухню, оттуда было слышно, как она гремит посудой и нараспев повторяет: «С удовольствиемеееем отведааааем». Была у нее такая забавная привычка – повторять некоторые фразы из предложения нараспев. Через минуту она уже поставила перед нами тарелку с аккуратно завернутыми блинчиками. От них тянуло терпким ароматом грибного соуса. Мы отведали по одному блинчику, еще попили липового чая. И мне захотелось узнать будущее Захара, надо его отвезти к Сибиле, что она скажет. Мы вышли из трапезной в коридор и остановились около вахтерской.

- Ну что прогуляемся? – Предложил я Захару

Он пожал плечами, так выразил свое согласие, и мы направились к выходу, уже почти открыли дверь, как меня окликнул отец Климент. Он стоял на лестничной приступочке, вид у него был какой-то странный, я таким растерянным монаха никогда

не видел. Я подошел к нему. Отец Климент, протягивая мне голубенький конверт пролепетал:

- Это тебе передали.

Взяв конверт, я заспешил к выходу, на ходу спросил: «А кто передал?» и монах ответил, что это его брат. Я почти сразу забыл об этой информации, догоняя Захара, который быстрым шагом ушел вперед. Был прекрасный день, мы шли по главной улице города, все больше отклоняясь на более тихие периферийные проулочки и вскоре оказались недалеко от дома Позвизда и Сибила. Я успел их предупредить, что мы приходим, и они уже нас ждали. Когда я предложил забежать в гости к моим друзьям, Зацепин ничего против не имел. Он оказался галантным кавалером – когда мы вошли к Порогиным, нам навстречу из-за стола поднялась Сибила, Захар любезно поклонился и поцеловал ей руку. Позвизд усмехнулся. Было от чего: надо было видеть вытянувшееся лицо Захара, когда я сказал, что Позвизд и Сибила потомственные колдуны. Позвизд поднял обе руки, будто сдавался и в шутку сказал: «Я не практикую!»

- Не пугайтесь, любезный Захар, мы не кусаемся, присаживайтесь за стол, будем пить чай. – Сказала Сибила и взяла его за руку, подводя к столу.

Я видел, что в тот момент, когда она коснулась руки Захара, лицо ее на мгновение омрачилось. Наверняка что-то видела о Зацепине в будущем. Между ними завязалась беседа, пока они говорили, я отошел в сторонку и достал письмо, которое мне передал отец Климент. На листе бумаги было написано: «Должны живые мертвым помогать». А также время 16. 15 и место – недостроенный католический храм. Между Захаром и Сибилой завязалась беседа, я не вслушивался, но кажется, Захар пытался убедить ее в том, что связь церкви с колдовством противостоит естественна, цитировал по этому поводу Священное Писание, Сибила с ним соглашалась, но говорила в том духе – что сделаешь, что есть, то есть. В Мефодиеве, мол, иначе не получается. Захар начал горячиться, высказывался по поводу того, что чем наш Мефодиев ничем не отличается от других городов. Сибила грустно улыбнулась и ответила ему:

- Мы понимаем, что ничего не понимаем.

Позвизд все время угрюмо молчал, но на этой фразе вдруг вскочил, извинился, сказал, что ему надо идти преступников ловить и ушел. Каких это ему преступников понадобилось ловить? А мне надо было вернуться в епархию, переговорить с отцом Климентом. Я сказал Захару, что еще увидимся, и

побежал в управление. Надо было узнать у монаха, откуда у него письмо, что это за брат такой. Можно было бы позвонить, но отец Климент принципиально не признавал никаких сотовых телефонов.

Монаха я встретил на выходе из епархии, он собирался идти в домовый храм, готовиться к службе. Сегодня была его черед. Я пристроился рядом с отцом Климентов, также неторопливо побрел к храму. Тот самоуглубленно молился. Наконец, он обратила на меня внимание, поднял свои светлые глаза, в них был немой вопрос о том, что я от него хочу в такой ответственный час перед совершением богослужения.

- Отец Климент, кто дал тебе эту записку?

Монах как-то заволновался, будто я спросил у него о чем-то совершенно невозможном, но все же ответил:

- Брат мне его дал, я же тебе говорил уже.

- Ты мне про брата своего никогда не рассказывал. – Не унимался я.

- А чего о нем рассказывать, он умер десять лет назад.

Я остановился в растерянности. Отец Климент также приостановился и не понимающе смотрел на меня.

- Чего ты так удивлен? Ожившими почемуто, другими чудесами нашей чудотворной земли ты не удивлен, а факт оживления моего брата тебя шокировал.

Мы снова пошли к храму, несколько работников встретившихся нам на пути благословились у отца Климента, а сторож-вахтер со своего места с подозрением за нами наблюдал.

- Он давно умер, но наверняка от него еще осталась какая-то органика – размышлял монах – думаю этого достаточно для синтагмы, чтобы восстановить его плоть.

- Ты думаешь, что она восстанавливает только плоть?

- Конечно, иначе как: душа ведь ей не подвластна.

Мы уже подошли к храму, который располагался в другом крыле епархиального управления на третьем этаже и отец Климент отправился на службу. Поразмыслив я пришел к выводу, что, пожалуй, в рассуждениях монаха есть свой резон, во всяком случае, становится понятным чего так синтагма хочет обосноваться в нашем мире. На часах уже было 15. 45, надо было выдвигаться к месту встречи. Я пришел в недостроенный храм раньше минут на пять. Даже без крыши храм всегда

сохранял прохладу знойными днями. Все потому, что его плотно окружали вязы. Но сквозь листву все равно просачивались лучи солнца и солнечные зайчики играли на стенах. Я прислонился к колдовскому алтарю, сначала услышал шипение, которое было похоже на змеиное, оно будто исходило с разных сторон храма и постепенно приближалось ко мне. Но я по-прежнему никого не видел. Вдруг за спиной моей кто-то сказал:

- Хорошо, что ты пришел.

Голос был приятный и знакомый, я хотел обернуться назад, чтобы посмотреть, кто там, но она уже была рядом со мной, я ощутил ее прикосновение к моей руке. Это была синтагма. Конечно в обычном своем человеческом облике, такой как я ее видел, когда выпустил – худенькой, испуганной девочкой с глазами полными страданий.

- Меня Даша зовут. Это я велела брату отца Климента написать тебе записку. – Сказала она.

Ну наконец-то я знаю ее имя, а то все синтагма и синтагма.

- Ты неплохо выглядишь. – Похвалил я ее.

- Это только твое воображение, которое я использую, чтобы скрыть мой истинный облик. К сожалению, у синтагмы мало возможностей выбрать себе плоть. Наша святая земля дает мне только такую форму.

Она грустно вздохнула, сложила руки на груди, а я представил ее в виде жирного то ли червя, то ли змеи с ужасным количеством острых клыков в огромной пасти.

- Чего ты хочешь, Даша? Зачем ты меня позвала?

- Хочу, чтобы ты меня любил. – С полной серьезностью сказала она

Я усмехнулся, и она заметив это с возмущением воскликнув:

- Ты ведь меня зачем то отпустил!

Это уже начинало меня раздражать. Да, освободил, пожалел, проявил сострадание, сделал то, что делать истинному последователю церкви модо было нельзя. Второй раз встречаясь с ней после ее освобождения я, наконец, спросил ее о главном:

- Разве возможно выпустить вас всех сюда? Что вы тут будете делать? Мы не можем допустить, чтобы жители ада переместились на землю!

Моя короткая речь, состоящая по преимуществу из вопросов, почему-то рассмешила Дашу, она истерически хохотала и сквозь

смех говорила:

- Так ты считаешь, что мы все из ада? А вы значить стоите со своими монахами на страже, не пуская его обитателей на землю?

Она вдруг перестала смеяться, мгновенно изменилась, снова став толстой, безобразной змеей-червем, но при этом лицо ее оставалось человеческим. Она обвилась вокруг алтаря, прижав меня к нему и заглядывая мне в глаза заговорила:

- Пойми одну простую вещь и вы, живые, и мы мертвые, живы только до тех пор, пока хотя бы часть нас есть на земле. Ведь от нас что-то остается не только в могиле, но и в течение всей жизни. Но только здесь, на этой святой земле мы имеем возможность снова обрести себя материально. Там в Проходе не те, кого вы называете изгоями, там все. Нет рая и ада, есть только вот это плохое место, где после смерти все живут и, поверь, там плохо, очень плохо, потому что ни один человек на земле не заслуживает прощения. Но Мефодиев дает нам шанс, снова жить. Так не препятствуйте нам!

«Ничего себе!» - подумал я, вглядываясь в ее лицо, которое я все никак не мог раньше рассмотреть, даже тогда, когда первый раз встретил ее в монастыре и потом, когда отпустил. У нее было очень красивое лицо с тонкими почти прозрачными чертами, пленительные губы, чуть чуть раскосые глаза, кажется ад почти никак не отразился на ее внешнем виде, вот только тело у нее теперь отвратительное, однако такое дала наша святая земля. Все время я старался определиться, да так и не смог, и даже теперь я сказал Даше, то, что должен, как слуга Церкви, а не то, что думаю сам.

- Это невозможно.

Лицо Даши исчезло на его месте образовалась тупая головка змеи с острыми акульими зубами. Синтагма снова обернулась вокруг алтаря и выползла через отверстие в стене недостроенного храма.

* * * *

Когда Буриной так неожиданно ушел, толком ничего не объяснив, воцарилась полная тишина. Отец Климент склонившись над столом, делал вид, будто в кабинете, кроме него никого нет. Монах этот всегда раздражал Захара, он ему казался неискренним и лживым, больше притворяющимся, чем благочестивым монахом.

- Отец Климент, а как вы на это все смотрите?

- На что? - Не понял монах.

Захар пытался правильно сформулировать свою мысль, так, чтобы отец Климент воспринял ее со всей ответственностью, пониманием того, насколько важно все, что он ему скажет и чтобы он это принял.

- В Синоде уже есть решение о смещении епископа Тиберия. Патриарх пока не подписал, и все будет зависеть от того, что, по возвращении ему расскажу я.

Отец Климент, поднял голову и внимательно посмотрел на Захара, в его глазах ему сквозила крайняя заинтересованность, хотя это можно было воспринять и просто как любопытство.

- И вы понимаете, кого на место Тиберия назначат.

Зацепин сделал глубокомысленную паузу, чтобы монах осознал всю важность того, что сейчас происходит.

- Ваша кандидатура наиболее приемлемая. Но опять-таки все будет зависеть от того, с каким ответом от вас я приеду в Москву и от того, что я здесь увижу.

Отец Климент молчал какое-то время, потом спокойно спросил:

- Захар, ты меня купишь, что ли хочешь?

- Что вы, отец Климент! – Притворно рассмеялся Зацепин.

Монах углубился в чтение какого-то текста с монитора, на время потеряв интерес к Захару, а тот терпеливо ждал, зная, что просто, таким образом, отец Климент собирается с мыслями. Действительно вскоре он перестал пялиться в монитор и заговорил:

- Ты хочешь, чтобы мы присоединились к официальной Церкви? Но мы и есть Церковь, мы община, оказавшаяся в необычном месте, с необычными свойствами. Для того, чтобы нам здесь жить, мы вынуждены придаваться крайнему аскетизму, вплоть до отрицания возможности существования Бога.

- Вы просто еретики! – Перебил отца Климента Захар, и горячо заговорил – Ваше учение чудовищное богохульство, вы якшаетесь с ведьмами, участвуете в каких-то богомерзких обрядах и воображаете, что боретесь с призраками ада.

Отец Климент махнул с досадой рукой, будто отгоняя надоевшую муху.

- Ты говоришь о своей вере, и не верите в то, что здесь, у нас происходит. Ваша вера пустое, в ней нет силы способной спасти нас. Так зачем же нам присоединяться к вам? – Заключил монах.

Он снова сердито погрузился в чтение какого-то текста. Разговор их был окончен, и Захар не прощаясь вышел из кабинета. Под недружелюбные взгляды охранника он покинул епархиальное управление и направился в семинарию, нужно было еще переговорить с тамошним руководством. Отца Азарию он застал в трапезной за обедом. Он поблескивал своей зеркальной лысиной и ел суп. Увидев Захара он расплылся в улыбке, отложил ложку и встал ему на встречу, протягивая руку для приветствия.

- Захар Петрович, может отобедаете со мной? – Предложил он

Но Зацепин отказался, сославшись на то, что он уже пообедал в епархии.

- Там не так вкусно готовят. У нас все по нормативу, есть и мясо и рыба, а там, что с приходов привезут из того и готовят. А привозят одну картошку да овощи, еще хлеб.

Захар терпеливо выслушивал болтовню проректора, соображая, как приступить к выполнению своей миссии в семинарии. С монахом план провалился, хотя и ожидаемо, но в семинарии может все получиться. Наконец, поток слов, который извергал отец Азария, остановился, или в нем наступила пауза, этим воспользовался Захар, вставив и свое предложение:

- Отец Азария, нам надо поговорить по очень важному делу не в обстановки трапезной.

Проректор доел суп и предложил пройти к нему в кабинет. Здесь все было обставлено с особым комфортом: мягкие диваны, пуфики, в углу стояла удобная кровать, на ней горка подушек и одеяло. Заметив взгляд Захара, проректор пояснил:

- Приходится нередко ночевать в семинарии, то отчет торопимся доделать, то над учебными программами работаем, да мало ли что еще

«Рассказывай теперь, просто домой, видать, не особо тянет тебя» - мелькнула в голове у Захара мысль. Но он любезно улыбнулся, снисходя к слабостям проректора. Отец Азария пригласил его занять место за столом, сам уселся в кресло проректора, суетливо перекладывая на столе с места на место папки.

- Тут у меня небольшой беспорядок, ждем комиссию из Учебного комитета. – Оправдывался отец Азария.

- Кто приедет? – Из вежливости поинтересовался Захар

- Отец Каспер Козлов.

- Ну конечно, мы с ним не раз пересекались в Академии, милейший человек и преподаватель хороший, он очень чуток, я думаю все будет у вас хорошо.

Отец Азария состроил какую-то ужимку на лице развел руками, мол да такова наша судьба семинарская, а вслух сказал:

- Владыка очень заботится о нашем рейтинге. Он, конечно, не требует от нас, чтобы мы были в первых рядах, но в середине обязательно.

«Что за идиотское имя Каспер, из каких святцев он его взял» - снова подумал Захар, вслух сказал.

- Может, и Ольгу Валерьевну позовем?

Отец Азария не сразу отреагировал на это предложение, он будто был озабочен какими-то своими мыслями, но все же сказанное Захаром, наконец, проникло в его мозг. Он закивал: «Да, да надо пригласить». Позвонил по внутреннему телефону и вскоре Земинухина уже сидела в кресле напротив Зацепина улыбалась своим большим ртом с пухлыми губами.

- Я давно говорила отцу Азарии, что нужно пересмотреть догматику церкви модо и полностью перейти под омофор нашей Матери-Церкви. - Прямо без обвиняков заявила она.

- Да, но соглашение. Мы же не можем его просто так отвергнуть. Там все по пунктам прописано: мы верим в то, что сдерживаем исходящее из Прохода и прочее.

Это уже возразил ей отец Азария. Он был несколько рассеян. Вообще у Захара складывалось впечатление, что проректору совершенно безразличны догматические вопросы. Возникла непредвиденная пауза, несколько разрядила ситуацию Ольга Валерьевна.

- Может кофе?

Она вопросительно посмотрела на Зацепина, тот пожал плечами, но Земинухина уже стояла около кофейного столика и сыпала зерна кофе из пакета в кофемашину. Пока она там колдовала над кофе, проректор сообщил Захару:

- Мы с Ольгой Валерьевной не разделяем апофатические взгляды нашего владыки, да и всех модистов. Но вы знаете, сколько здесь фанатиков? Я боюсь, что может произойти раскол.

Земинухина, поправив юбку рукой, присела за стол, одновременно поставив перед Захаром чашку с кофе, а сама свою чашку держала на блюдце и отпивала маленькими глоточками, как-то странно поглядывая на Зацепина. Он не обратил на это

внимание, с вожделием смотрел на ароматное эспрессо, которое очень любил.

- Ну, что ж, с фанатиками мы как-нибудь справимся – он отхлебнул глоточек и продолжил – Главное чтобы...

Захар не договорил фразу, глаза его вдруг остекленели, он икнул и медленно завалился на бок, откинув голову на спинку кресла. Ольга Валерьевна поставила чашку на стол, подошла к Захару, посмотрела ему в лицо:

- Все, спит. – Сообщила она.

Отец Азария удовлетворенно кивнул и нажал кнопку под столом, тотчас явились два крепких семинариста.

- Несите его в подвал. – Приказал им проректор.

Ребята подхватили обездвиженное тело Захара под руки и за ноги, потащили к выходу. Отец Азария с каким-то отвращением посмотрел им вслед, пока не захлопнулась дверь, он вытирал руки мокрой салфеткой, которую в раздражении бросил в мусорное ведро.

- Никогда мне не нравился этот заносчивый тип. – Сказал он, усаживаясь в кресло.

Земинухина спокойно пила кофе мелкими глотками, а проректор продолжал высказывать свое раздражение:

- И что это за манера воображать, что ты знаешь истину? Это мне не нравится вообще во всех наших православных собратях. Мы ничего не знаем, вообще ни о чем. А они воображают, что могут убедить нас в обратном.

Ольга Валерьевна убрала пустые чашки на поднос, который собиралась отнести в туалет, чтобы помыть. Но прежде чем уйти она спросила:

- Отец Азарий, вы уверены, что мы поступаем правильно?

Проректор на некоторое время задумался, но все же твердо ответил:

- Ольга Валерьевна, у нас нет другого пути, Захар должен пройти через это, иначе нам не выжить.

Семинаристы оттащили спящего Захара в лифт, спустились на нулевой этаж и бросили бесчувственного Зацепина в подземный каземат. Семинарское здание располагалось в бывшем архиерейском доме. Первый этаж и обширный толстостенный подвал, которого сооружены еще в XVIII в. когда - то служили местом заключения провинившегося духовенства,

непокорных ставленников. Их в кандалах держали здесь долгие дни по приказу Мефодиевского епископа Антипатра.

Захар проспал несколько часов, пробуждение было тяжелым, болела голова, мышцы ягодиц (Захар не знал, что семинаристы, когда бросили его в подвал, попинали его от души по жопе). Когда глаза его привыкли немного к темноте, он стал различать сферические кирпичные потолки, наверху были небольшие окошки, заделанные цементным раствором, оставалась только небольшая щель на самом верху, из нее и проникало немного света в каземат.

- Вот сумасшедшие ублюдки!

Прорычал Захар, вставая на ноги. Он сначала осмотрел стальную дверь, но она держалась еще крепко на стальных петлях, хотя уже изрядно поржавевших. Тогда он стал шарить по окнам, пытаясь раскорябать раствор, поломал ноготь, в одном окошке обнаружил, что раствор крошится и сыпется. Захар вспомнил, что у него был в кармане небольшой перочинный ножик. Он достал его и начал торопливо счищать раствор, вскоре добравшись до кирпича, который легко вынул, за ним другой и третий. И вот уже вполне большое окошко, через которое яркий солнечный свет проникал в камеру. Захар начал карабкаться вверх, в предвкушении свободы, но когда выбрался, обнаружил, что он оказался не на улице, а в большом ярко освещенном помещении.

Он едва выбрался из окна, отряхнул, как мог, брюки, и свой сюртук от пыли и огляделся. Помещение вытянутое, прямоугольное, стены задрапированы белым шёлком и черными лентами, а посреди этого помещения стояли две скамьи, на которые обычно ставили гроб во время отпевания. «Да это что-то вроде часовни, где отпевают покойников. Подпольный заработок у отца-ректора о котором, скорее всего не знает владыка Тиберий» - подумал, усмехнувшись, Захар. Но надо было выбираться и отсюда. Он огляделся - стены были задрапированы от потолка до пола. Захар начал поднимать шелковую материю вверх в поисках двери, но обойдя всю комнату трижды не обнаружил ничего, что хоть как-то напоминало ее - лишь ровные, оштукатуренные и покрашенные стены. Однако в одном месте он все же нащупал щель под самым потолком, туда он даже просунул мизинец, но было неудобно приходилось подниматься на цыпочки, чтобы чуть дотянуться до потолка. Захар взял одну из лавок, которая предназначалась как подставка для гроба. С помощью нее он теперь устойчиво стоял и быстро перочинным ножиком расковырял щель между потолком и стеной. Через нее полился

свет в помещение, и ему удалось разглядеть основание елей, которые росли недалеко от въездных ворот. Значит, помещение находится на уровне с землей, а не на поверхности.

Захар снова вернулся к окну, через которое он попал в этот погребальный зал. Пришлось карабкаться назад, в подземелье. Когда лез в обратном направлении, зацепился за какой-то крюк штаниной, перевернулся, порвал ее и грохнулся на каменный пол, больно ударившись головой. Почесывая ушибленное место, Зацепин снова стал ощупывать дверь, обнаружил все же слабое ее место – верхняя петля расшаталась в своем пазу, и Захар стал активно ее шатать, наконец, она вывалилась, глухо ударившись об пол. Дверь перекосилась, появилась щель, Захару осталось только повиснуть на ней, чтобы расширить эту щель до такого уровня, чтобы в нее пролезть. Он оказался в небольшом, тесном коридорчике, каменная лестница вела наверх. В сердце Захара затеплилась надежда и он, что есть сил побежал наверх, перепрыгивая через ступеньку, но лестница была какая-то бесконечная. Он все поднимался, поднимался, а выхода не было. Наконец, он, запыхавшись, остановился и оглянулся назад, полагая, что там, позади, он оставил бесконечную лестницу – так оно и было, лестница уходила вниз и терялась во тьме. Но он уже достиг двери на выход. Приоткрыл ее, осторожно выглянул и понял, что оказался в холе нулевого этажа. Он его хорошо помнил, потому что на нулевом этаже находилась трапезная. В холе было пусто, звуки семинарской жизни доносились откуда-то сверху. Захар отряхиваясь от пыли устремился к парадному входу, где за стойкой на диванчике дремал вахтер. Он не обратил внимание на Захара, только слабо махнул рукой на журнал записи посетителей, давая понять, что там надо отметить об уходе из семинарии. Зацепин поставил время и расписался, и вот он снова за пределами семинарии. Захар не стал мешкать, помчался к гостинице, думая только об одном: собрать вещи и уезжать отсюда поскорее, чтобы раз и навсегда покончить с модо, а семинарию просто закрыть. За Захаром в окно из своего кабинета, попивая чай из любимой кружки, наблюдал отец Азария. Он улыбался, каждый раз, когда Захар спотыкался, падал, потом вставал и испуганно озирался.

- Он напуган.

Сказала Земинухина, вошедшая в кабинет с какой-то папкой под мышкой. Она поставила папку на полку в книжном шкафу, также подошла к окну, встала рядом с проректором.

- Как вы думаете, Ольга Валерьевна, мы смогли достигнуть Глубины?

Земинухина пожала плечами, будто не зная ответ, но скорее всего, догадывалась.

- Не знаю, батюшка, но подвал еще никого не оставил абсолютно равнодушным. Посмотрим, как у него дело в гостинице пойдет.

Проректор поставил пустую чашку на стол, накинул рясу и велел вошедшему в кабинет семинаристу:

- Скажи Виктору Петровичу, чтобы приготовил машину. Поедем в «Черную лилию».

А Захар спотыкаясь, падая, еще больше пачкая свой великолепный сюртук, брюки добрался до гостиницы в полном гневе, что для него было несвойственно – он всегда контролировал эту эмоцию. Девушка за ресепшеном, увидев Захара, никак не определила своего отношения к его внешнему виду, она отдала ключ Захару от номера и спросила:

- Может ваш сюртук отдать в химчистку?

Зацепин осмотрел свое отражение в зеркало и согласился с предложением администраторши – снял сюртук и положил на стойку, а сам отправился к себе. Он вдруг почувствовал усталость, захотелось спать. Только сейчас осознал насколько все произошедшее в семинарии эмоционально его потрясло. В коридоре, на этаже все также было тихо. Мягкие красные дорожки гасили звуки шагов, а от ботинок Захара остались грязные следы. Он обратил на это внимание, когда открывал дверь. Поморщился с досады – никогда не люби оставлять за собой грязь и, оказавшись в номере, включил свет в туалете и стал искать тряпку, однако ничего не было даже близко похожего. Захар вышел из туалета в комнату, огляделся, на столе лежала упаковка влажных салфеток. Он вынул парочку и отправился вытирать следы от своей грязной обуви. Ползая по полу, Захар не заметил, как к нему подошел тот самый мальчик, которого он встретил утром. Сначала он увидел зеленые сандалики, гольфики, подняв голову от пола, встретился взглядом с мальчиком. У него были зеленые глаза, он улыбался и протягивал Захару небольшой резиновый мяч.

- Давая поиграем. – Предложил он

Захар согласился и занял место в воротах прямо в коридоре, от стены до двери номера. Мальчишка довольно ловко пинал мячик и каждый раз, когда Захар не мог его поймать и пропускал гол, искренне радовался, хохотал от всей души. Захар настолько увлекся игрой, что когда его окликнула девушка-администратор, не сразу обратил на нее внимание.

- Захар, что вы здесь делаете?

Она смотрела на него обеспокоенно, как на сумасшедшего, а он на нее, снизу вверх, стоя на коленях, посреди коридора и глупо улыбался.

- Мы играли, вот с Николаем.

- С каким Николаем?

- Ну, мальчик, лет пяти. – Недоумевал Захар, озираясь по сторонам.

Администраторша с усмешкой на него смотрела, полагая, что он пьяный.

- Нет тут никакого мальчика, Захар.

Зацепин поднялся на ноги, отряхнул колени, вид у него был беспомощный.

- Он говорил, что они тут в соседнем номере живут с мамой. – Попытался объяснить Захар.

- На этаже только вы один живете. Нет тут никакого мальчика с мамой.

Администраторша внимательно рассматривала его, взяла его руку, начала считать пульс.

- Пойдемте, Захар, вам надо прилечь. – Предложила она.

Они зашли в номер, Зацепин покорно лег на кровать, а администраторша нажала ему в стакан корвалола, он выпил. Откинулся на полушку и закрыл глаза. Она присела на кровать у него в ногах, держала пустой стакан в руке и размышляла вслух:

- Раньше в этом здании располагалась гинекологическое отделение второй горбольницы. Будущие мамочки часто здесь лежали на сохранении. Те, у кого были сложные случаи. Кто-то терял здесь ребенка в преждевременных родах. Так что, вы, скорее всего, общались с нерожденкой, в наших местах это возможно, тем более, после появления синтагмы.

Девушка ушла, а Захар уже не мог спокойно лежать на кровати. Ему казалось, что все сказанное, все произошедшее с ним в Мефодиеве за последние сутки какой-то бред. Он сидел на кровати и смотрел в окно. Зацепин вспомнил эпизод своей жизни. Который ему казался таким далеким, что будто и не бывшим никогда. На заре своего пути в Церковь, когда он еще совсем молодой сознательно принял крещение и одухотворенный новыми силами активно вспахивал ниву

христианского просвещения, перед ним, как ему казалось, встал главный вопрос: каким путем ему идти – монашество или брак. Не чувствуя склонность к первому, он выбрал второе, но неудачно. Брак вскоре распался не став основанием домашней Церкви. Одной из причин этого стала та трещина, которая образовалась между ним и женой, после того, как они потеряли ребенка. Он умер, не родившись, еще в утробе. После этого они оба стали отдаляться друг от друга, в конце концов брак распался. Захар погрузился с головой в миссионерскую работу и, хотя годы его еще были далеко не старческие, он твердо решил, что больше узами брака себя связывать не будет.

Он встал с кровати, снял жилетку, бросил ее на спинку стула, который стоял рядом с кроватью. Ослабил верхнюю пуговицы рубашки, зашел в ванную комнату и плеснул холодной водой в лицо. Захар услышал, что кто-то скребется в дверь. Он открыл ее, на пороге стоял Коля. Мальчик, увидев Захара, улыбнулся и сказал:

- Пойдем, я покажу тебе еще одну игру.

Захар поплелся за мальчиком. Но в коридоре его потерял. Точнее он исчез, будто его и не было. Но стоило Захару вернуться к себе в комнату, как снова раздался стук в дверь и Коля опять стоял на пороге. На этот раз Зацепин впустил его в комнату, сказав:

- Давай тут играть.

И они играли: в мяч, в ладушки, прятки (Коля прятался за шторы, в ванной и прочее). Уже наступил вечер, Коля утомился, сказал, что пошел к маме и исчез. Захар осторожно выглянул в коридор, осмотрелся – пусто. Он спустился вниз, к ресепшену. Карина дремала за стойкой, но как только услышала шаги Захара взбодрилась и на ее лице изобразилась дежурная, привлекательная улыбка. Зацепин подобрался к стойке, тяжело оперся на нее, затравленно озираясь по сторонам сказал Карине:

- Ты мне должна помочь.

Лоб Вепревой собрался маленькими морщинами, она изобразила на лице само внимание:

- Да, Захар, я само внимание.

- Как мне избавиться от этого мальчика?

Лицо Карины приобрело прежнее располагающее ни к чему не значащему общению выражение. Она кивнула головой и заверила Захара:

- Конечно, я вам помогу.

* * *

Отец Азария и Ольга Валерьевна уже давно были вампирскими сосками. Это был своеобразный симбиоз вампира-адаптера и человека. И первый, и второй получали то, что им было нужно: человек наслаждение, вампир питание для себя и синтагмы. Но был один побочный эффект для человека: он навсегда становился зависимым от своего кровопийцы и ничего не мог с этим сделать. При этом, чем чаще сосал человека вампир, тем больше он толстел. Поэтому раз в три месяца администрации семинарии необходимо было проходить через процедуру ментального омоложения.

Директор «Черной лилии» встретил машину отца Азарии у ворот кладбища. Он помог ему выйти, любезно подхватив под руку.

- А Ольга Владимировна где? – Поинтересовался он.

- Она будет попозже. Все готово?

- Да в главном ритуальном зале, все как нужно приготовлено.

В сопровождении Эрика отец Азария направился к зданию бюро. По обыкновению своему, он впал в философские размышления, перед тем, как пройти процедуру.

- Вот, Эрик, знаешь я что думаю?

- И что, отец Азария?

- Человечество на планете живет уже не один миллион лет. Сколько поколений людей умерло за это время, стало землей, а ведь помимо людей существует миллионы тонн другой органики, которая превратилась в землю. Мощный слой земли и особенно толстый он в нашем районе. Поэтому, наверное, у нас так все животворно.

К чему он это говорил, было непонятно, да и Эрик не вникал в болтовню отца Азарии. Они добрались до главного входа ритуального бюро, священник, презрительно поглядывая на ряд гробов, крестов, венков и прочих атрибутов кладбищенского мира, расположившихся вдоль длинной стены вестибюля, шел за широко шагавшим директором бюро. Они дошли до самого дальнего и большого зала, Эрик остановился, достал ключи из внутреннего кармана пиджака и открыл стальную дверь. Она бесшумно отошла в сторону и взору предстал большой зал с окнами с обеих сторон, занавешенными голубыми шелковыми шторами. Через материю штор скупно проникал свет с улицы в зал, создавалось ощущение, что в зале царит голубоватый

туман. Пол в помещении был выложен черной и белой плиткой до блеска отполированной.

Зал был совершенно пуст, только посередине на небольших возвышениях стояла два гроба, драпированные черным бархатом. Эрик и отец Азария подошли к этим гробам. Священник с каким-то трепетом, отобразившемся на его пухлом лице провел рукой по внутренней белой обивке, помял маленькую подушечку.

- Прекрасно! – Сказал он и стал раздеваться.

Снял рясу, серые брюки и рубашку. Под ними обнаружилось довольно сильно оплывшее белое тело. Брюшко свисало жировыми складками, большие груди были оттянуты вниз и лежали на верхней части живота. Отец Азария, несмотря на свою неуклюжесть, довольно проворно влез в гроб и улегся там. В этот момент скрипнула и хлопнула входная дверь, в зал вошла, запыхавшаяся Ольга Валерьевна. Она на ходу снимала оранжевый пиджак, а когда подошла к гробу быстрым движением сняла зеленое платье через голову. У нее было точно такое же как у священника оплывшее тело, с каким-то уродливым намеком на былую талию.

- Простите, я немного припоздала. Такси задержалось.

- О, вы не на маршрутке ехали? – Раздался из гроба голос отца Азари.

Земинухина прыгнула во второй гроб, сложила руки сначала вдоль тела, потом на груди и снова вдоль тела. Опять скрипнула входная дверь, в зал вошел работник похоронного бюро. Он нес в руках два полных ведра с могильной жидкостью. Работник вылил жидкость из ведер в гробы. Эрик, наблюдавший за этим процессом с невозмутимым спокойствием, сказал:

- В жидкость я добавил лавандового масла, как вы любите.

- Да, это чувствуется. – Отозвался отец Азария, а Ольга Владимировна жалостливо хрюкнула.

Рабочий бюро взял крышки от гробов, стоявшие прислоненными к стене между окон и накрыл ими гробы. Эрик посмотрел на свои часы, сказал рабочему: «Через час их разбудишь» и вышел. На этот раз он не стал проходить коридором, а просто вышел через боковую дверь во двор, который отделялся от кладбища небольшим забором из камня. Здесь его ждала Карина.

- Как наш клиент? – Спросил у нее Эрик.

- Он уже готов. Захар спрашивает, как ему избавиться от мальчика.

- Быстро он дошел до нужной кондиции. Не ожидал, всего понадобилось ему чуть больше суток прошло, как он к нам приехал, а уже не хочет общаться со своим сыном, пускай даже он и нерожденка. А в свое время так убивался, потеряв его.

Карина равнодушно слушала его, в сущности ее мало интересовали все эти подробности о семейной истории Зацепина, она просто выполняла приказ главы своего ковена, которая просила поселить Захара Зацепина именно в номере, связанном с нерожденкой. А когда Захар захочет избавиться от него, сообщит Эрику Котову об этом.

Эрик опусти руку во внутренний карман своего пиджака и достал небольшой кинжал в кожаных, изящных ножнах украшенных гравировкой змейки. Он вынул кинжал из ножен, полюбовался обсидиановым клинком, снова вложил его в ножны и отдал Карине.

- Вот, отдашь его Захару. Скажешь, что именно им надо воспользоваться во время сатураты. Как, он поймет сам. Ты, главное объясни ему, что делать во время церемонии.

Карина приняла кинжал как святыню, приложив ко лбу, и спрятала в сумочке. Когда она вернулась в гостиницу, то застала Захара спящим в своем номере. Карина, чтобы войти в номер воспользовалась запасным ключом. Она тихо присела на край постели, ожидая пробуждения Захара. Тот ворочался с боку на бок, скрежетал зубами, видно ему что-то снилось неприятное. Наконец он проснулся. Недоуменно посмотрел на Карину и спросил:

- Ты как здесь?

Она в ответ потрясла кинжалом в ножнах и положила на кровать рядом с Захаром.

- Что это? - снова спросил он.

- Это твой шанс избавиться от нерожденки. Скоро мы будем проводить обряд сатураты, это что-то вроде изгнания злых духов. Так вот если во время церемонии, ты с помощью этого кинжала прольешь хоть каплю крови на землю, то нерожденка исчезнет навсегда.

Зацепин скептически посмотрел на Карину, усмехнулся, откинулся на подушку.

- С чего ты взяла, что я хочу избавиться от него? Может, наоборот, у меня появился шанс, наконец, обрести сына.

- Ладно. Это твое дело.

Карина приветливо улыбнулась и ушла. Захар слышал, конечно, об это обряде церкви-модо, но подробностей не знал. Поучаствовать было бы в нем любопытно, значит надо договориться с Буревоем.

* * * *

Я находился подвале епархиального управления, когда завхоз позвала меня, сказав, что меня ждет посетитель. Было досадно, отвлекли от любимого моего дела, подбирать косачи к предстоящей церемонии сатураты. Косачи — это кривые ножи, переделанные из обычных кос. Орудие смертоносное и очень удобное. Я на сатурату всегда брал два косача: один во время битвы поворачивал кривым лезвием вперед, а другой назад.

После того как меня позвала завхоз, я помедлил еще несколько минут подбирая косачи. У нас в арсенале их было несколько сотен, из разных эпох и сделанные разными мастерами. Были примитивные, роскошно инкрустированные, с гравировкой, памятные. Я отобрал два косача конца XIX в. мастера Угрюмова. Прекрасные образцы. Заткнув их за пояс поднялся вверх. Меня в коридоре ожидал Захар Зацепин, какой-то озабоченный. В епархии было шумно, людно. На сатурату съехалось почти все духовенство епархии. Суровые, бородатые отцы, в подрясниках и кольчугах ходили туда и сюда по коридору, негромко разговаривая. Но от шарканья по полу ног, лязга разного холодного оружия, тихих разговоров стоял в епархии шум, будто в разворошенном улье.

- Готовитесь. - Не спросил, а утвердительно сказал Захар. - Поговорить надо, а здесь шумно.

- Пойдем в кабинет к нам. - Предложил я.

В кабинете отец Климент пил чай с сушками. Когда мы вошли, он нахмурился, усы его смешно дергались, когда монах откушивал сушку и разжевывал. Захар сел на стул, который стоял рядом со столом, вынул из кармана кинжал в ножнах и положил на стол передо мной.

- Это дала мне Карина, администратор из гостиницы. Она сказала, что с помощью этого я смогу избавиться от ребенка-призрака.

- Призрака? - Не понял я.

- Нерожденка! От нерожденки избавиться. – Раздразнился Захар, удивляясь моей непонятливости.

Зацепин явно был сильно взволнован, а я никак не мог в толк взять, каким образом он сможет вытащить из Прохода своего нарождённого сына.

- Буривой! – Не удержался отец Климент. – Напомню тебе, сюда оттуда можно попасть только одним способом, таким же каким ты затащил к нам синтагму.

Конечно, я знал об этом. Смущало другое: на кого Карина работала. Мой озадаченный вид заметил отец Климент и пояснил:

- Это все отца Азарии происки.

- Да, но Карине это зачем? – Недоумевал я.

- Похоже на то, что ведьмы с ректором в сговоре. – Предположил отец Климент.

Пока мы переговаривались, Захар смотрел то на меня, то на монаха. Видно, что он был в полной растерянности.

- Да объясните, наконец, что здесь происходит! – Вскричал он.

- Это, Захар, вера в своем действии. Ответ всем неверам, отрицателям и малодушным. – Торжественно провозгласил отец Климент, даже палец подняв вверх. – Сознаюсь, каюсь и я маловвер чуда не видел прежде, но здесь, в Мефодиеве, Божие слово находит воплощение.

Речь отца Климента была какая-то путанная, да и в целом, он неожиданно наговорил слишком много слов, чего раньше за ним не наблюдалось. Я примерно понимал, что он хочет сказать: наше отрицание возможности что-либо знать о Боге, находит воплощение в животворящих, святых мефодиевских землях. Захару я пояснил:

- Этот кинжал может, как закрыть проход, так и дать возможность всем обитателям ада выйти. Поэтому у тебя есть возможность навсегда покончить с твоим персональным нерожденкой. Но надо принять участие в сатурате. Только во время церемонии такая возможность воплощения становится полной реальностью.

- А почему раньше это невозможно было сделать? – Спросил Захар.

- Раньше синтагмы не было, а теперь есть. – Сказал я и принялся наводить порядок на столе.

- Жизнь так же естественна, как и смерть. – Снова изрек отец Климент, вставая из-за стола.

Захар угрюмо смотрел на нас обоих, видимо размышляя о том стоит ли нам доверять или нет, а отец Климент достал из стола любимый свой тесак и принялся его острить о точильный камень. Занимаясь этим делом, он продолжал рассуждать вслух.

- Я долго искал истину в молодости. Искал, где истинная вера осталась, незамутненная. Долгое время прожил в монастыре катакомбников, пока не понял, что они просто сектанты и политиканы. Все это сегодня не так важно: богохульная власть не богохульная, принимать не принимать ее. Не в этом суть, а в том, что и у них катакомбников нет истинной веры.

Монах перестал точить тесак, задумался о чем-то, а Захар насмешливо спросил:

- А истина в церкви-модо, так что-ли?

Отец Климент очнулся от задумчивости и, указывая на Зацепина тесаком, закончил свои размышления:

- Именно, Захар, в модо. И ты зря иронизируешь. Вот пойдешь с нами на сатурату и убедишься в этом лично.

Отец Климент, спрятав тесак в ножны под рясой и направился к двери, намереваясь присоединится к своим собратьям, вдогонку ему Захар сказал:

- Что это, сатурата?

- Это охота.

На ходу ответил монах и покинул кабинет.

* * * *

Ровно в три часа ночи рабочий похоронного бюро открыл гробы, в который проходили процедуру ректор и проректор. Отец Азария мирно спал на боку, а Ольга Валерьевна, на спине храпела. Работник еле растолкал ее, Ольга Валерьевна щурясь на свет свечи, которую держал в руке работник, вылезла из гроба. Следом за ней вылез и отец Азария. Оба они чуть чуть похудели и посвежели, но священник был недоволен. Он осматривал себя в зеркало, которое висело в коридоре, и выразил недовольство работнику:

- Что-то сегодня слабенько как-то.

- Не переживайте, батюшка, еще пару сеансов и будете идеальным. – Успокоила его Ольга Валерьевна. В этот момент вошел Котов, при виде отца Азарии он улыбнулся, но так, чтобы

он не заметил этого. Священник в это время одевался, а Ольга Валерьевна вышла из раздевалки в своем любимом зеленом платье.

- Эрик, все ты передал Зацепину? - Спросил Котова отец Азария

- Да, конечно, батюшка, предупредил, что нечего тут околачиваться, надо уезжать и еще поучили его немного.

Котов не сказал ничего отцу Азарии про кинжал. Это уже ему не нужно было знать, так как эту часть задания он уже выполнял по поручению своего ковена. Ведьмы считали, что у Захара какое-то есть предназначение во всей этой истории. Земинухина и отец Азария в целом были довольны, и тихо переговариваясь между собой, вышли из главного зала похоронного бюро к такси, которые их ждало у главного входа. Они уехали. А Эрик еще какое-то время стоял у входа, вдыхая аромат вечернего воздуха, напоенный запахом цветущей липы.

* * * *

Сибилла осматривала коней, которые должны были участвовать в сатурате. Они должны были соответствовать определенным параметрам, точнее одному - масть их исключительно вороная. Конюшня принадлежала епархиальному управлению, владыка Тиберий был большим любителем лошадей, без которых во время церемонии не обойдешься. Сибилла прошла вдоль стойл, указывая конюху каких коней надо готовить. К полудню она справилась с этой работой и присела отдохнуть на большое бревно, которое заменяло здесь скамейку. Она не заметила, как подошел к ней Позвизд, присел рядом с ней.

- Что грустишь, Сибилла? Что-то увидела? - Спросил он.

Жена печально посмотрела на него, долгим и тоскливым взглядом.

- Я вижу смерть, Позвизд. Всегда вижу смерть, что я еще могу видеть в будущем. Вижу, когда умру я, когда умрешь ты, родители. Вижу, как это произойдет. Впрочем, я все тебе это рассказывала. Не раз.

Полицейский улыбнулся, как-то бесшабашно.

- И даже наша живая земля нас не спасет?

- С чего это? - Сибилла удивленно посмотрела на него. - Наша святая земля нас и погубит. Сатурата пустит ад к нам.

- Что ты видишь?

- Очень все неясно, мне кажется, кто-то мешает нам. Возможно кто-то из руководителей ковенов тайно плетет интриги.

- Неужели они могут помешать тебе?

- Есть такие заклинания, которые будто помехи наводят и мешают видеть будущее.

Позвизд обнял опечаленную жену за плечи, прижал к себе и поцеловал в щеку.

- Не бойсь, Сибила, прорвемся. Я же с тобой.

Они посмотрели друг другу в глаза, и Сибила улыбнулась, вновь обретая уверенность в своих силах. Конюх вывел табун коней из конюшни, погнал их к епархиальному управлению. Здесь же в «газель» второй конюх укладывал в кузов седла, сбрую. Супруги как замороженные наблюдали за его размеренными движениями, как он все аккуратно сложил и поехал к управлению. Все напоминало об предстоящей сатурате, все эти приготовления, возвышали ее дух, возбуждали ринуться в бой.

- Мы победим! – Сказал Позвизд.

- И помогут нам в этом кони. – Убежденно подтвердила Сибила.

Позвизд понял: она что-то видела в будущем. Ведь в прежние времена почти никогда не собирали конный отряд. Покатов даже не мог припомнить, когда такой случай и был. Ведь сатурату необязательно проводили, чтобы изгнать синтагму. Этот обряд в былые времена исполнялся каждый год по весне, по сути это обычный крестный ход на водный источник с последующим освящением воды. Предки пригоняли также и скот, который в этот день освящался на источнике. И вот теперь, владыка решил привлечь коней.

* * * *

Захар Зацепин вернулся в гостиницу. Он прилег на кровать, перевернулся на бок и увидел стоявшего около двери Колю. Такое было ощущение, будто он вышел из стены. На это раз мальчик не просил его поиграть с ним. Он подошел, сел на край кровати рядом с Захаром.

- Тебе грустно? – Спросил Коля.

- Как тебе сказать, не то, чтобы грустно, но мне кажется это все не на самом деле.

- Но я-то настоящий.

Захар приподнялся и сел на кровати рядом с мальчиком. Он коснулся его плеча рукой, но она прошла сквозь него.

Ему вспомнилась его семейная, казавшаяся теперь такой далекой жизнь. Свою будущую жену он встретил на репетициях церковного хора. Это было на заре юности, когда оба были одухотворены романтикой неопитства. Мечтали о создании домашней церкви, детях, полной чаше любви и семейного счастья. Они встречались в самое золотое время осени. Ранним утром приходили в парк, бродили по берёзовым аллеям, сидели на берегу реки, любясь осенним закатом и ощущая сгущающуюся прохладу осеннего вечера. Когда густая темнота спускалась на землю, а в лиловом небе загорались далекие звезды, они счастливые шли через парк домой и, остановившись на мосту, еще долго смотрели на реку, в которой отражались огни фонарей. А потом началась жизнь с бытом, радостями и горестями и с тем днем, когда их нерожденный ребенок умер в животе Захаровой жены. После все как-то разладилось, вскоре они разошлись, забыв о своих мечтах, надеждах и стремлениях. Мысли, ощущения о прошлом мелькнули мгновенно в голове Захара. Поэтому Коля даже не успел заметить задержки в его ответе, а он сказал.

- Конечно ты настоящий. Где твой мяч? Давай играть.

И они играли около часа. Карина слышала, как стучается мячик о стену и гулкое эхо разносится по полупустой гостинице. Коля через какое-то время сказал, что устал и ушел в стелу в которую они только что кидали мяч. А Зацепин надел свой сюртук и отправился на поиски Сибила. Он слышал, что она видит будущее и хотел узнать у нее какое будущее у Коли.

Сибилa ждала Захара в недостроенном костеле, опершись на алтарь и сложив руки на груди. Конечно, она знала, когда придет к ней сюда московский посланник и даже не обернулась, когда он вошел под стелы храма зашуршав ветками. Захар в нерешительности остановился у входа.

- Привет, Захар! - Сказала Сибилa

Они давно друг друга знали. Когда-то учились вместе в Москве. Потом их дороги разошлись. Она вышла замуж за Позвизда, он погрузился в миссионерскую работу. Но все было на самом деле не так.

- Зачем ты тогда так поступила? Мы же любили друг друга. - Спросил он.

- У нас не было общего будущего, Захар. Я тебе тогда об этом сказала. И не будем об этом говорить. Ты пришел спросить о Коле?

Сибилa всегда был волевая, жесткая. С детства такая. Дар

не позволял ей быть другой. Жесткая она была не только по отношению к себе, но и к другим – всегда говорила то, что есть или поступала так, чтобы было больно. Потому что знать будущее это боль.

- Я ничего тебе утешительного не могу сказать о Коле. Он не родился. У него нет будущего.

- Да, но он существует. – Не согласился Захар

- Это фантом, призрак. Ты его видишь просто потому, что он связан с гостиницей, в которой когда-то он мертвым появился на свет. Ты же знаешь, что в ней была раньше гинекологическая больница. И он бы никогда не появился бы сейчас, если бы не синтагма.

- Мне сказали, что его можно материализовать. Вот рассказали, как это сделать.

Он протянул ей кинжал, она сразу сказал:

- Стоит попробовать, конечно. Но готов ли ты к последствиям? Точнее готовы ли мы все.

- Что ты имеешь в виду?

- Видишь ли, сейчас, там, в Проходе все эти несчастные существа, обреченные страдать, существуют вот как твой Коля. А когда ты сделаешь так как тебе рекомендовал отец Азария, наша святая земля всех этих несчастных сделает материальными.

- Подожди, мне этот нож не отец Азария дал, а Карина принесла. Она же из колдуний.

- Ну и что? Отец Азария сам из ковена Ворона. Старые связи не ржавеют. А ковену Ворона вся кладбищенская братия подчиняется. Отец Азария тебя провоцирует, хотя выбор за тобой, Захар.

Снаружи они услышали звук шагов, будто кто-то шел по песку. Раздвигая кусты, в недостроенный храм вошел Позвизд. Увидев Захара, он поприветствовал его, а тот заявил ему:

- Позвизд Николаевич, хочу заявить о нападении и незаконном лишении свободы.

- Что ж, хорошее дело! – Сыронизировал Покатов.

Он подошел к жене своей и поцеловал ее в щеку. Потом снова спросил у Захара:

- И кого ты хочешь обвинить? – Он посмотрел на Сибилу, наверняка она все знала. Захар вкратце рассказал обо всех своих

приключениях, связанных с заключением в подвале семинарии.

- Интересная история. Но, Захар, что я предъявлю отцу Азарию? Только твои фантазии. А он все же уважаемый священник, ректор семинарии.

- Ладно, сам разберусь. – С досадой махнул рукой Захар и ушел.

Сибила и Позвизд остались одни, он обнял ее за плечи, прижал к себе. Она была несколько задумчива. Позвизд знал, что в таком настроении жена пребывает, как правило, в те моменты, когда пытается наиболее полно представить все варианты будущего, прозреть именно тот, который осуществиться.

- Ну? И что скажешь? Меня всегда удивляло, как ты о будущем не можешь точно, сразу сказать.

- А ты думаешь, почему столько способов гадания существует. Именно поэтому. Есть много вариантов, а тот, кто выбрасывает карты, выбирает правильный вариант. Я просто самая совершенная машина для гадания. – Засмеялась Сибила.

- А помнишь, как мы с тобой познакомились? – Спросил Позвизд.

- Конечно, на сеновале, в деревне. Ты приехал бабушке помогать, а мы с мамой на даче отдыхали. Жара, помню, была, пошла я на сеновал отдыхать, а там ты. Всю ночь проговорили. Чего ты вспомнил? – Спросила она, заранее зная ответ

- Да вот думаю – было ли у Захара, что-то такое как у нас с тобой? Свой сеновал? Или у него только богословские формулы в голове. Решиться, он сделать дело?

Сибила посмотрела на мужа, в ее глазах было столько любви и счастья, но она ничего не ответила ему.

* * *

В день перед сатуратой я решил сходить на речку, искупаться. Стояло прекрасное летнее утро – солнце не пекло так немилосердно как в прежние недели июля. Я шел по песчаной дороге в легких тренировочных штанах, перекинув банное полотенце через плечо и насвистывая какую-то легкую песенку. У нас красивая река: с чистыми песчаными берегами, местами поросшими осокой, светлой, почти прозрачной водой. Низко над водой летают ласточки, щебечут стрижи. У меня было свое место на реке, которое знал только я. Здесь заросли осоки освобождали небольшую песчаную проплешину на берегу. Сначала немного поплавал в тихо струящихся водах Пурсовки. Доплыв до середины реки и отдавшись потокам текущих вод, просто лежал на воде, раскинув руки и глядя в голубое небо. Завтра

наступит момент истины – об этом я думал. Почему-то был уверен, что Захар выполнит свое предназначение. Ведь на то он и православный миссионер, чтобы поступать стандартно, в согласии с канонами веры и ее правилами. Да, я выпустил синтагму. До сих пор не пойму почему? Испытал к ней жалость? Но мне на свойственно проявление милосердия. Полюбил ее? Но я не любил никогда никого в жизни, кроме мамы, да последнее время испытываю что-то похожее на любовь к Сибиле. Но она мужняя жена и это меня ограничивает. Моя стихия борьба идей и угнетенное состояние духа, но никак не любовь. Не раз я размышлял над тем – почему мы все живем в этом странном месте, которое называется Мефодиев? Где живая, святая земля. Может быть потому, что это самое яркое доказательство нашей веры? Здесь все воплощается, обретает свое новое предназначение. Я немного размяк на солнышке, начал дремать, когда услышал совсем рядом голос Сибилы.

- Буриной, ты не должен участвовать в сатурате.

Сказала она, я открыл глаза, посмотрел на нее сбоку – она сидела на песке, обхватив ноги руками. На ней было белое платье, волосы собраны в аккуратную прическу. Засмутившись, своего обнаженного вида я встал, и начал торопливо натягивать на еще мокрое тело одежду, забыв, что у меня есть полотенце и можно обтереться.

- Ты что-то видела? – Спросил я.

Сибилла вытянула ноги, закрыла глаза, наслаждаясь лучами солнца, не спешила отвечать на мой вопрос, но все же перестала меня мучить и засмеялась.

- Да ладно, расслабься. Все хорошо будет.

Я, наконец, оделся и мы по тропинке пошли по берегу Пурсовки.

- А если серьезно, думаю, ты будешь находиться в великой опасности во время сатураты, какой не скажу, ты должен справиться сам.

- А Захар?

- Ну а что Захар? У него свой путь.

В этот момент мы как раз вышли к развилке, мне надо было идти направо ей налево и мы, попрощавшись, разошлись, напоследок Сибилла сказала:

- Я не всегда могу понять хорошее будущее или плохое у того или иного человека, так и с Захаром. До завтра, Буриной.

Вечером я разбирал свои записи, которые касались сатураты прошлых лет. Их было не так много. По сути это совместная молитва всем миром независимо от того, члены церкви ее участники или нет. Я внимательно смотрел записи своего дневника при свете настольной лампы. А мама сидела на диване и чинила свое церемониальное платье, в котором она завтра собиралась участвовать в ритуале. Перечитывая записи, я понял, что сам чин сатураты в прежнее время практически никогда не использовался с той целью, которую мы поставили перед собой сейчас. Мама, будто заметив мое сомнение, спросила:

- Владыка хочет с помощью церемонии закрыть Проход? Но я думаю, это не поможет.

- Насколько мне удалось выяснить, отец Азарий через своих людей передал Захару обсидиановый нож.

Мама засмеялась, просто прямо прыснула в кулак, я такой ее еще не видел веселой.

- Какая древность. И отец Азария еще в это верит. Вот наивный.

- Ну, мам, это же древний артефакт, в семье отца Азарии он хранился с древних времен, передавался из поколения в поколение. Я даже боюсь предположить, когда его сделали.

- В палеолите.

Завершила мама мою мысль и, перерезав нитку на платье, взяла его за плечики, развернула перед собой, рассматривая его на свет от лампы, который проникал через кружева переплетений нитей. Она поддела плечики и повесила платье ручку шкафа, любуясь на свое красивое платье.

- Мне странен твой скепсис, мам. Ты же сама должна, как ведьма, в это во все верить. В силу таких вот артефактов.

Мама присела на диван рядом со мной, лицо ее выглядело немного печальным, а в глазах затаилась некоторая грусть.

- Да не в том дело, сынок. Конечно, обсидиановый нож очень сильный магический предмет, но дело не в этом. Мой скепсис, и некоторая ирония не с ним связана, а с отцом Азарием. Ты вообще его историю знаешь?

- Историю? А у него, что есть какая-то своя история.

Я был весьма удивлен: отец Азария, скучный педант имеет свою какую-то, судя по всему необычную историю. Мама также недоумевала от моего невежества и поэтому решила мне рассказать на ночь историю отца Азарии.

- Я Азарию знаю с детства. Мы в одном дворе росли, дружили семьями. И по нашим правилам должны были связать свою судьбу в браке. Да, да, Буриной, не делай такое удивленное лицо, отец Азария мог вполне стать твоим папой. Так решила наша Ассоциация. Когда подросли, у нас с ним были романтические отношения. Да, представь, он тогда был не таким плешивым и толстым, а красивым молодым человеком, подтянутым, стройным. Загляденье одно. В их колене по мужской линии всегда красавцы рождались, не зря колен называется Кипарис. И я даже всерьез подумывала выйти за него замуж, а потом он ушел в армию, я обещала его ждать. Но в армию ушел один человек, а вернулся совершенно другой. От прежнего весельчака и красавца Азарии ничего не осталось. Теперь это был угрюмый, раздражительный, замкнутый человек, который решил стать священником. Но главное не в этом, а в том, что ничего от наших прежних романтических отношения не осталось. Ничего! Он был со мной сух, подчеркнуто вежлив. Даже когда приехал из армии, я не сразу об этом узнала. Случайно маму его встретила, она и сообщила. Побежала к нему, а он в это время дрова во дворе рубил, холодно так на меня посмотрел, поставил на пенек очередную чурку и только и сказал: «Привет, Зоя!».

Мама на некоторое время замолчала, видно было, что и сейчас все эти старые воспоминания навевали некоторую грусть на нее.

- И как же потом все развивалось? – Поторопил я ее.

- Как. Он стал активно посещать Собор, епископ Антипатр его вскоре иподиаконом сделал, он в семинарию поступил, а дальше ты знаешь.

- Да, его на третьем курсе целебатов рукоположили в диаконы, потом в священники. Это я знаю. Но чего тут необычного то, до сих пор я еще ничего уж такого из ряда вон не услышал от тебя: мало ли, возможно в армии с ним духовный переворот произошел.

- Погоди, я еще не все рассказала! – Замахала на меня руками мама – Слушай дальше. Не все так просто. Прошло недели две после его возвращения. Все это время мы ни разу не виделись, я только слышала от знакомых, что он сдал экзамены в семинарию. Сама я успела почти полностью успокоиться и воспринимала случившееся уже не так трагически. Но однажды, когда вечером возвращалась с работы, я тогда подрабатывала санитаркой в поликлинике, то застала Азарию в городском парке за странным занятием. Он стоял около старого дуба, ну, помнишь, нашей главной достопримечательности парковой, и

ковырял его тем самым обсидиановым ножом. Когда я подошла к нему, он прекратил это дело и очень смутился. Показал мне нож, сказал, что это их семейная реликвия, доставшаяся ему от деда, и что в армии у него получалось. А что получалось, так мне и не объяснил. И знаешь, с того дня мне Азария стал как-то отвратителен, я старалась с ним больше не пересекаться никогда. А он сам знаешь, какую успешную карьеру сделал. Но меня всегда удивляло, как в нем вот все это сочетается – священство и ведьмачество. Он ведь плоть от плоти наш так и остался.

- Магическое восприятие мира вообще свойственно для многих представителей духовенства модо-церкви, ты же знаешь. Многие до сих пор мыслят аналогиями.

Мама сложила свою вышивку в прозрачный пакет из-под стирального порошка «Ласка», собираясь пойти укладываться спать. Она поцеловала меня в макушку, пожелала мне спокойной ночи и отправилась к себе в комнату. Я еще некоторое время подремал на диване в столовой, а когда начал, что называется, клевать носом, посмотрел на часы, было уже без четверти двенадцать, и вот тут со мной впервые в жизни произошло то, что никогда не случалось. В наших краях видения это атрибут почти каждого верного члена церкви-модо, так как вера обязательно должна подтверждаться видениями. Но со мной это случилось первый раз. Сон от видения отличается тем, что во сне ты понимаешь, что это не по-настоящему, а вот когда видение ты этого совершенно не понимаешь, но происходит все также абсурдно, как и во сне. Сначала я увидел маму. Удивился, так как только что она ушла спать, а теперь как ни в чем не бывало шла мимо меня, сидящем на диване и делала вид, что не замечает меня, я ее окликнул, а она ноль внимания, растворившись в противоположной стене. Даже не осознавая все дикость ситуации, я подошел к стене, к тому месту, где растворилась мама, и нос к носу столкнулся с Захаром. Он смотрел прямо на меня, будто меня здесь не было, проследив за его сосредоточенным взглядом, я понял, что он уставился в одну точку на стене. Потом он достал обсидиановый нож и резким движением разрезал стену. Как масло или как кусок материи, образовалась широкая щель, в которую и вступил Захар, а я за ним. Но перед ним и передо мной опять возникла стена, и ее он разрезал ножом и так несколько раз. Наконец, мы оказались с каком-то пустом пространстве. Ослепительно белом, создавалось первоначально впечатление, что все залито ярким светом люминесцентных ламп, но это было не так. Пока я рассматривал это пространство, пытаюсь понять, что это за помещение меня заметил Захар, и именно в тот момент, когда я

увидел, что на самом деле это ослепляющее глаза помещение завалено формами тех, кто не смог родиться. Захар, искал среди них своего нерожденку Колю.

- А, Буриной, и ты здесь. Я вот решил, не подчиняюсь вам.

Он сначала посмотрел на меня, будто увидел впервые, а потом снова стал перебирать формы. Внешне они походили на бруски поролона, упакованные в матерчатые чехлы.

- Даже не буду помогать. – Продолжал он, перебирая паролоновые чурки. – И знаешь почему?

Он, наконец, выбрал нужную, внешне ничем не отличающуюся от других. И развернувшись ко мне, продолжил свою речь:

- Не надо вам останавливать синтагму, не надо закрывать Проход. Потому что вы все здесь еретики. Между вами, членам церкви-моды и теми, кто рвется сюда, нет никакой разницы. Вы все изгои, живете и мучаетесь в одном мире, а синтагма просто вас соединяет.

Он развернул чурочку вертикально и показал мне, то, что первоначально увиделось как чурочка было на самом деле куклой, похожей на Коленку. Показывая ее мне, он заявил:

- Вот, видишь, я не выпущу его отсюда и не дам вам шанса соединить два мира, снова воплотить все эти формы.

Потом он развернулся и одним ударом приколол обсидиановым ножом куклу к стене. И тут я проснулся или очнулся на диване, на который я вчера присел после ужина. Ведь в отличие от сна, видение сложно отличить от реальности. Поэтому у меня было стойкое ощущение, что все происходило на самом деле. За окном уже забрезжил рассвет, я посмотрел на часы – было 6 часов утра, надо было собираться на сатурату.

Я стал потихоньку собираться, обдумывая все, что недавно увидел. Отец Азария дал Захару артефакт, который когда-то сам получил в армии (я не знаю, кто дал ему его там, так и не выяснил у мамы, да она, наверное, и не знала). Судя по тому, что он по молодости пытался вскрыть дуб, отец Азария не знал, как им пользоваться, но был уверен, что Захар сможет правильно его применить. На что рассчитывал проректор? С этим резакон пространства во время сатураты Захар мог бы сделать только одно – выпустить к нам из прохода нерожденку, тогда синтагма усилилась бы и перетащила всех своих. Это в теории, конечно. Ход моих мыслей прервала мама, которая вошла в зал, кутаясь в свой зимний халат.

- А ты чего, так и не добрался до своей кровати, уснул здесь?

Она присела рядом со мной, я ей сообщил, что у меня было видение, она не удивилась.

- Когда-то это должно было проявиться, все же ты из ведовского ковена родом. Что видел?

Я рассказал о том, что увидел, мама внимательно выслушала, задумалась, наконец сказала:

- Ты знаешь, Буриной, я еще тогда, когда Азария пытался вскрыть дуб, поняла, что он любимыми путями зачем-то хочет проникнуть на ту сторону. У него не получилось, теперь он попытался использовать Зацепина. Но, думаю, это не вариант.

Я в это время затягивал ремешки кожаного панциря, на этот раз решил облегченный вариант защиты применить, кольчуга порядком поднадоела, да и плечи натирала. Мама пошла одеваться, вскоре вышла совершенно преображенная: она была в черном платье с высоким воротником. Мы вышли из дома вместе, но во дворе разделились – мама пошла к месту сбора ведьм, недостроенному костелу, а я направился в епархиальное управление. Утро было отличное – весело светило солнце, солнечные блики отражаясь от стекол, вспыхивали желтыми зайчиками. Город был в приподнятом настроении. Все готовились к сатурате. Празднично одетые шли по направлению к собору семейными парами, а часть мужчин из тех, чьи предки также стояли на стенах Пафнутьевского монастыря и оставили им свое оружие также снарядились, чтобы дать отпор жителям подлунного мира. Я помахал рукой соседу дяде Васи, который вышел из соседнего подъезда перепоясанный старинным мечом. Он улыбнулся, помахал мне рукой и сказал, что-то вроде: «Ух, зададим им!». Конечно, зададим, а чего же не задать – думал я, правда, какая-то странная, тайная мысль точила меня. Мысль сомнения.

Подойдя к управлению, первого, кого я увидел, был Захар Зацепин. Он сидел на вороном коне как влитой, в своем черном сюртуке, и смотрел на ворота епархиального управления, на скопившихся там суровых монахов и отцов-протоиереев. Увидев меня он как-то наигранно весело, даже с некой бравадой поприветствовал меня:

- А, Буриной! Рад тебя видеть, ты во всеоружии.

- Я, смотрю, ты также решил принять участие.

- Даже не надейся, я в ваших еретических играх не участвую.

Он все же мне подпортил настроение, меня раздражило, то, что он постоянно обвиняет нас в ереси, да и держит себя очень по-

хамски. Но я ничего не стал ему говорить по этому поводу, а решил напомнить ему о видении.

- А ты, значит, решил так распорядиться ножом отца Азарии. Пришпилить грехи своей молодости.

Захар сделался серьезным, улыбка с его лица сошла в один миг, он наклонился ко мне с коня и сказал.

- Тебе до моих грехов не должно быть никакого дела, Буриной.

А действительно, какое мне дело. Не хочет быть нам помощником, да и ладно. Сами справимся, я совершенно не понимал, чего хотел добиться Азария и как раз мне про него напомнил Захар, когда я уже подходил к воротам управления и уже здоровался с монахами и протоиереями.

- Передавай привет отцу Азарии, я надолго запомню семинарские подземелья.

Все собрались во дворе, ждали только владыку, чтобы крестным ходом пойти к собору. Из самого управления вышел важный отец Климент и Андрогин, они несли хоругви с лежащим черным крестом на голубом фоне, следом с иконами, в стихарях выходили сторожа, а уж за ними также в голубом облачении появился и владыка Тиберий. Он выглядел как-то по особенному торжественно. Благословил меня издали и, возглавив крестный ход, отправился к собору. Монахи в белых наметках с черными крестами, поверх своих мантий, выстроились в ряд с обеих сторон и запели «Взбранной воеводе». Мощное, стройное пение огласило окрестности, по мере того, как крестный ход продвигался по городу к нему все больше присоединялось народу. Крестный ход вышел на центральную улицу города, которую патрулировали сотрудники ДПС, сам мэр города присоединился к процессии, когда достигли старого католического кладбища. Здесь, из густых зарослей, скрывавших недостроенный костел парами, одиночками, выходили, как бы скрываясь, представители ведьмовских колен. Разодетые в самые фантастические костюмы они присоединялись к крестному ходу, так чтобы раствориться в толпе, но их костюмы, яркий макияж ведьм, черные сюртуки мужчин, выделяли их из толпы, хотя никто на них внимания особо не обращал. Все увлеченно пели.

Я затесался в группу монахов, шел рядом с отцом Климентом, он держал в руках икону Богородицы. Мне что-то в голову пришла мысль: а чего это Захар на коне и где наша конница вся. Я спросил об этом у отца Климента, тот пожал плечами, буркнул только: «Не о том сейчас думаешь, Буриной!» Не скажу, что

меня этот ответ успокоил, все же, памятуя прежние битвы, я знал, что в сатурате конница может сыграть решающую роль, но мои размышления прервал скрипучий голос отца Азарии. Он, оказывается, семенил позади меня, обливаясь потом, который каплями стекал у него из-под митры.

- Ты не переживай, Буриной, я его, Захара, в нашем подвале испытал, потом, дал ему обсидиановый нож. Он сделает все как нужно.

- Почему вы так уверены, отец Азария?

Обернувшись к нему, заметил я. В этот момент мы вышли за город, крестный ход далеко растянулся по дороге. Священники стали в каре, монахи растянулись в два ряда перед ними. Впереди простиралось зеленеющее поле, а вдали виднелся лес, за которым располагался Пафнутьев монастырь – место Прохода, именно оттуда следовало ждать наших гостей. Только сейчас я обратил внимания, что монахов как-то удивительно мало – они всего лишь вытянулись в узкую цепочку, хотя должны были составить не меньше двух рядов. Да и некоторых знакомых священников среди тех, кто готовился совершить молебен, я не видел. Неужели владыка решил поставить засадный отряд? Это объясняло факт отсутствия конницы на церемонии. Позади стройных рядов священнослужителей, расположилась довольно внушительная толпа горожан. Представители ведьмовских ковенон готовились читать заклинания, изображать небесные начертания, чтобы открыть Проход, лицом к лицу встретить своих предков, место которых определялось только в аду.

На раскладной аналой уже положили Апостол, диакон подал возглас и молебен начал разворачиваться по своему чину. Когда диакон начал читать вторую ектенью небо почернело, страшная молния прорезала горизонт от востока да запада. От ужасного грома затряслась земля. Когда владыка стал читать евангелие, тучи как будто за клубились, ветер резко задул с севера. Стяги, с черными, лежащими на боку крестами, которые до этого вяло висели на древках, натянулись как струны и затрепыхались на ветру. Вдруг весь горизонт озарился красными всполохами, ударила в землю черная молния и чрево Прохода разверзлось. Послышался нарастающий гул, грозной песни антиблаженств и в Проходе показались черные тени. На это раз что-то уж больно много их было, а главное – я слышал топот копыт, будто огромный табун коней нёсся на нас. Существа из ада в красном зареве неба, стремительно приближались, а само зарево теперь заполняло весь горизонт. Монахи, священники выстроились в боевом порядке и обнажили то оружие, которым привычно им было в таких столкновениях.

Здесь были кривые сабли, двуручные мечи, булавы, протазаны, шпаги в общем такое разнообразие можно было, наверное, увидеть только в музее холодного оружия. Мы приготовились к столкновению, но на этот раз жители преисподней вели себя необычно: они вдруг остановились, прекратили всякое движение, будто кого-то ожидая и он, точнее она вскоре явилась – синтагма. Она была в красном платье и возвышалась над всем своим воинством. Создавалось такое ощущение, что синтагма растет прямо из земли, а по мере возрастания, приближается вместе со своим воинством к нашим рядам. Однако они не производили никаких враждебных действий, в тоже время наши священники и монахи рвались в бой, но владыка не давал никакой команды, он всматривался в глаза синтагмы, которая уже просто возвышалась над всем нашим войском. А она всматривалась в него.

- Стойте! – Наконец крикнул епископ Тиберий. – Она хочет говорить с нами.

Он двинулся на встречу синтагме опираясь на свой посох. Но он едва преодолел половину пути, как из-за небольшой рожицы, располагавшейся с правой стороны выскочил небольшой конный отряд, во главе которого на вороном коне, размахивая саблей над головой неся Захар Зацепин. Отряд этот вклинился во фланг жителей ада, они смешались в кучу, потом разлетелись в разные стороны как воронье, пропуская конницу. Отряд исчез за спинами монстров, бывшими когда-то людьми. Мне даже подумалось, с легким равнодушием, что и не было никакого Захара. Жаль только было монахов. Наверняка среди них были и те, кого я лично знал, у меня были обширные связи среди монашествующих. Кстати, наша епархия выделялась среди всех других в стране еще и тем, что монахов у нас было больше всех – 456 человек. Не знаю с чем это связано, наверное, с особой духовной атмосферой, которая царила в Мефодьеве. Между тем, пока я предавался глубоким размышлениям, владыка вступил в разговор с синтагмой. Громогласный голос ее был слышен как звук Иерихонской трубы.

- Владыка, мы одного рода с вами. Только мы там, а вы здесь. А когда-то и вы будете с нами. Вы также прокляты в своей странной вере и дружбе с колдунами, как и мы за свои грехи, так чего нам делить? – Говорила синтагма.

Владыка опершись на посох обеими руками, смотрел в землю и когда он ответил, голос его был громкий, но глухой.

- Я не могу допустить, чтобы ты пользовалась нашей Святой землей для воплощения тех, кто в ней лежит и тех, кто приходит

из твоего мира. Слишком много за последнее время в городе появилось тех, кто в ней должны лежать, а не ходить по ней, этого быть не должно.

- Поэтому мы и ведем с вами переговоры. У меня есть предложение. Его надо обсудить.

Владыка согласился, назначили дату и время: завтра в 6 часов вечера в епархиальном управлении. Тотчас Проход закрылся, обитатели ада исчезли, а вместе с ними исчез и Захар Зацепин со своим отрядом. Владыка дослужил молебен, мы вернулись крестным ходом в епархиальное управление, ведьмовские ковены по пути отстали от нас и остались в недостроенном храме, часть крестного хода с хоругвями и иконами направились в собор. Владыка с иподиаконами, в моем сопровождении в задумчивости шел по улице и не проронил ни одного слова и уже у самых ворот управления остановился и сказал:

- Даже не знаю, что сказать на это. Никогда мы не вступали в переговоры с ними, всегда только сражались. Что ты думаешь, Буриной, по поводу всего этого?

- Как знаете, владыка, я как-то уже вступал в переговоры с одним из жителей преисподней, ничего хорошего из этого не получилось.

Епископ улыбнулся, велел мне завтра к четырем быть у него в кабинете.

- Твой опыт общения нам пригодится. - Сыронизировал он напоследок.

Я не стал заходить в епархию, рабочий день уже заканчивался, и я зашел к Покатовым. Позвизда еще дома не было, а Сибила, увидев меня сказала:

- Я знала, что ты придешь.

К дару Сибила начал уже привыкать. Она предложила отобедать с ними, заверив, что с минуты на минуты должен прийти Позвизд. Я устроился в кресле, которое стояло в гостиной, а Сибила хлопотала на кухне.

- Ну как тебе кажется, удалась сатурата? - Спросила она.

- Что ты имеешь в виду.

Она заглянула в гостиную и уточнила вопрос.

- Ожидал ты такого результата.

- Если считать, что пропал Захар, то удалась.

- А ты недобрый, Буриной.

Сказала Сибила, присаживаясь за стол. Она как-то лукаво смотрела на меня, глаза ее искрились озорным огнем.

- Буриной, ты понимаешь, что я знаю наше будущее?

- Наше?

- Да, именно. Его у нас с тобой нет, я же замужем и люблю Позвизда.

Я был сбит с толку, так как, то о чем говорила колдунья, вероятно, находилось в далеком будущем. Мне, конечно, нравилась Сибила, но пока у меня даже мыслей не было о каких-то далеко идущих планах, возможно, что-то только проявлялось у меня. Но я был слишком смущен, смог только пролепетать.

- Ты же говорила, что вариантов будущего много, а ты стараешься выбрать самый верный.

- Хочу тебя разочаровать: я так всем говорю, чтобы сильно не расстраивать. У каждого только один вариант будущего и, как правило, я его хорошо вижу.

Я был несколько шокирован такой интерпретацией свободной воли человека, поэтому возразил.

- Это фатум какой-то.

- Представь себе, - развела руками Сибила. - Все изначально предопределено.

- А как же свобода воли? Соотнесение воли Божией и человека. Промысел Божий.

-Промысел и есть фатум, судьба. Ее и определяет Бог, для каждого человека: если тебе предназначено любить меня безнадежно, значит, так тому и быть и ничего ты не сможешь изменить. А вот я могу.

Я был несколько смущен таким заявлением ведьмы, но уже стал привыкать к тому, что она частенько все говорит прямо, как есть тем, более зная о том, что именно есть.

- Потому что я ведьма и могу нарушать установленные Богом правила.

- Сибила, не бери на себя слишком много, правила, которые установил Бог нарушать никто не может.

В этот момент хлопнула входная дверь, и на пороге объявился Позвизд. Выглядел он несколько уставшим. Увидев меня, он поздоровался и усаживаясь в кресло, спросил:

- Ну как сатурата прошла?

- Разве ты не был в оцеплении? – Удивился я

- Какой там, - махнул рукой он, - я на место преступления выезжал. Представляешь, из больницы пациент исчез.

- Типула? – Предположил я

- Нет, не похоже. После осмотра места у меня сложилось такое впечатление, что пациента кто-то выкрал.

Я слушал Позвизда не вникая в то, что он говорит, меня озадачила своими словами Сибила, я снов не мог разобраться в своих чувствах, теперь я не мог понять как отношусь к Сибиле. Наверное, это было невежливо, но я прервал Покатова, попрощался и пошел домой. На улице уже темнело. Поднялся ветер, а дома меня ждала мама, которая приготовила вкусный ужин, и когда я, проделав все вечерние процедуры, ел, она сидела напротив меня и умиленно смотрела.

- На переговоры вышли? – Спросила она.

- Ты же сама все видела. – Ответил я, проглатывая кусок котлеты.

Мы помолчали, точнее у меня просто был полон рот еды, и мама не спешила меня ни о чем спрашивать, а я, прожевав, сказал:

- Надо Захара как-то вытаскивать, завтра поговорю об этом с синтагмой.

- Не надо его вытаскивать, мы же ему не просто так обсидиановый нож дали.

Я от неожиданности даже рот открыл. Этого совершенно я не ожидал от мамы. Она видимо поняла, почему я так удивлен и поспешила успокоить:

- Ну, прости, что тебе не сказала, но так надо было сделать, иначе результат сатураты был бы совершенно другим.

- Т. е. ты заранее знала, что все закончится переговорами?

- Не совсем я. Сибила мне раскрыла будущее. Пускай Захар теперь делом займется, послужит, а то все только пустотой воздух умеет сотрясать.

На этом разговор наш и закончился, я отправился спать. Снилось мне какая-то чепуха: синтагма, куры, Захар, скачущий на палке-лошадке. Утром я проснулся с тяжелой головой, на встречу опоздал, пришел в епархию на десять минут позже назначенного времени, но уже на пороге увидел часть длинного тела синтагмы с острыми зубьями. Остальная часть проходила

через весь коридор, а зубастая голова помещалась на столе в нашем с отцом Климентом кабинете. Лицо монаха было бело как мел, он сидел на своем месте, не шелохнувшись. Я спросил отца Климента:

- Что, владыка не принимает?

Это была обычная манера епископа Тиберия, вызвать посетителя к определенному времени и потом продержать его в холле, обнаружив вдруг какие-то срочные дела и более важные встречи. Возможно, это была такая тактика, чтобы внушить посетителю уважение к епископскому сану, даже на синтагму это правило распространялось. Пока я об этом думал, синтагма успела обратиться в Дашу. Она была облачена также как и прежде в алое платье, с высоким воротником. Девушка стояла около зеркала и поправляла прическу.

- Буриной, пошли к владыке.

Распорядилась она и вышла из кабинета, длинный шлейф платья волочился по полу. Я поторопился за ней. Епископ Тиберий сидел в канцелярии в кресле машинистки Ляли и что-то изучал на мониторе компьютера, сама Ляля устроилась на стуле с другой стороны стола и читала какое-то письмо. Увидев нас, владыка встал со своего места, поприветствовал Дашу, кивнул мне, даже не обратив внимания на мою попытку взять у него благословение.

- Прошу прощение за задержку, получили письмо от Святейшего, нужно было срочно ответить.

Оправдался епископ, Даша-синтагма ничего не ответила, только посмотрела на меня, и я впервые обнаружил, что ее глаза совершенно монохронны: ни белка, ни зрачка, просто чёрная плёнка. Владыка пригласил ее присесть за стол, но она отказалась, так и осталась стоять посреди кабинета. Я пристроился с левой стороны от нее и мог наблюдать за ней. Представить в этой красивой, изящной девушке, на вид лет двадцати уродливое чудовище с зубастой пастью было сложно. Сами переговоры были довольно короткими, точнее просто Даша озвучила свои условия и владыка, практически не раздумывая, приняла их. У меня сложилось такое мнение, что владыка давно уже обдумал эти предложения, будто знал о них заранее. Договорились, что в месте, где заканчивается мир живой материи и начинается мир мертвых, страдающих духов, будет установлен пограничный пункт. Если кому-то из обитателей за границей миров захочется перейти, чтобы на время воплотиться, то епископ не будет запрещать это. Однако такие переходы будут возможны только единичные.

Я слушал все это, с удивлением смотрел на владыку, который как замороженный только кивал головой в знак согласия и как умственно отсталый улыбался. Тут до меня дошло, что он просто находится под каким-то магическим воздействием синтагмы, которая во время разговора смотрела на него, не отрывая глаз, пристально, будто гипнотизировала. Тут я решил взять нить разговора в свои руки.

- Стой, Даша, а кто на этом пограничном пункте будет нести службу? Кто владыке будет докладывать, кого пустить, а кого нет?

Синтагма не сразу обратила внимание на меня, видимо сначала делала какое-то усилие, чтобы зафиксировать владыку и тот действительно как окаменел или сидя заснул.

- Службу будет нести Захар. У него обсидиановым нож есть и нерожденка его у нас. Он теперь не сюда к вам не может попасть, не там, у нас, не может быть.

Она также на меня пристально смотрела, но почему-то в моем случае не действовали ее флюиды, я вполне сохранял ясность мысли, цельность сознания. Я молча смотрел на нее, ожидая, когда она выскажется полностью.

- Захар, конечно, не сам будет принимать решение, кого, насколько и когда пустить, а просто сообщать о каждом таком желании тебе, ты епископу, а он уж примет решение.

Здесь была какая-то уловка. Чего она хотела? Я так и спросил ее об этом и она, помедлив объяснила мне:

- Все также, как и прежде, в самый наш первый день, когда ты меня выпустил: я хочу жить в этом мире.

- А это возможно?

- Конечно. Если я буду жить одновременно и в том мире, ты выпустишь типулу и мы подпишем договор.

Даша даже не ждала моего согласия, взмахнула рукой, епископ будто проснулся, одновременно в кабинет вошла Ляля, в руках она держала красную папку с тисненым гербом епархии и монограммой епископа Тиберия: «Е. Т.».

- Владыка, все готово для подписания договора.

Сказала Ляля и мы пошли в Пафнутьевский зал. Он располагался с правой стороны от приемной епископа. Зал был рассчитан человек на триста, здесь имелись большие окна, завешанные светлыми шторами в стиле барокко. Они спускались от потолка к полу красивыми, ажурными складками. Сами шторы

белоснежные, накрахмаленные. По залу расставлены на равном расстоянии друг от друга круглые столы, на стенах висели большие полотна со сценами из жизни св. Пафнутия. В зале проводились епархиальные собрания раз в год, устраивались тожественные трапезы в день памяти св. Пафнутия, на которые приглашалось все руководство города, все духовенство епархии. И здесь же, в этом зале подписывались договоры с разными учреждениями о сотрудничестве. Совсем недавно подписали договор с МЧС, МВД, прокуратурой и вот теперь с адом.

Во всей этой истории мысль о том, что мы ни разу не сталкивались с хозяином преисподней и его слугами, т. е. злыми духами не раз посещала меня. Но это, скорее всего, объяснялось тем, что духи имеют мало общего с материей, а вот синтагма, как раз хозяйка именно материи. Эти мысли посетили меня, пока синтагма и епископ подписывали договор. Они сели за стол, которые стоял в центре зала. Стол накрыт красной скатертью, по такому случаю из музейных запасников епархиального музея достали старинную чернильницу и пару перьев. Ляля, похожая на работника ЗАГСа, ожидавшего молодоженов, стояла рядом со столом с красной папкой в руках. Она церемонно пригласила владыку и синтагму сесть за стол, а сторож Степаныч, присутствующий здесь в качестве силовой поддержки, предупредительно отодвинул стулья, когда Даша и владыка присаживались. Ляля подала бумагу с договором сначала владыке, потом синтагме, оба они обмакнув перо в чернильницу расписались. Не успели чернила еще высохнуть, как бумага растворилась в воздухе, как дымок, оставив после себя стойкий запах серы.

- Мой любимый запах.

Сказала Даша, улыбаясь. Они стояли с владыкой друг против друга на расстоянии вытянутой руки.

- Я рада, владыка, что вы меня не обманули. Теперь договор можно будет разорвать, только завладев обсидиановым ножом Захара. А его не так просто будет извлечь из того места, куда он попал.

Она склонила голову в вежливом прощании, посмотрев на меня, сказала, тоном не терпящем возражения:

- Проводи меня, Буриной.

Я, едва кинув взгляд на владыку, помчался за ней, чуть не наступая на ее длинный шлейф. На пороге епархиального управления она остановилась. День был в самом разгаре, яркий, насыщенный, но не посетителей ни персонала не было видно

во всем здании епархии. Было такое ощущение, что мы с Дашей-синтагмой остались одни на целом свете.

- Ну вот, мы и завершили с тобой начатое дело: я свободно могу быть здесь и быть, когда захочу, и меня не посещают теперь бессмысленные муки.

- Тебе нравится быть уродливой толи змеей, толи ископаемым червем? – Не зная, что сказать, ляпнул я первое, пришедшее в голову.

Она не ответила, даже не улыбнулась, а просто опять превратилась в огромного монстра с острыми гребнями по сторонам всего тела, с клыкастой мордой и мгновенно уползла.

Владыка в это время возвращался к себе в кабинет, позади плелась за ним Ляля. Выглядела она расстроенной. Проходя мимо меня, владыка сказал мне:

- Буриной, зайди ко мне.

Владыка, добравшись до своего кресла, выглядел очень усталым. Было видно, что встреча с синтагмой ему далась нелегко. Я остался стоять в дверях, ожидая его распоряжений.

- Что ты там стоишь, Буриной? Проходи, присаживайся.

Сам не понимая своей такой неожиданной робости, я присел за конференц-стол. Но скорее это была не робость, а смущение: я никак не мог понять, помнит ли епископ, то, что происходило в этом кабинете совсем недавно. Но долго гадать не пришлось, когда владыка сказал:

- Фу, устал, будто целую гору мусора убрал. И ты знаешь, Буриной, я почти ничего не помню. Только хорошо помню, как договор подписывал. Но уверен, синтагма нас не обманет и обещание свое сдержит.

Вот даже как, значит, владыка теперь даже не знает, что на самом деле произошло. Ну что, ж сильным мира сего не обязательно знать такие мелочи. Мы еще немного поговорили с владыкой, и я пошел восвояси. Надо было как-то выяснить, что произошло с Захаром. Только я вышел на порог епархиального управления, прищурился на солнце, потянулся от удовольствия, как подошла ко мне Сибила (снова подивился, как это она так умеет неожиданно появляться), и протянула мне зеркало. Это зеркало я видел у них в ванной, Позвизд обычно перед ним брился.

- И зачем ты его мне принесла?

- Ты же Захара пойдешь искать? Вот без него ты его найти не сможешь.

Я взял зеркало, повертел в руках и сунул в свою сумку, которая всегда висела у меня через плечо. Как им пользоваться мне было неизвестно, но то, что Сибила принесла его предусмотрительно, подтверждало самые мои худшие опасения – Захара теперь не вернешь. Однако он не смирится с этим.

Сибила ушла. Мне казалось теперь, что это для Захара все полезное испытание его веры. Так я размышлял, подходя к своему дому, где меня поджидал Позвизд. «Вот же, - подумал я – муж с женой Покатовы сопровождают меня что ли по очереди». Позвизд сидел на лавочке, около дома какой-то грустный, увидев меня, он улыбнулся, поздоровался. Я сел рядом с ним и спросил:

- Ты чего здесь?

- Сибила велела тебя сопроводить.

Усмехнулся он и кивнул головой в сторону полицейского уазика, который стоял неподалеку от нас. А я на него даже внимания не обратил, так был рассеян.

- Поехали. – Предложил Позвизд.

И мы отправились на поиски Захара.

* * *

Захар Зацепин после того как освободился из застенков отца Азари, пребывал в каком-то эмоциональном ступоре. Вся внешняя канва событий воспринималась им как сквозь плотную ватную подушку. Покинув кабинет миссионеров, он уселся на лавку во дворе епархиального управления и с недоумением, большим интересом наблюдал за суетой во дворе управления: монахи вооружались, священники подбадривали друг друга и облачались в кольчуги, воинственно помахивали кистенями, размахивали воинственно мечами. Вот она настоящая духовная борьба! Тут он увидел небольшой отряд конных монахов, который стоял около въездных ворот епархии. Лошади ржали, били копытами, в предвкушении предстоящей битвы. В Захаре пробудились воспоминания детства, когда он все летние каникулы проводил в деревне у бабушки и целыми днями возился с конями на колхозной конюшне, помогая конюхам. Кони были его страстью. Он терпеливо наблюдал за конниками, уверенный в том, что ему представится шанс быть среди них. И действительно один из монахов спрыгнул с вороной кобылы и, подвернув подрясник, помчался в туалет. Захар

тут же воспользовался этим. Действуя по наитию, по какому-то безумному плану, который он и сам не знал, вскочил в седло, лошадь встала на дыбы, но Зацепин удержался в седле, стукнул каблуками животное, которое галопом помчалось, куда глаза глядят. При этом, неожиданно и весь конный отряд ринулся следом. Они понеслись галопом в тот момент, когда процессия сатураты вышла из епархиального управления и направилась к месту встречи с адом. Отряд Захара поскакал кружным путем, по кольцевой дороге и были на месте, когда процессия выстроилась в два ряда напротив продвигающегося ей навстречу адского сборища. Увидев их Захар, что есть силы, еще пришпорил коня, даже не обратив внимания, что значительно оторвался от своего отряда и по мере его приближения к существам из Прохода всадники замедляли движение своих коней, пока совсем не остановились. А он на полном скаку, как ему казалось, врубился в толпу inferнальных тварей и будто провалился в яму.

На какое-то мгновение он ничего не видел, черная пелена застилала глаза. Когда все рассеялось, он обнаружил себя посреди березового леса, без коня, без ботинок, и без сабли в руках. Все выглядело не так как раньше. Захар озирался по сторонам: кругом какая-то сырость была, по стволам берез стекали капли воды, он посмотрел вверх и, хотя небо отличалось серостью дождя, но ни одна капелька на землю не падала. Сырость будто из воздуха сочилась. Захар посмотрел на босые свои ноги, совершенно не понимая, куда делись ботинки. Он пошел вперед между берёзок, вскоре вышел на полянку, где стоял домик. Захар был уверен, вот здесь ему помогут, объяснят все, что здесь в этом мире происходит и куда делось все прежнее.

Захар открыл дверь и оказался в прекрасно обставленном офисной мебелью помещении. Это так не соответствовало наружному виду дома. Но здесь было не одна комната: Зацепин обнаружил еще спальню, кухню, санузел. В целом все что нужно для полноценной жизни. Он остановился в комнате с офисной мебелью. На столе были аккуратно разложено несколько журналов записей: «Прибывших на постоянное жительство», «Прибывших на временное жительство», «Книга записи и регистрации пропусков». Захар догадался, что это был некий пропускной пункт и обратил внимание на стальную дверь, расположенную в полуметре от стола. Он открыл ее, не совсем понимая, чего эта дверь здесь делает и не входная, и не межкомнатная. В лицо ударил горячий воздух, как из пустыни, за дверью открылась тьма, бездна, на дне которой пылал вечный огонь. Внимательно всматриваясь в кровавый горизонт

над бездной, с клубящимися клочьями дыма, он смутно, словно, через затемненное стекло, увидел тени грешников.

* * * *

Я никогда не думал, что у нас за городом такие пыльные дороги. Она одна и была от Мефодиева до Лакинской. Не грунтовка, вполне асфальтированная, но пылища поднялась пока мы по ней ехали несусветная. Позвизд еще окошко открыл в уазике, сказал жарко ему, насилу удалось уговорить его закрыть. Уазик метало из стороны в стороны: это водитель старательно объезжал ямы и колдобины. Я несколько раз башкой стукнулся о потолок машины. Водитель уазика поглядывал на меня и ухмылялся. Наконец мы доехали до места, с дорожной насыпи открывалось поле, где мы не так давно проводили сатурату. Его уже забороновали и никаких следов не осталось, но именно здесь, вот у того небольшого скопления кустиков с правой стороны от нас и предпринял свою знаменитую «атаку» Захар Зацепин. В результате исчез только один он, все остальные монахи и конь его потом нашлись. Мы выбрались из уазика на дорогу, я и Позвизд, водитель остался в машине.

- И что? Здесь поле. Где Захара искать?

Мой вопрос не был ни к кому обращен, скорее риторический, но Покатов предложил:

- Пойдем.

И мы пошли в поле. Прошли несколько сотен метров, и Позвизд велел мне вынуть зеркало, направить в сторону кучки кустов и смотреть в него. Сначала ничего не происходило – отражалось небо, земля, кусты, но потом картинку зарябило, будто ветер прошел по воде, снова изображение выровнялось, но теперь я видел березовый лес, бревенчатый домик, дорожку, песчаную площадку, дровяной сарай и вот около него я и обнаружил Захара. Он набирал дрова, складывал поленья на руку, согнутую в локте.

- Когда он пойдет в дом, будет смотреть в твою сторону, ты постарайся глядеть ему в глаза, так попадешь к нему.

Прошептал Позвизд, который также смотрел в зеркало, но, когда там Захар повернулся к нам, Покатов отвернулся, даже отошел в сторону. Я же выполнил все инструкции моего товарища из полиции – уставился в зеркало, так чтобы наши с Захаром глаза встретились. Он, набрав дрова, выпрямился, и наши глаза встретились, и я тут же оказался на той же дорожке, что и Захар. Увидев меня Зацепин, от неожиданности выронил из рук все поленья.

- Привет, Захар! – Сказал я, глуповато улыбаясь и помахав рукой.
- Ка ты тут устроился?

Зацепин на некоторое время онемел, потом у него из глаз полились слезы, он бросился ко мне, начал обниматься, причитать: «Как хорошо, что ты здесь, Буриной! Я уж совсем отчаялся выбраться отсюда». Мы пошли в дом. Конечно, сразу я ему ничего не сказал, не хотел огорчать. Но как только мы уселись в комнате за стол, я достал из сумки, которая была всегда при мне, договор и вкратце объяснил Захару его функции, как пограничника между двумя мирами. По мере того как ему объяснял ситуацию, лицо его все более мрачнело. Когда я закончил, он спросил:

- И что, я теперь не смогу вернуться?

Мне только пришлось в бессилии пожать плечами, я не знал этого, но у меня была одна догадка.

- Думаю, все дело в твоём нарождённом сыне. Он, кстати, приходил к тебе, когда ты оказался здесь?

Захар обреченно замотал головой.

- Ну вот. Мне кажется, пока он здесь не появится и не захочет с тобой пообщаться, ты отсюда не выберешься.

Я протянул ему договор, Захар взял ручку из органайзера на столе, черкнул на трех экземплярах договора.

- Ты даже не прочитал.

Спросил я, но Захар только хмуро посмотрел на меня, пожал плечами.

- Какая теперь разница. Думаю, что и как делать подскажешь.

Я решил осмотреть дом, заглянул в холодильник, там было полно еды. Я взял пачку сосисок, на их месте тут же появились новые.

- Голодным не останешься тут. Все условия есть. Можешь гулять по лесу.

Попытался я успокоить Зацепина, но тот был неутешен. И в этот момент в дверь громко постучали. Мы оба насторожились и переглянулись. Скорее всего, это был первый клиент оттуда, желающий совершить экскурсию в мире живых. Я махнул головой на дверь, давая понять Захару, чтобы он шел открывать и тот стал потихоньку пробираться к двери. А сам я вынул из сумки зеркало, посмотрел в него, увидел поле, уазик и Позвизда, который сосредоточено справлял малую нужду около колеса и никак не хотел смотреть в мою сторону – то вверх посмотреть,

то в сторону, но все же мы встретились с ним взглядами, и я тут же оказался рядом с ним в поле.

- Ух, неожиданно, как ты переместился. - Сказал Позвизд застегивая ширинку. - Ну и как там дела?

- Договор ему оставил. В целом приступил Захар к своим обязанностям.

Я хотел еще что-то сказать, но тут у меня зазвонил сотовый телефон, я нажал кнопку и ответил:

- Да.

Выслушав, я в растерянности посмотрел на Покатова, а тот напряженно ждал моего ответа.

- Звонил Захар, сказал, что брат хочет приехать. Как это возможно, он же вроде вампир и здесь где-то поблизости обитает?

- Э нет, - пояснил Позвизд. - Он теперь одновременно и там и тут живет, но, чтобы здесь остаться, ему нужно наше разрешение. Значит, договор действует.

Решил Покатов и сел на переднее сиденье «уазика». Я какое-то время помедлил, думая про себя: «Ему не наше разрешение нужно, а мое. Так-то!», наверное, у меня в это время было злодейское выражение лица.

Эпилог

Не секрет, что после смерти большая часть людей попадает в ад. Так получилось, но место это находится, где-то в сферах, соприкасающихся с земной поверхностью. И в некоторых таких местах грань соприкосновения слишком тонкая, поэтому может порваться. Вот таким местом и был наш Мефодиев. Синтагма мост между гранями одного мира. Случайно или нет, я ее выпустил. И теперь за все дальнейшие события нести ответственность только мне.

2024 – 5 октября 2025

1. 50

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>